

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ЗАРНИЦЫ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СССР В КОНЦЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ И В НАЧАЛЕ СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Второе издание

ЗАРЯ КАНАДА 1974

SECOND EDITION

LIBRARY OF CONGRESS CATALOG CARD NUMBER:

74 - 79202

All rights reserved. This book or any part thereof must not be reproduced in any form without the written permission of the publisher.

©

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНОЕ ДЕЛО ЗАРЯ

ZARIA 73 BISCAY ROAD LONDON 74, ONTARIO CANADA

Предисловие

Эта работа посвящена церковной жизни в СССР и охватывает период с 1968 года по 1973 (включительно). По свосй хронологической характеристике данное издание является своего рода продолжением моей книги «Гонимая Церковь», изданной в 1967 году, но одновременно носит в этом отношении совершенно самостоятельный характер.

Книга «Гонимая Церковь» была посвящена, главным образом, периоду острых гонений на религию, имевших место в начале и в середине шестидесятых годов. Данная же работа посвящена следующему периоду жизни Церкви, может быть в некоторых отношениях менее острому в отношении систематических гонений на нее, но чрезвычайно интересному с точки зрения тех процессов, которые происходят в России в области религиозной жизни.

Этот период настолько интересен и перспективен, что заслуживал бы гораздо более обширной работы, чем предлагаемая, но целый ряд обстоятельств, связанных с положением русского зарубежного издательского дела, не позволяет нам значительно расширить издание. Поэтому внимание читателей концентрируется на главнейших факторах, определяющих сейчас положение на религиозном фронте в СССР и оставляются в стороне другие интересные детали и факты, имеющие по своему значению второстепенный характер.

Иллюстрируя высказывамые нами положения рядом конкретных примеров из религиозной жизни в СССР, мы должны отметить, что таких примеров можно было бы привести гораздо больше. Но и приведенного в этой книге вполне достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы.

Религиозная жизнь в Советском Союзе вступила в новый этап, не похожий на то, что было до сих пор. Своеобразию этого нового этапа и посвящена эта работа.

Автор

Бостон. Новая Англия. 1974 г.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ В СССР

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Острые гонения, организованные властью в шестидесятых годах, начали понемногу спадать к концу данного десятилетия. Самый разгар гонений следует отнести к середине пестидесятых годов, в частности, к 1962—1965 г.г. После 1965 года гонения постепенно, но очень медленно, пошли на убыль и вошли в свой обычный, нормальный для коммунистической диктатуры уровень, приблизительно в начале 1968 г., что и было констатировано зарубежной прессой.

Мы пишем о «нормальном» уровне преследования и давления на религию, ибо Церковь всегда, за некоторым исключением, быть может, в военные и первые послевоенные годы, находилась под давлением власти, переходящим часто в перманентные гонения. И если мы специально упоминаем о гонениях шестидесятых годов, то это делается потому, что они являются экстраординарными по своей остроте, по сравнению с обычным гонимым положением Церкви в СССР.

Острые преследования действительно стихли, но остался хронический процесс постоянного враждебного давления на Церковь и религию в целом, всяческого ее ограничения, насилия, с отдельными вспышками гонений и антизаконных инцидентов. Полная несвобода церковная осталась по-прежнему характерной и трагической чертой жизни Русской Православной Церкви (РПЦ), равно как и всех иных христианских исповеданий и религий в СССР.

В результате десятилетних острых гонений (1958—1968) РПЦ лишилась подавляющего большинства своих храмов. При отсутствии точной и беспристрастной статистики в области религиозной жизни в СССР, трудно с абсолютной точностью говорить о количестве открытых и закрытых храмов. Но приближенно мы все-таки можем дать некоторые данные в этой

области. И, надо сказать, что до сих пор данные, которыми мы располагаем здесь, зарубежом, при проверке оказывались соответствующими действительности, лишь с небольшими отклонениями незначительного характера.

КОЛИЧЕСТВО ОТКРЫТЫХ ХРАМОВ

Приводим некоторые ориентировочные цифры, дающие общее представление о количестве открытых (действующих) храмов, в сопоставлении с дореволюционным и послевоенным периодом.

Годы												o.	личество	открыт	ых	храмов
1914													54.174	*)		
1941													500	•		
1957													22.000			
1964													10.000			
1967													7.000			
1971													4.500	**)		

Таким образом, если мы остановимся на периоде гонений шестидесятых годов, то увидим, что начиная с 1957 года по 1967 год в СССР было насильственно закрыто и разрушено приблизительно 15.000 православных храмов и молитвенных домов. При этом, как уже говорилось ранее, наиболее интенсивная волна гонений и ликвидаций храмов относится к началу и середине шестидесятых годов. Во второй половине указанного периода ажиотаж закрытия церквей несколько сокращается, постепенно снижаясь в последующие годы, но не прекращаясь. Задача постепенного закрытия всех церквей, с

^{*)} Без часовен и молитвенных домов, которых было в 1914 г. 23.593. Анализ более ранних цифр см. в нашей книге «Гонимая Церковь».

^{**)} Эта цифра (4.500) открытых церквей) является максимальной. В открытом письме А. И. Солженицына к патриарху Пимену имеются данные, говорящие о том, что число открытых храмов еще меньше. Не оспаривая этих данных, мы должны подчеркнуть, что достоверной статистики в этой области вообще нет. Вернее, она где-то имеется, но не является общедоступной т. к. засекречена. Поэтому вполне возможно ,что приведенную нами цифру следует изменить в сторону еще большего снижения, но пределы этого снижения сейчас установить трудно.

намерением полной ликвидации религии, остается одной из главных целей внутренней политики диктатуры. Диктатура, однако, ошибалась в одном: ликвидация всех храмов, хотя и нанесет сильный удар религии, но ни в коем случае не уничтожит ее.

Наши данные о количестве православных храмов, открытых в данное время, подтверждаются полностью и советскими источниками. Так, например, в статье Н. А. Пашкова — «К вопросу о характере обыденного религиозного сознания православных христиан», 1 имеются следующие строки, не вызывающие сомнения в отношении их смысла.

«Сейчас, когда из всей густой сети храмов, покрывавших некогда всю страну, сохранилось не более десятой части, естественно, организационные связи храмов с прихожанами значительно ослабли, если не порвались совсем» (выделено нами, Д. К.).

Выше была приведена цифра, характеризующая то положение, когда «густая сеть храмов» покрывала всю страну. Если взять от этого количества приблизительно 10%, то мы придем к указанной нами цифре, приближающейся к 4.500 храмов и молитвенных домов.

В связи с этим есть смысл обратить попутно внимание и на замечание, констатирующее своего рода обвал организационной связи храмов с прихожанами, обусловленный громадным сокращением действующих церквей. Нельзя также не обратить внимание и на другое замечание Н. А. Пашкова о том, что «сейчас ни один настоятель, ни один церковный староста не может сказать, сколько прихожан в его церковноприходской общине, потому что границы этой общины расплылись, стали совершенно неопределенными».

Это еще один из аспектов храмовой проблемы в СССР, причем аспект этот находится в поле зрения власти и его последствия входят в ее расчеты.

К началу семидесятых годов, по данным полученным опытным путем, установлено, что практически создались своего рода «нормы» открытых храмов в соответствии с количеством населения в той или иной местности или городе. «Нормы» эти отнюдь не носят какого либо официального характера, а практически замечены путем наблюдения и анализа имеющихся данных. Замечено, что в городах с населением в 200-300 тысяч жителей, к началу семидесятых годов, обычно был открыт один храм. В городах с полумиллионным населением и выше — открыто два-три храма.

ИЗМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ОТКРЫТЫХ ХРАМОВ. «ХРАМОВОЙ РЕЖИМ»

Приблизительные данные об открытых православных храмах дают представление о положении РПЦ, но еще ничего не говорят нам о «храмовом режиме», установленном властью для этой стороны жизни Церкви. Как это было видно из приведенных выше цифр, власть неуклонно проводила политику максимально-возможного уменьшения открытых православных храмов, но так, чтобы не вызвать проявления острого недовольства со стороны верующего населения, а также с известной оглядкой на иностранное общественное мнение. Поэтому в эти годы храмы закрывались по возможности тихо и незаметно, без особых инцидентов. Больше того, были констатированы весьма редкие случаи открытия новых храмов. Однако, отнюдь не является характерным для последнее периода. (В печати промелькнуло сообщение, что в селе Кулебовки, Новомосковского района, Днепропетровской области, 25 февраля 1971 г. было совершено освящение нового молитвенного дома во имя Покрова Божией Матери. В 1970 г. в Tvance был восстановлен Крестовоздвиженский молитвенный дом, после случившегося в нем пожара. В 1969 г. был освящен восстановленный после пожара молитвенный дом в станице Мартанская, Сочинского благочиния. Мы имеем сведения о том, что в это же время некоторые храмы были подвергнуты капитальному и текущему ремонту и реставрации. Но все это редкие случаи на общем фоне неуклонной тенденции к закрытию, под теми или иными предлогами, действующих храмов).

Одним из характерных документов описываемого нами периода жизни РПЦ, прекрасно отражающим «храмовой режим», практически установленный диктатурой, является «Письмо трудящихся г. Горького к генеральному секретарю Всемирного совета церквей — Юджину Блейку». ² Этот документ, относящийся к концу 1968 г., получивший широкую известность на Западе, констатирует следующее.

- 1) В Нижнем Новгороде (Горьком), насчитывавшем до 1917 г. 100 тысяч жителей, имелось свыше сорока православных храмов.
- 2) В настоящее время население г. Горького составляет 1.2 миллиона жителей и при этом населении открыто только три небольших храма, расположенных в бывших сельских местностях и включенных позднее в черту города, т. е. на периферии, куда горьковчанам из других районов города не так уж легко попасть (слобода Печеры, поселок Карповка).

- 3) Общая вместимость всех трех открытых храмов не превышает 4.000 человек. При этом авторы Письма указывают, что если исходить лишь из предельно минимального процента верующих в отношении всего населения (10%), то число верующих в Горьком составит 120.000, не считая приезжающих в горьковские храмы из других мест (города Бор и Дзержинск) и районов области, не имеющих открытых храмов. Надо при этом отметить, что авторы Письма подошли к расчету количества верующих очень осторожно, дав несколько заниженные цифры. По данным, исходящим из различных источников внутри страны, и по приблизительным статистическим расчетам, появившимся в специальной советской литературе, количество верующих в городах, а следовательно и в Горьком, следует исчислять в данном случае в пределах до 300.000 человек. Из них на долю РПЦ следует отнести не менее 240,000, т. е. вдвое больше, чем указано в петиции горьковчан. Почему в ней количество верующих явно преуменьшено — трудно сказать. Вероятно, речь идет о количестве лиц, посещающих храмы, но состав их меняется, что особенно характерно для СССР, где некоторые приходы, при остром недостатке открытых храмов, превращаются во все время меняющийся поток людей, посещающих церковь от случая к случаю.
- 4) Письмо отмечает, что «чрезмерное скопление молящихся внутри храма, особенно в осенне-зимнее время, при сильной тесноте и духоте, а также стояние вне храмов с непокрытыми головами (мужчины) на холодном воздухе, вызывает не только заболевания но даже несчастные случаи, зарегистрированные в городских больницах».
- 5) Трудящиеся г. Горького ходатайствовали перед властями об открытии в Горьком еще четвертого храма. Однако, пройдя длинные бюрократические мытарства и написав ряд ходатайств в различные инстанции, в т. ч. и в самые высшие, они, в конечном итоге, получили отказ. (В дальнейшем, они продолжили свои старания в смысле открытия четвертого храма).
- 6) Как свидетельствуют опубликованные материалы, связанные с горьковским случаем, верующие, подписавшие тот или иной документ по поводу открытия нового храма, были подвергнуты соответствующему «воздействию» по месту работы, с применением разных методов нажима, угроз, лишения законных прав и с требованием отказа от своей подписи.

Положение в г. Горьком в смысле открытых еще храмов далеко не единично. Об этом свидетельствует также хотя бы

тот список известных еще открытых церквей в городах, который приведен ниже.

Горьковская трагедия, независимо от ее практических результатов, т. е. добились верующие открытия еще одного храма или нет, имеет еще особое значение, ибо в ней имеются проблески чего-то нового, с чем власть справиться уже не в силах. А новое это заключается в том, что, как свидетельствует петиция горьковчан, фактическое исповедание своей веры вышло в СССР из рамок подспудной запуганности и превратилось на наших глазах в открытое исповедничество. Ибо петиция, или письмо горьковчан, как и другие аналогичные петиции, являются, одновременно с их прямым назначением, и актом исповедничества, переходящего в ту стадию его духовного развития, когда духовное самосознание лиц, подписавших подобного рода документ, начинает носить в себе начатки святости, на которой стояла Россия. И в этом глубокий смысл горьковской трагедии.

Власть отказала верующим горьковчанам в открытии еще одного храма. Она старается всегда поступать так, как поступила в данном случае. Но, кроме этого, власть продолжает брать на себя инициативу по дальнейшему закрытию православных и всяких иных храмов. В подтверждение сказанному можно привести ряд выборочных примеров из практики последних лет.

Иностранная пресса, ссылаясь на советский источник, сообщила, что в августе 1970 г., деревянная Свято-Николаевская церковь в населенном пункте Хотин (карпато-русский храм) была закрыта и переделана в местный антирелигиозный музей. ³ Маленькая, но характерная деталь и, к сожалению, не единичная.

В г. Колянча около Новосибирска, под предлогом пожарной безопасности, закрыт православный храм. Когда верующие, в целях соблюдения правил пожарной безопасности, вырыли водоем, местные власти его засыпали и запретили совершение богослужений, несмотря на разрешение из Москвы. При этом местные власти сорвали на храме купол, во время чего был убит пятилетний ребенок. Взамен храма верующие в данном случае получили маленький, не удовлетворяющий никаким пожарным требованиям, молитвенный дом. 4

В Севастополе с незапамятных времен возвышался Владимирский собор, усыпальница четырех русских адмиралов — М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, — хорошо известных героев Крымской войны 18531856 г.г. Во Вторую мировую войну, собор в Севастополе значительно пострадал. Вот как описывает послевоенный вид собора журнал «Наука и религия»: ⁵

«Далеко с моря виднелся решетчатый купол: покрытие обрушено при бомбежках и обстрелах и уцелел лишь каркас. Вид этого «скелета» вызывал боль в сердце у тех, кто любит Севастополь. А ретивых градоустроителей очень смущала форма памятника — как же, храм, увенчанный крестом! Какие только проекты не выдвигались для исправления «шокирующей» формы: от радикальной реконструкции до сноса. Но собор отстояли, и добрую долю в этом взяли на себя защитники города в Великой Отечественной войне. И среди них генлейтенант Жидилов».

Мы вполне допускаем, что ген. Жидилов, когда-то командовавший 7-й бригадой морской пехоты, входившей в состав войск оборонявших Севастополь, мог воспротивиться разрушению или безграмотной реконструкции собора. Вполне возможно, что он был не одинок в своей защите собора. Дело не в этом, а в том, что власть и не подумала о восстановлении собора как религиозного памятника и об использовании его по прямому назначению, а стремилась или к переделке его на какой-то новый безрелигиозный памятник, или, в крайнем случае, к восстановлению собора, но, опять таки, как своего рода музея. О естественной передаче собора верующим нет и речи.

В городе Яремче (Карпаты) имелся местный православный храм, описание которого мы берем из советской печати:

«Красота здешних мест привлекает отдыхающих круглый год. Едут люди со всех концов Союза, из-за границы. Никому ни проехать, ни пройти Яремчу без того, чтобы не полюбоваться на здешнюю церковь. Все в ней, от цоколя до кровли, изумляет соразмерностью форм. А тот, кто войдет во внутрь, увидит деревянный, резной, в канонических виноградных гроздьях и листьях иконостас с резной калиточкой — вратами алтаря... Церковь эта не является древним памятником архитектуры: строительство было начато в 1928 г. и закончено через семь лет. На свой глаз и вкус строили храм местные мастера — Иван Яворский, из поселка Делятина, и Петро Григорчук из села Речка, Косовского района, а резьбу и выжигание узоров по дереву выполнил здешний учитель Иван Свищук». 6

Православные люди построили себе храм, о котором даже атенстическая печать не может писать без известного восхи-

щения. Церковь эта впоследствии принадлежала местному монастырю. И на том основании, что церковь была монастырской, что в ней молились монахи и, по мнению журнала, народу она была не нужна, ее переделывают в «народный атеистический музей».

Город Остров, Псковской области. Журнал «Наука и религия» предоставил свои страницы для выступления Л. Г. Рубинис — председательнице местного совета клуба атеистов, энтузиастке своего дела.

«...Самая старая часть нашего города стоит на островке посреди реки Великой, отсюда и название — Остров. Здесь была крепость и старинная церковь. Позже на берегу реки построили собор, — до недавнего времени он был действующим. А несколько лет назад решили поставить на главной площади памятник нашей героине — партизанке Клаве Назаровой. Заказали памятник, назначили день торжественного открытия, даже слух прошел, что кто-то из космонавтов приедет... Церковь в связи с этим перевели в храм на острове. В ссвободившемся помещении собора решили организовать граеведческий музей. Но вот беда: музея, где воспитывается любознательность, любовь к своему прошлому, гордость за родную землю, — до сих пор нет». (выделено нами, Д. К.).

Но зато вместо музея имеется нечто иное.

«...Заброшенная громада храма в центре города навевает тоску. Рядом — бочка с квасом и остановка местного автобуса. На обшарпанных колоннах собора — расписание маршрутов. Тут же останавливаются могучие «икарусы» междугородных линий. В обеденный час через площадь тянутся в ресторан стайки туристов, среди которых много иностранцев. И тень безмолвного храма невольно заставляет их озираться».7

Остановимся несколько подробнее на этой картинке, нарисованной Любовь Гавриловной Рубинис, человеком, для которого атеизм является ее кровным делом. И здесь сразу же возникнет несколько вопросов:

1) Что значит, что собор **«перевели»** в церковь на острове? Это значит, что собор **был закрыт** независимо от желания его прихожан и последним было предложено посещать другую небольшую церковь на острове. Как могла эта церковь вместить и своих и соборных прихожан — остается непонятным. Можно предположить, что по образцу города Горького, о котором шла речь выше. Таким образом, совершенно очевидно, что власть в данном случае не считалась с реальными

нуждами и желаниями прихода, как и умышленно не считалась с тем, может ли церковь на острове вместить всех желающих попасть в нее или нет. Типичная картина насилия над верующим населением, с желаниями которого диктатура не считается.

- 2) Почему собор надо было закрыть в связи с тем, что на соборной площади решили поставить памятник Клаве Назаровой для обычной и нормальной человеческой логики остается непонятным. Памятник, конечно, может стоять, но зачем же закрывать церковь? Надо полагать, что памятник явился также предлогом для закрытия собора. Этот предлог, очевидно, был «оформлен» как идеологическое несоответствие между памятником и действующим храмом. Еще один пример того, как закрываются церкви в СССР в наши дни и как охраняются там, так называемые, конституционные права верующих.
- 3) Еще одна причина или, вернее, повод для закрытия собора организация краеведческого музея, тоже оказалась несостоятельной. Никакого музея не открыли, а собор закрыли. Музей это очередной предлог для закрытия храма.
- 4) Тот факт, что об этом пишет центральный антирелигиозный журнал, предоставляя место для своего рода интервью с «первым энтузиастом» по атеизму в г. Острове, причем все интервью ведется в несколько извиняюще сожаленческих тонах, свидетельствует лишь о том, что история с собором получила где-то какой-то нежелательный резонанс, на который журнал получил директиву реагировать.

Одновременно, в том же номере журнала, сообщается, что в островском районе Псковской области остались три действующие церкви: Николо-Троицкий собор в г. Острове, Покровская церковь в деревне Елино и Никольская в селе Владимирец. И это на весь район, достаточно густо заселенный. Отсюда видно, как расправляется власть с «религиозными предрассудками».

Закрывая постепенно храмы, власть все же считает необходимым, с одной стороны, находить «благопристойные» предлоги для их закрытия, а, с другой стороны, вести своего рода подготовительную кампанию для их ликвидации. Образцом такого рода подготовки может служить следующий эпизод, попавший на страницы столичной прессы. 8

«Поздним январским вечером жители деревни Свило, Глубокского района, были разбужены сиреной пожарных машин. А началось вот с чего. После очередного богослужения в местной церкви, председатель церковной ревизионной комиссии Г. Куриленок, староста А. Литвиненко, казначей Ф. Редько с миром отпустили домой прихожан и начали подсчет жертвоприношений. Часть сбора решили пропить в честь рождественских праздников. В сельмаге служители культа набрали вдоволь московской водки и начали праздничную трапезу. Перепившиеся сотрапезники слишком поздно заметили, что церковь об'ята пламенем. Они до того увлеклись выпивкой, что забыли погасить угли в кадиле. По этой причине и возник пожар. Прибывшим на место происшествия пожарникам уже нечего было делать. А там, где был храм, остались лишь развалины да груды пепла. Рядом стоящие дома колхозников удалось спасти.»

Эта корреспонденция из Витебска является подготовкой к тому, чтобы закрыть приход. Ибо, хотя храм и сгорел, но приход может существовать и построить себе новый храм или молитвенный дом. Однако, все содержание заметки не выдерживает критики. Возникновение пожара от того, что не были потушены угли в кадиле — мало вероятно. Угли из кадила обычно после конца богослужения вынимаются и тушатся водой или остаются в кадиле, которое закрывается крышкой, от чего угли быстро тухнут. От этого последнего варианта пожары нигде не возникают. Ссылка на то, что кадило было забыто, потому что указанные выше лица увлеклись выпивкой нелепо, т. к. после конца богослужения и при закрытии церкви никакой выпивки еще не было. Кроме того, утверждать «кадильную» причину пожара, после того, как храм сгорел вообще невозможно. Это уже область вымышленных предположений. Возможно, что в храме что то было забыто, например, горящая свеча или лампада, от которой и возник пожар. Подобного рода случайности возможны всегда и везде, но в СССР они обыгрываются с определенной целью.

Утверждение, что в сельмаге «служители культа» накупили водки — ложно по той причине, что ни церковный староста, ни казначей, ни председатель ревизионной комиссии не являются таковыми; явное передергивание фактов для дискредитации духовенства. То, что накануне Рождества, по деревенскому обычаю, люди решили закусить и выпить не является чем-то необыкновенным. Таковы деревенские обычаи. Доказательств, что это было сделано на церковные деньги — корреспондент никаких не приводит. Что же касается пожара, то его должны были заметить в домах, стоящих около церкви.

А если члены церковного комитета ушли в один из домов, отстоящих подальше от храма, то независимо от того пили они или нет, они не могли своевременно заметить пожар. Все в этой заметке в высшей степени несправедливо, тенденциозно и подозрительно. Но зато «целесообразно», ибо подобного рода «сигналы» общественности являются хорошими козырями в руках уполномоченных власти для закрытия приходов.

Изложенное нами выше относилось к православным храмам. Но такая же судьба постигает в СССР и храмы иных исповеданий и религий.

«В местечке Новая Руда, Гродненского района БССР, исполком решил закрыть костел и переоборудовать его в зернохранилище. Председатель исполкома Белакова ездила в Москву за разрешением на закрытие костела. Просьбы верующих не закрывать костел были оставлены без внимания.

26 июня 1970 года заместитель Белаковой, Захарченко, переодевшись в милицейскую форму, с группой милиционеров спрятался в лесу и два часа ждал, пока жители, уйдут на работу, Затем костел был оцеплен. Захарченко сбил замок, милиционеры собрали церковную утварь и погрузили ее на машину. Видевшие это женщины пытались помешать милиции, но испытав на себе со стороны милиции «физическое воздействие» (женщинам заламывали руки) и отчаявшись помешать увозу церковной утвари, легли под колеса машин. Шофер отказался вести машину, тогда за руль сел Захарченко, а милиционеры стащили женщин с дороги. Машина уехала. Костел был закрыт». 9

Другой случай.

«Летом 1969 года в селе Шучине, Гродненской области, был закрыт костел. Священник отказался покинуть свою паству». 10

Можно привести еще много примеров из недавнего прошлого и из нашей современности.

На Выборгской стороне в Ленинграде, в Лесном, на пересечении Гражданского проспекта и проспекта Непокоренных, находилась небольшая деревянная церковь во имя Пресвятой Троицы. Ленинградский исполком вынес решение о сносе этой церкви и ряда соседних с ней зданий, в связи с реконструкцией этого района. Выборгский райисполком предоставил прихожанам сносимой церкви другую, во имя св. благоверного великого князя Александра Невского на Шуваловском кладбище. Маленькая деревянная кладбищенская церковь, почти

часовня, видимо была раньше закрыта и находилась в таком состоянии, что ее будущие прихожане должны были в продолжении двух месяцев производить необходимый ремонт. 11

Советская печать продолжает сообщать об использовании закрытых или закрываемых церквей. Вблизи Минска, в Заславле создается музей истории древних городов Белоруссии. Этот музей должен быть размещен в церкви XVI столетия во имя Преображения. 12

Речь идет о городе Яренске, бывшей Вологодской губернии, ныне Архангельской области. Из этого города некто Е. Цыгаров сообщает следующее:

«Я фотограф - любитель решил, что читателям журнала «Наука и религия» будет интересно увидеть, как приспособили у нас колокольню для устройства местного телевизионного ретранслятора. В самой же этой бывшей церюви помещается ныне краеведческий музей.» 13

«Софийский собор в городе Полоцке был первоначально построен в XI столетии... Сейчас Софию укрыли кружева строительных лесов. Исторический памятник после реставрационных работ откроет двери для посетителей. Здесь будет устроен атеистический музей». 14

ПАМЯТНИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА (ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО)

Перенесемся теперь мысленно в древний город Козельск, около которого находилась знаменитая Оптина пустынь.

«Неумолимое и беспощадное время, и особенно война, поразрушило Оптину пустынь. основательно Обветшали и снесены многие ее здания, исчезли с территории бывшего монастыря и его скитов роскошные аллеи, цветники и розарнумы, вымерзли в суровую зиму тридцать девятого года большие монастырские сады... Ежегодно сюда приезжают тысячи советских людей. Едут преподаватели, студенты, рабочие и колхозники, знатоки и любители природы, ученые и, конечноже, представители литературного мира. Местные власти и широкая общественность Козельска делают все от них зависящее, чтобы народная тропа к Оптиной пустыни стала еще более широкой. С этой целью в городе уже много лет функционирует историко - краеведческий музей. И вот нынешним летом музей обогатился литературным филиалом, открытым непосредственно на территории бывшего монастыря в Оптине. Этот филиал расположен в одном из небольших домов бывшего монастырского скита, в котором гостил Ф. М. Достоевский, работавший здесь над главами «Братьев Карамазовых» (выделено нами, Д. К.). 15

Дополним это описание сообщением о том, что в помещении Оптиной пустыни разместилось также училище механизации сельского хозяйства.

Закрывая тысячи храмов на территории страны, особенно в шестидесятых годах, власть не дала себе труда выделить из всех закрываемых храмов те, которые представляют ценность, как памятники церковного зодчества, церковного искусства, как исторические памятники, как, наконец, памятники, связанные с теми или иными событиями в жизни страны. Так как это не было своевременно сделано, то при массовом закрытии храмов в шестидесятых годах и в последующее время, были не только закрыты, но разрушены и изгажены сотни и даже тысячи памятников российской культуры. Наконец, под влиянием голосов специалистов, власть спохватилась и стала интересоваться материальными ценностями религиозного искусства, активно уничтоженного по всей стране.

Этому вопросу было посвящено одно из выдающихся произведений нашей эпохи — «Черные доски», писателя Владимира Солоухина. «Черные доски» произвели во всем мире надлежащее впечатление. Талантливый писатель дал совершенно потрясающую картину варварского уничтожения, уничтожения часто насильственного, уничтожения возмутительпамятников церковной архитектуры, т. е. уничтожения памятников изобразительного церковного искусства и, в частности, часто исключительных по художественной ценности древних икон. Если даже оставить в стороне религнозную сторону вопроса, то и с чисто культурной точки зрения, факты приведенные В. Солоухиным в его книге настоль ко дики и безобразны, что становится совершенно непонятным — почему власть, обладающая повышенно «пуританской» цензурой, когда дело касается критики ее деяний, допустила выход «Черных досок». К сожалению на этом вопросе авторы, писавшие о В. Солоухине, не потрудились остановиться. А между тем, данный вопрос представляет значительный интеpec.

Можно полагать, что «Черные доски» Владимира Солоухина были сознательно допущены к опубликованию по совершенно определенным причинам. Они должны были сыграть до известной степени ту же роль, какую сыграла статья Сталина «Головокружение от успехов» в области политической во время разгара коллективизации, т. е. остановить всякого рода вышедшие из под контроля излишества и перегибы, допускаемые перестаравшимися партийными и советскими органами на местах. Как известно, статья Сталина должна была, несколько ослабить и даже частично остановить тот поток насилий и всякого рода безобразий в деревне, который был вызван коллективизацией. Насилия эти, достигшие своего апогея, вызвали такую реакцию народа и такое разорение крестьянства и сельского хозяйства, что сделались опасными для власти. Вот тогда то и был сделан соответствующий окрик сверху, призывавший к известному порядку и некоторой необходимой сдержанности перестаравшихся партийных руководителей всех рангов.

Было обнаружено, что в шестидесятых годах, среди разрушенных, брошенных на произвол судьбы или переделанных на иные нужды храмов, оказалось много ценных архитектурных памятников, а ценности, уничтоженные внутри храмов, оказались практически неисчислимыми. Об этом, как мы уже указывали выше, несколько лет назад, в советской печати, начали раздаваться робкие вначале голоса специалистов, об этом начали писать заграницей. Власть, наконец, поняла, что уничто жая без разбора храмы, дав в этом отношении свободу соответствующим ее представителям на местах, она, как говорится, «наколола дрова» и в прямом и в переносном смысле. Власть не только дискредитировала себя, уничтожив шедевры церковного зодчества и иконописи, но нанесла себе колоссальный материальный ущерб, ибо все эти памятники церковного искусства стоят огромных средств, независимо от того, в какой валюте это будет выражено.

Чтобы как то оправдать себя в творимых совершенно нелепых и невежественных безобразиях на местах, чтобы одернуть окончательно потерявших меру своих представителей, занимающихся вопросами религии, и были выпущены «Черные доски». Диктатура, вероятно, не хотела, но должна была выпустить эту книгу, чтобы сократить размах подобного рода «полезной деятельности».

Обратимся к «Черным доскам» и приведем несколько наиболее, с нашей точки зрения, характерных примеров.

В. Солоухин приезжает в родное село, очевидно на летний отдых, и заходит к своему соседу — дяде Никите.

«Передний угол комнаты занимала большая черная как

уголь доска. Я подошел и стал разглядывать.

-- Или заинтересовала? Возьми к окошку на свет.

Я отвязал жирную от многолетнего мушиного сидения веревку, снял икону и поставил ее против света к окну. Сквозь черноту, сквозь олифу, спекшуюся рубцами, сювозь копоть и грязь проглядывали темно-вишневые одежды святого, изображенного в рост. Он был в короне и как будто с кадилом и угадывались еще на темно-вишневой одежде тонкие узоры, нарисованные золотом. Когда я смотрел на икону сбоку, вскользь, некоторые места ее выделялись рельефно, и мое воображение рисовало мне, как поздний живописец наляпал на эти места своих поздних варварских красок. С этой минуты до некоторых пор (пока я все же не научился немного разбираться в иконах) мне повсюду мерещелись поздние записи по несколько слоев: окошечко, прорубленное из тьмы в сияющий древний век, неотступно стояло перед моими глазами.

- --- Дядя Никита, тде ты ее достал?!
- В Фетининской церкви, в алтаре. Я работал в совхозе кузнецом, жил в Фетинине. Когда церковь закрыли, этих икон валялось батюшка мои светы!
- И куда их потом? Может, свалили в какой нибудь сарай и они лежат...
 - Что ты, тогда же все извели.
 - Как так извели?
 - Из них ящики для картошки сколачивали.» ¹⁶

Подобный случай не является чем-то исключительным.

«За поворотом дороги неожиданно открылось село, в которое мы стремились. Поверх домов и деревьев выглядывал купол церкви, увенчанный покосившимся крестом. Не разобрана церковь на кирпич, одно это можно считать удачей. Терпения искать кладовщика у нас не хватило. Мы остановили первую жительницу села, она шла с колодца с полными ведрами воды, и начали у нее расспрашивать.

- Нет, граждане, ничего там внутри не осталось. Как закрыли церковь, так все иконы и вывезли.
- Не помните ли, куда? Может, были разговоры в свое премя: так, мол, и так, повезли в музей.
- На кормушки. Бывало, женщина перешла на мистический шепот, бывало, станешь лошадям корм давать, наклонишься над кормушкой, да и отшатнешься жуть! Из кормушки на тебя либо Христос, либо Богородица смотрит. Лики строгие, глаза большие, жуть то и возьмет.» 17

Не говоря уже о том, что подобные вещи с точки зре-

пия сохранения ценных памятников церковного искусства совершенно недопустимы, нельзя пройти мимо и другой стороны вопроса. Использование икон на кормушки — это ничто иное, как совершенно возмутительное издевательство над верующими, о необходимости нормализации отношений с которыми пишет все время советская печать. Но одно то, что бывает на бумаге, а другое, что действительно творится на самом деле.

«Легко отличить издалека действующую церковь от недей ствующей, живую от мертвой. Но здесь был особый случай, потому что церковь закрыли совсем недавно, печать запустения и мертвенности не успела лечь на нее. Веселая, живая церковь светилась на золотистом от пшеницы холме. Но мы-то знали, что она вовсе уж не жива и, вероятно, никогда не воскреснет.

Мы нашли председателя колхоза, представились ему и попросили, нельзя ли посмотреть церковь.

- Вы все равно будете из нее все выбрасывать, а нам интересно. Может попадется книга, может икона. Если нельзя, то, конечно, нельзя, мы не настаиваем, мы только просим.
- Приехать бы вам позавчера, искренне огорчился председатель.
 - В чем же разница?
- Как это в чем? Очень даже большая разница. Это помещение мне дали под склад. Значит, должен я его освободить или нет?
 - Допустим.
- Ну и, чтобы не возиться, я решил одним махом. Нарядил бригаду плотников с топорами. Топоры у плотников сами знаете огонь. Они мне за полдня все, что было внутри, превратили в мелкую щепку.
 - Когда это случилось?
- Говорю, вчера. Говорю, позавчера бы вам приехать.
 Все еще стояло на месте, и все было цело, как новенькое.
 - Шепки вывезли?
- Нет, обрадовался председатель. Щепки еще на месте. Ни одной щепочки не вынесено, все лежит посреди церкви.

Помолчали.

-- Я ведь не думал, что это кого-нибудь еще может интересовать...

В церкви — голые стены. Масляная роспись цела. Все остальное, даже сам иконостас, то есть те стояки и перекла-

дины, которые образуют гнезда для икон, резьба, деревянные цветы и птицы, покрытые позолотой, а также и сами иконы, — все обрушено на пол и изрублено в мелкую щепу. Золотисто-синяя, золотисто-красная щепа образовала холм чуть ли не до середины церковного интерьера. Славно поработали плотнички с топорами.» 18

То, что «Черные доски» В. Солоухина — звено в совершенно определенной кампании, которую власть вынуждена проводить, фактически подтверждает и советская печать. Не так давно «Литературная газета» ¹⁹ опубликовала слезливопокаянную статью в духе «Черных досок» — «Сказ о Елабуге», древнем русском городе, лежащем на реке Каме и основанном в 1570 году. То, что пишет о состоянии памятников церковного зодчества в Елабуге «Литературная газета» полностью подтверждает наши выводы и настолько примечательно, что заслуживает повторного воспроизведения.

«Направляются туристы после этого к бывшему Троицкому монастырю. Эта обитель иноков и чернецов положила исход Елабуге, заложенной, по сказу, возле устья Тоймы, будто бы самим царем Иваном IV. Вот стены с конусными башенками, двор, келейные дома, а на месте великолепной пятиглавой церкви с трех'ярусной колокольней — лишь последки нерушимого фундамента. И опять же, никто не ведает, куда делась изобильная монастырская утварь.

Пытливые туристы и просто заезжие по всяким делам, в особенности люди искусства, устремляются далее к тем оставшимся целыми старинным сооружениям, которыми они любовались, под'езжая к Елабуге, и без которых, право же, она потеряла бы присущий ей издавна облик. Спасский кафедральный собор поражает своими циклопическими размерами и пронзительной высотой шпиля колокольни. Покровская и Никольская церкви, такие трогательно живописные и простодушные, говорят о зрелости художественной мысли зодчих, о живучести античных традиций, занесенных и на Каму.»

Это введение, написанное явно в стиле Солоухина, написанное в достаточной степени удачно и даже местами поэтично, неожиданно прерывается и переходит в нечто другое, очень похожее на те отчаянные описания варварства, которыми полны «Черные доски».

«Ничего, что храмы снаружи нещадно облуплены, кровля обветшала и кое где на ней пророс кустарник, главное — что там внутри, какая роспись на стенах и чьей кисти. Может быть,

сыновей или учеников самого Дионисия или же мастеров, непосредственно воспринявших наследие Андрея Рублева?

Любознательные проникают в храмы. Они и то извинят, пожалуй, что в одном из них склад досок, в другом — промтоварная база, а в третьих прачечная. У горсовета, поди, не нашлось иных помещений, а эти, пустующие, как то надо было использовать. Те из любознательных, что хоть маломальски разбираются в искусстве, жадно озирают стены, своды, купола и с радостью убеждаются: нет, не вся живопись погибла, не до конца закоптела она от выхлопных газов грузовиков, ездящих по мозаичным и изразцовым полам, и не сплошь забрызгана голубиным пометом. Краски перебороли сырость и холод, не поддались тлетворному влиянию времени. Кое где уцелели фрагменты фресковых орнаментов, и все еще довольно свежо выглядят там и здесь выразительные, человечные лица апостолов, праведных жен и архангелов. И чудится в естественности их поз и ниспадающих складок одежды изящный, уверенный почерк настоящих мастеров, умевших писать колоритно, величаво и соразмерно со строгим порядком архитектурных форм». (Выделено нами Д. К.).

Мы не знаем, что думал Орест Мальцев, автор статьи в «Литературной газете», когда он писал ее. Но мы знаем, что независимо от религиозных убеждений человека, такие описания, связанные с дикостью, варварством, невежеством и тупостью людей, творящих подобного рода дела, производят гнетущее впечатление. И сколько надо было разорить и уничто жить ценных архитектурных памятников, сколько надо было уничтожить произведений подлинного искусства, чтобы власть была вынуждена санкционировать опубликование полобного рода статей. Ибо статья Мальцева, как и «Черные доски» В. Солоухина, направлена к одному: остановить продолжающийся процесс разорения духовных ценностей народа, превращающийся в своего рода международный культурный скандал, заставить местные власти прекратить творящиеся безобразия, перестать халатно и безответственно относиться к уничтожению и разорению религиозных памятников страны.

В том что власть спохватилась довольно поздно, в этом нет никакого сомнения. Процесс этот шел все шестидесятые годы и развивался параллельно развитию гонениям и кампании по закрытию храмов. Весьма характерно, что еще в 1963 году новомученик Церкви Русской, исповедник Православия, погибший в вятской тюрьме, Борис Владимирович Талантов,

обратился в «Известия» с письмом, посвященным массовому разрушению памятников церковного зодчества в Кировской области. Тогда это был «глас вопиющего в пустыне. (Из письма Б. В. Талантова о разрушении ценных архитектурных памятников: «... самый ценный памятник церковной архитектуры на территории Кировской области, ансамбль Трифонова монастыря гор. Кирова, находящийся под охраной государства, полностью обезображен и находится в стадии разрушения»). Но надо сказать, что в последующие годы ряд представителей российской интеллигенции стал обращать внимание власти на подобные факты, что также послужило началу контр-кампании по спасению еще оставшихся архитектурных и иных религиозных ценностей.

Видимо, этот весьма далеко зашедший процесс, власти удалось так или иначе остановить. Книгу Солоухина надо было допустить к опубликованию, но когда эта надобность миновала, то советские атеисты, очевидно на основании соответствующих директивных указаний, предприняли попытку шельмования В. Солоухина, допустившего в своем произведении теплое и во многих местах почти духовное отношение к памятникам церковной старины. Кампанию против писателя начал журнал «Наука и религия», 20 поместив соответствующий этой цели материал. Солоухину были пред'явлены всякого рода обвинения, главными из которых являлись: указанное произведение В. Солоухина — «апология религиозной атрибутики»; обвинение в том, что Солоухин стоит на позициях «идиллического любования церковной стариной, предметами религиозного культа»; в том, что Солоухин спутывает многие понятия и приходит к неверным выводам и многое другое.

Впрочем, «призвав к порядку» Солоухина, уклонившегося, по мнению власти, от правых и разрешенных путей, власть все же не могла окончательно поставить крест на этой проблеме. Доказательством этого являются следующие строки, посвященные памятникам древнего церковного искусства.

«Поэты сравнивают храм Покрова на Нерли с парусом, уносящимся вдаль по безбрежным волнам времени. Иногда прославленный белокаменный собор под Владимиром уподобляют лучистой безмолвной звезде, уплывающей в бесконечность мироздания. Один художник назвал это чудесное сооружение поэмой на камне. Есть афоризм, рожденный встречей с редкостным архитектурным памятником: «Мы сами обретаем вечность пред этой вечной красотой». 21

Современная русская интеллигенция, в лице своих отдель-

ных представителей, независимо от «установок» власти, сумела оценить подлинное содержание церковной архитектуры и искусства. И оценив их, она, засучив рукава, приступила к делу спасения еще оставшихся памятников духовной культуры народа. То что это не только слова, а нечто большее, свидетельствует, разразившаяся в 1971 году, совершенно потрясающая история с Валаамской обителью.

Прежде всего маленькая справка. Преподобные Сергий и Герман, Валаамские чудотворцы, своею жизнью и миссионерством много сделали для распространения и утверждения православия в Карелии. На острове Валаам они создали монастырь, общежительную обитель, получившую огромный духовный авторитет и широкую известность в православном мире. Препп. Сергий и Герман скончались в половине XIV столетия и их мощи хранились до революции в обители. Валаамский монастырь всегда был местом многочисленного паломничества и привлекал к себе бесконечные тысячи людей, искавших духовного утешения.

Вместе с этим, Валаамский монастырь за долгие века своего существования превратился в ценнейший архитектурно-исторический памятник, представляющий в этом отношении огромное сокровище.

За последние тридцать лет, монастырь разделил печальную судьбу многих ценнейших церковно-исторических памятников, тем или иным путем разрушенных и заброшенных во имя богоборческих целей советского воинствующего атеизма. Сейчас, когда, в силу ряда причин, власть вынуждена принять меры к охране некоторых церковно-исторических памятников и реставрировать их, начинает вскрываться то вопиющее, что творилось за долгие годы на острове Валааме. И об этом, волею или неволею, рассказывает нам советская печать. В журнале «Новый мир» напечатано письмо доктора филологических наук, проф. Л. Резникова, под названием — «Валаам призывающий». О чем же взывает или к чему призывает эта древняя православная святыня? На это очень хорошо отвечает сам автор указанного письма. 22

«...Парадокс Валаама в том, что это древнейшее русское и карельское поселение с неповторимыми сокровищами природы и памятниками старины ныне забыто теми, кто на острове и за его пределами должен был бы охранять народное достояние от разрушений...»

Констатируя этот «парадокс», свойственный вообще советской практике, Л. Резников констатирует и ряд фактов, от

которых поистине можно прийти в ужас, независимо от отношения к религии человека, знакомящегося с этими фактами.

«О росписи в Преображенском соборе с тревогой писала в 1948 году М. Шагинян: «Чудесные фрески сыреют...». Но и поныне Преображенский собор на Валааме, как и другие памятники, стоит без стекол. М. Шагинян наблюдала стихийного разрушения бесценных образцов искусства ---теперь мы у рокового его исхода. Сырость, дожди, снег довершили страшное дело: уже большинство росписей погибло безвозвратно. Пятиглавая крыша собора проржавела и во многих местах протекает, железные желоба, особенно с северной части колокольни, сорваны, от этого сыплются кирпичи. В нижнем храме размещен очень грязный склад местного продовольственного магазина, там царят духота и сырость. К счастью, в храме верхнем еще живы и «Тайная вечеря» и некоторые другие картины, а потрясающе расписанное «небо» сияет, как и сто лет назад. Но весь храм и колокольня требуют срочного ремонта. Внутри собора почти на каждом шагу --постыдные следы: все иконы с иконостаса сорваны за исключением нескольких верхних, труднодоступных «чинов». На двух иконах — следы ножа: грабители (иным словом этих туристов не назовешь) торопились и вырезали лики и фигуры святых».

Трудно даже об'ективно оценить это описание, данное Л. Резниковым, настолько страшно и возмутительно оно. И напрасно он корит каких-то неизвестных туристов, резавших иконы. Это лишь плоды многолетнего антирелигиозного «воспитания» народа, давшего результаты в отношении какой-то его части, и приводящего к исступленному и бесцеремонному отношению к «остаткам пережитков». Стоит-ли церемониться с этими самыми вредными пережитками...?

Но приведенное описание далеко не исчерпывает всех «художеств», порожденных богоборческой политикой диктатуры.

Оказывается, что от уникальной церкви во имя Иоанна Крестителя остался лишь один остов. Паперть, полы и рамы в окнах этого храма оказались выломанными. Совершенно разрушены и даже, как выражается Л. Резников, «исчезли с лица земли» монастырские скиты — Ильинский, Коневский и Авраамия Ростовского. Старинные монастырские часовни разобраны на строй-материалы, хотя вокруг сколько угодно леса. Из двух часовен сделана кормокухня для свинарника Дома инвалидов. В еще сохранившихся помещениях монастыря, находя-

щихся в его внешнем и внутреннем четырехугольниках, расположены жилые помещения работников Дома инвалидов, больница, амбулатория, островной совет. В Зимней монастырской гостинице живут инвалиды. Канализация в этих жилых помещениях выведена из строя. Помещения все в ужасающем состоянии. Рядом со знаменитой церковью святителя Николая, построенной А. М. Горностаевым, в помещениях бывшего скита находится интернат психохроников.

В письме приводится рассказ о том, как были уничтожены росписи в Петропавловской монастырской церкви.

«...Часть церкви использовали под продовольственную лавку. И вот продавщица не выдержала того, что нарисованный на стене святой все время смотрит на нее: "Товар вешаю — смотрит, ящик открываю — смотрит, деньги считаю — прямо в глаза глядит... Ну просто жизни не стало..." Спасаясь от этого пристально глядящего, хотя и молчаливого свидетеля, продавщица однажды привела в лавку маляра и тот известкой закрасил святого (повидимому, это был лик строгого апостола Павла).»

Так, распоряжаясь драгоценными шедеврами церковного искусства, новые хозяева монастыря довели его до состояния предельного разрушения.

Около пяти лет тому назад, специальным постановлением Совета министров КАССР, остров Валаам был об'явлен «заказником природы». На весь Валаамский архипелаг было дано четыре человека, которые должны были смотреть за порядком. Но четырех человек, четырех лесоводов, во-первых, невероятно мало на архипелаг в сорок островов, а во-вторых, лесоводы остаются лесоводами и если они и могут следить за природными богатствами островов, то в церковном искусстве они никак разбираться не могут. Короче говоря, несмотря на очередные заклинания о необходимости спасать от разрушений уже разрушенный и изгаженный Валаамский монастырь, фактически, судя по письму проф. Л. Резникова, ничего путного в этом отношении не делается.

«Валаам призывает — немедленно в масштабе государственном принять меры, которые спасли бы исторические сокровища-памятники» — взывает на страницах «Нового Мира» Л. Резников. И среди мер намечаемых, вернее предлагаемых им, первое место занимает официальное признание Валаама памятником русской национальной архитектуры и истории. Можно лишь пожалеть и удивиться, что до сих пор этого не было

сделано и Валаам находится, фактически, в руках невежественных, ничего не понимающих людей, замазывающих ценные памятники искусства известкой.

Журнал «Новый мир» правильно сделал, что поднял вопрос о валаамском монастыре. Правильно, но слишком поздно. Невольно в связи с этим хочется задать вопрос: сколько по всей необ'ятной стране разрушено, загажено, испорчено драгоценных памятников искусства, архитектуры, истории, памятников, о которых никто не написал и которые гибнут или уже фактически погибли в руках невежественных людей, знающих о них только то, что им преподносит плоская и невежественная антирелигиозная литература.

Заканчивая главу о православных храмах в СССР, невольно хочется привести одно стихотворение, помещенное в советской печати и носящее несколько странный характер.

СОБОР

Вспоминается родина часто — За селом зеленеющий бор И поднявшийся строго и властно Над селом ярко желтый собор.

А село было самым обычным — В глухомани лесной избяной. Только этот собор был кирпичный Не на всей ли сторонке родной.

Жили деды в избушках, убого, По полатям боками стуча, Но воздвигли хоромы для Бога Величавее, чем богачам.

Бедовали, но крупные сборы Проводили на храмы-дворцы, Чем богаче бывали соборы, Тем беднее — соборов творцы. 23

Стихотворение это написано В. Парфеновым, проживающим в пригороде Ленинграда — г. Колпине. Помещено оно советской печатью, видимо, по следующим причинам: оно утверждало, что церкви создавались бедным населением России, за счет трудовых грошей и, следовательно, Церковь эксплуатировала население, требуя от него непосильных жертв для постройки храмов. Но автор этого стихотворения, равно как и атеисты из редакции «Науки и религии», опубликовавней его, сами не заметили, как сказали в этом стихотворении

правду о народности РПЦ, о которой свидетельствует сам автор. Оставляя в стороне то обстоятельство, что автор стихотворения называет каменную сельскую церковь собором. укажем; В. Парфенов совершенно верно отметил, что храмы создавались на народные деньги, которые, вопреки мнению «Науки и религии», народ давал добровольно. Народ любил Церковь и охотно принимал участие в строительстве храмов. Автор стихотворения правильно подчеркиул, что наиболее жертвенной частью населения всегда бывали его более бедные слои. Это было в России, это мы видим в других странах, это было замечено во все века и у всех народов. Мы знаем, конечно, что немало храмов в России было построено и на средства богатых людей. В данном отношении особой жертвенностью отличалось купечество. Но все это не дает оснований видеть в участии народа в храмостроительстве — какой то вид эксплуатации неимущих или малоимущих слоев населения. Наоборот, приведенное стихотворение свидетельствует не только о народности Церкви, но и о любви народа к Православию. И вот эти подлинно народные храмы, построенные всеми без исключения слоями народа, власть разрушает, закрывает, портит, приводит в ужасное состояние, игнорируя то простое обстоятельство, что это подлинная собственность народа, на которую никакая власть не вправе подымать свою руку. А советские атенсты, публикуя стихотворения Парфенова, с обычной своей поверхностностью не поняли глубокий смысл этих стихов. 24

Данные 1971 года полученные из Советского Союза подтверждают все то, что пишется здесь и свидетельствуют, что изменений в лучшую сторону пока не предвидится. Приведем в связи с этим отрывок из путевых заметок туриста, побывавшего недавно в России.

«Почти все церкви в трех столицах радуют глаз игрушечной красивостью, но внутри не везде благополучно. Сразу видно, что ремонт сделан только внешний, показной, для туристов и веры, что о храмах заботятся. Конечно, на средства одних прихожан, по-моему, самых благородно-жертвенных в мире, капитальный ремонт или реставрация невозможны, а ужесли за дело берется государство, то результат известен. Трещины в церковных стенах, потеки — при резкой температуре воздуха зимой и летом, в настоящей, континентальной, наиболее церковной России — явление постоянное; нужен и постоянный ремонт, покраска, подновление, — особенно куполов и колонн». 25

Ко всему сказанному можно еще добавить, что проблема религиозных «исторических ценностей» затрагивает не только Православную Церковь, но и другие религии. Тоже самое наблюдается и в отношении Ислама. Советская печать отмечает, что, например, на территории Туркменистана имеется немало памятников далекого прошлого. Речь идет, главным образом о мавзолеях и мечетях, воздвигнутых еще в средние века и сохранившихся до наших дней. Отмечая высокий уровень архитектурного искусства этих памятников, талант древних зодчих и т. п., советская печать одновременно утверждает, что власть проявляет большую заботу о сохранении архитектурных памятников старины. Комментировать эти заявления после сказанного выше, едва ли имеет смысл. ²⁶

Как финал ко всему вышесказанному можно привести стихотворение грузинского поэта Григола Абашидзе (в переводе Станислава Куняева), опубликованное в журнале «Новый мир». ²⁷

РУССКОМУ ПОЭТУ

(С грузинского)

Я услышал твой зов издалека, как олений раскатистый крик. Есть у каждого цель и дорога, есть родной соловыный язык.

Узы братства — древнейшие в мире. Древней истине будем верны! Перед ней растворяются шире с каждым годом сердца и умы.

Я на зов соловьиный примчался в край, где любят и чтут соловьев, где к бормочущим трелям причастны звуки звонниц и свет куполов.

Дом бревенчатый гостеприимен — славил гостя, себя не ронял... Я с любовью глядел на Владимир, перед Суздалем взоры склонял.

И яснее мне стало отныне в этом тихом лесистом краю: кто обидел чужую святыню — оскверняет святыню свою.

Мы смотрели на древние храмы, прозревали иные века, понимая, что живы и правы вековой правотой языка.

Было песен немало пропето, и чурались тоски и алчбы голоса соловьиного лета в сердцевине народной судьбы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕРУЮЩИЕ

НЕГЛАСНЫЙ ДИАЛОГ ВЛАСТИ С ВЕРУЮЩИМИ

Положение верующих в СССР продолжает оставаться весьма сложным и отстоящим далеко от тех условий, которые могли бы быть признаны нормальными. Проводя фактически совершенно определенную политику всяческого ограничения и ущемления религии (см. главу 1 — Открытое письмо трудящихся г. Горького), коммунистическая диктатура, вместе с тем, весьма озабочена реакцией, вызываемой этой политикой, как внутри страны, так и зарубежом. Внутри страны она вызвала религиозное движение сопротивления, а зарубежом соответствующую критику и оценку действий власти.

Особенно чувствительна власть к указаниям на то, что в стране фактически отсутствует свобода совести в общечеловеческом понимании этого термина. Данное мнение полностью разделяет и оппозиция внутри СССР, дополняющая указанную точку зрения еще и тем, что само советское законодательство о «религиозных культах», кстати, далеко не всегда соблюдаемое его творцами, содержит в себе положения, явно нарушающие элементарные принципы свободы совести. Последнее обстоятельство власть старается «не замечать» и продолжает толковать о законности всех своих действий в отношении религии и верующих.

Но одновременно диктатура не может не реагировать на совершенно правильную критику «законности» ее действий в отношении религии и, в частности, в отношении свободы совести или свободы вероисповедания. Верующие не выступают в печати и по радио, ибо лишены этой возможности, но они иными способами высказывают власти свое мнение о ее политике в отношении религии. Поэтому, от времени до времени, в советской печати появляются статьи и даже брошюры, имеющие своей целью вести негласный, но фак-

тический диалог с верующими и доказать им недоказуемое, т. е. «раз'яснить», что в СССР существует подлинная свобода совести и что всякого рода недовольства действиями диктатуры в области религии, есть ничто иное, как стремление к элостному нарушению справедливых советских законов. Статьи эти ничего доказать по существу не могут, но в своем стремлении показать правоту власти в области религиозной политики, они выбалтывают такие вещи, после которых не может остаться ни малейшего сомнения в том, что в действительности представляет т. н. свобода совести в СССР.

При этом интересно еще одно обстоятельство. Подобного рода статьи, большей частью, появляются в местной печати тех частей СССР, где в данный момент особенно остро стоит вопрос о взаимоотношении власти и верующих, где в той или иной степени и форме создается конфликт между политикой власти в области религии и населением, вернее его частью, имеющей то или иное отношение к религии и свое особое мнение по данному вопросу, отличающееся от мнения диктатуры.

Неоднократно было замечено, что в советской Литве не все обстоит гладко в области религиозной жизни населения. Да это и понятно, если учесть, что Литва по своему практическому «стажу» в СССР значительно моложе большинства других советских республик и у ней в области религиозной жизни нет такого опыта, как у верующих в других частях СССР. И, видимо, для того, чтобы внушить верующему населению, что им предоставляется полная свобода совести, а также раз и навсегда сказать им, что именно им запрещено при этой свободе, местная советская печать поместила весьма ценную для нас статью — «Местные советы и законодательство о религиозных культах», 1 в которой дается перечень запрещенного. Достаточно систематизировать все перечисленное в ней, как отпадает надобность в дискуссиях на эту тему. Картина будет совершенно ясна и нарисована она будет не нами, а адептами нового понимания свободы совести или вероисповедания по-советски.

Газета раз'ясняет, что в соответствии с действующим законодательством о культах — должно быть учтено следующее:

1) Запрещается без соответствующих специальных разрешений от местных органов власти совершать богослужения под открытым небом, совершать крестные ходы и те или иные религиозные обряды.

- 2) Запрещается проведение без специального разрешения общих собраний в любых религиозных организациях.
- 3) Духовенство не имеет права устраивать специальные собрания для верующих, в том числе и собрания для обучения верующих тем или иным религиозным дисциплинам (миссионерство), а также для обучения детей Закону Божию.
- 4) Духовенство не имеет права проводить экскурсии; не имеет права организовывать концерты любого характера.
- 5) Приходам запрещается организация взаимопомощи для своих членов.
- 6) Приходам запрещается пользоваться находящимися в их распоряжении средствами для благотворительных целей. и, в частности, также для помощи церквам и монастырям, «которые не поддерживаются населением» (?).
- 8) Запрещаются также всякого рода «принудительные» (?) сборы и обложения в пользу церковных и вообще религиозных обществ. Помимо каких либо специальных сботров, здесь предусматривается также недопустимость установления обязательных ежемесячных членских взносов. Однако, в этот вопрос, судя по советской печати, полной ясности не внесено; членские взносы, по-видимому, во многих местах собираются.
- 9) Запрещаются «религиозные обряды над детьми» без согласия родителей; в данном случае речь, очевидно, идет о таинстве крещения, об исповеди и Причащении.
- 10) Запрещается привлечение несовершеннолетних (т. е. подростков и детей) для прислуживания в церквах, костелах, молитвенных домах и т. п.
- 11) В соответствии с советским законодательством, церковная иерархия не вправе давать никаких обязательных распоряжений и постановлений верующим гражданам и религиозным обществам. Такие постановления имеют чисто моральный вес только для лиц, соглашающихся им подчиниться.

Так, в общих чертах, выглядит «запретительная часть» советских законов о культах, собранная нами на основании статей, напечатанных в советской печати. Каждому, не лишенному хотя бы минимальной доли об'ективности человеку, станет ясным после прочтения этого далеко не полного перечня, что организационная деятельность приходов, чисто практическая и социальная работа приходов, вытекающая из

смысла того или иного вероучения, настолько ограничена, что это практически ведет к деградации приходов. Что же касается таких пунктов, как пункты девятый и десятый, то они явно направлены и на разрушение религии и на создание внутри Церкви и иных религиозных организаций полнейнего хаоса. Если последнее не случается в массовом масштабе, то исключительно благодаря высокой сознательности верующих, игнорирующих это указание власти.

Перечислив, что в первую очередь запрещается при полной коммунистической «свободе» вероисповедания, отметим еще раз, что перечень наш далеко не полон, ибо есть немало запрещений, не печатающихся в газетах и остающихся в пределах неопубликованных ведомственных документов.

Посмотрим теперь как излагает советская печать то, что официально разрешено в области религиозной жизни.

«Свобода отправления религиозных обрядов и веры, равно как и свобода атеистической пропаганды, гарантируются постольку, поскольку это не нарушает общественного порядка, не наносит ущерба государству, правам и законным интересам граждан». ²

Таким образом, здесь еще раз подтверждается уже известное положение, что в СССР свобода совести сводится к совершению богослужений и треб. При этом вся деятельность религиозных организаций, фактически, должна проходить с завязанным ртом, ибо право проповедывать свои идеи дается только атеистам, а верующим запрещена миссионерская деятельность вне храмов, или иначе «религиозная пропаганда».

Более того, как написала газета «Советская Белоруссия», 3 в статье «Атеизм и свобода совести» — «Образ мыслей — личное дело каждого. Образ же жизни — дело другое, он не может не находиться под контролем закона, общественного порядка, морали». Эти слова относятся к религиозной жизни людей. И эта весьма широкая формулировка, дающая возможность не менее широкого произвола, дополняется следующими сентенциями:

«...Органы власти имеют право и обязаны вмешиваться в любую область деятельности церкви, если там допускаются нарушения советских законов и установленного в стране правопорядка». 4

Но ведь совершенно ясно, что при наличии бесконечного количества запрещений, официальных и также и неофициальных, повод для вмешательства в любую церковную деятель-

ность всегда найдется. Найдется, нбо вера и вытекающие из нее действия духовного порядка не могут быть уложены в рамки грубейших ограничений религиозной жизни.

Заключительным аккордом к этим высказываниям провинциальной советской печати может послужить статья-интервью председателя Совета по делам религий, В. А. Куроедова, опубликованная в «Известиях». 5

Как официально сообщили «Известия», некоторые читатели этой газеты, в том числе читатель В. Сомов из Омска и читатель С. Киселев из гор. Вязьмы, а также ряд других, просили раз'яснить им некоторые вопросы о положении религии в СССР в связи с «клеветнической» кампанией зарубежной прессы и радио, которая усиленно ведется в этой области. Указанное заявление «Известий» интересно уже по одной причине, что оно еще и еще раз подтверждает, что правда о положении религии в СССР доходит до его населения, вернее той его части, которая не имеет отношения к религии. Одновременно эта деятельность зарубежья несомненно беспокоит диктатуру, ибо если это не так, то незачем было беспокоить т. н. читателей «Известий» и вытягивать их из провинциальных городов, а также незачем было открывать огонь из тяжелой артиллерии в виде «Известий» и их сановного сотрудника.

Если провинциальная печать, ничтоже сумняшеся пишет прямо только о свободе отправления религиозных культов и о свободе антирелигиозной пропаганды, а также шутя и играя перечисляет все запрещения, всех видов и степеней, то гораздо осторожней подошел к этим вопросам глава ведомства, призванного запрещать и разрешать в области религии.

«Церкви, — заявил Куроедов, — предоставлена полная самостоятельность в удовлетворении религиозных потребностей верующих».

Как видим, формулировка очень осторожная и двусмысленная, ибо что следует понимать под религиозными потребностями верующих — остается не совсем ясным. Эта туманная и несколько неопределенная формулировка рассчитана, конечно, в первую очередь на заграницу. Ибо под религиозными потребностями верующих можно понимать и запрещенную категорически властью миссионерскую деятельность и многое другое тоже запрещенное. То, что это заявление Куроедова рассчитано на заграницу и затушевание действительной картины происходящего, подтверждается полностью следующим отрывком из его статьи.

«Клеветническая пропаганда, изображающая в лживом

свете положение религии и церкви в СССР, всегда была одним из важных средств идеологической борьбы империалистов против нашей страны».

Комментарии к этому высказыванию можно полагать будут излишними.

ЦЕРКОВНЫЙ НАРОД

Исследуя положение верующих, мы прежде всего указали на ту обстановку всяческих ограничений законодательного порядка, в котором живет Церковь в целом, а в том числе и рядовые верующие люди, составляющие основу этой Церкви. Отметив внешние условия законодательного порядка, среди которых протекает жизнь и деятельность всех без исключения членов РПЦ, перейдем к рассмотрению той духовной обстановки, в которой проходит жизнь верующих людей. Мы имеем в данном случае в виду духовную жизнь Церкви. на которую влияние власти и ее домогательства не могут, по совершенно понятным причинам, широко распространяться и ограничиваются чисто внешней стороной. Но внешняя сторона, как известно, никогда и ни в какой степени не может охватить все стороны духовной жизни Церкви и в этом отношении всякое внешнее влияние, от кого бы оно не исходило, будет совершенно бессильно, ибо не может проникнуть во внутреннюю духовную жизнь миллионов верующих людей.

Не так давно один из моих постоянных корреспондентов, проживающий в Зап. Германии, посетил Москву. Он весьма интересовался церковным вопросом в СССР и поставил себе задачу по возможности проверить цифру количества верующих, сообщенную в свое время Московской патриархией (25%) населения), полагая, что она несколько преувеличена. Но оказалось, что по мнению рядового духовенства, отдельных компетентных лиц, в том числе и молодых членов КПСС, знакомых с церковным вопросом, сейчас реально речь идет о том, что церкви и молитвенные дома посещает не менее половичы населения, в т. ч. маловерующие и даже неверующие. По мнению тех же лиц, таинство крещения совершается (вопреки поставленным рогаткам) над 60-70% детей. (Не лишено в связи с этим интереса следующее обстоятельство. По данным обследования религиозности учащихся 402-й школы в Ленинграде, следует, что из 120 учеников 8-х классов 69 были крещены, что составляет 50% данной группы учеников. Сведения эти были опубликованы в советской печати в 1970г.)

Церковные браки исчисляются в данное время в том же проценте. Таковы сдвиги, происшедшие за последние годы и подтверждающие неоднократно высказанный нами на страницах печати тезис о неуклонном росте религиозности населения СССР. Указанный рост религиозности преодолел последнюю по времени волну активных гонений и фактически вынудил власть несколько сократиться в масштабах своих нападок на Церковь.

Ниже мы касаемся некоторых сторон внутренней жизни Церкви, целиком зависящих от поведения и настроения верующих. Прежде всего следует остановиться на том, что делается внутри православных храмов в СССР.

По свидетельству лиц, побывавших в СССР, равно как и моего немецкого корреспондента, сейчас отмечается исключительно внимательное отношение со стороны верующих к совершаемому богослужению. В храмах царит полная тишина и отсутствуют постоянные разговоры. Нет толкотни, незаметно хождение по храму. Для наиболее пожилых прихожан у стены поставлены стулья, но почти никто на них не садится. Все дисциплинированно простаивают всю службу, которая иногда тянется очень долго. Символ веры, Отче наш и другие распространенные молитвы поются всем народом или читаются им хором. Участие народа в богослужении приняло массовый характер. Остается такое впечатление, что даже после длинной службы народ неохотно уходит из храма. Видимо, слишком сильный контраст земного и небесного, способствует этим настроениям.

Беседа о верующих с одним из священников Новодевичьего монастыря, в котором имеется один или два открытых храма, выявила следующее. Современные священнослужители Русской Православной Церкви в СССР видят две основные причины этого исключительного поведения народа в церквах.

Первая причина заключается в том, что в наши дни в СССР в церковь, в основном, ходят действительно верующие люди, для которых Церковь является главным содержанием их жизни. Эти люди молятся в храме, а не «отбывают из приличия номер», не только присутствуют, но и участвуют в богослужении, создавая тот невидимый духовный контакт алтаря и народа, при котором в храме царит подлинная, совершенно духовная атмосфера.

Вторая причина заключается в том, что Церковь, как мы уже неоднократно писали, сама делает все от нее зависящее, чтобы богослужение было понятным народу, близким ему.

Священники в храмах об'ясняют верующим последование и значение церковных служб, особенно литургии, об'ясняют значение и смысл тех или иных молитв, стараются научить верующих сознательной храмовой молитве. Так, например, мой корреспондент присутствовал в Москве в одном из ее храмов, на беседе, которая была исключительно посвящена рассмотрению молитвы «Царю Небесный». И надо сказать, что эта проповедническая деятельность православного русского духовенства дает несомненно благие результаты, несмотря на то, что она фактически ограничена по своей тематике распоряжениями соответствующих гражданских властей. Эти результаты заключаются в том, что в храмах, переполненных народом, царит совершенно особая атмосфера.

Вот как описывается богослужение в московских храмах лицом недавно побывавшим там:

«Всенощная накануне дня Преображения Господня в церкви Всех Скорбящих Радосте была очень торжественной и совершалась по Уставу с чудным пением по древним напевам. Проповедь была произнесена на очень высоком уровне. Продолжалась всенощная около четырех часов. В Богоявленском соборе в самый день Преображения Господня в крестном ходе, связанном с освящением фруктов, шли в два ряда молодые люди — свещеносцы в стихарях».

На естественный вопрос — почему в богослужении принимает участие такое большое количество взрослых молодых людей — свещеносцев, один из молодых священников об'яснил, что так как власть запрещает детям и подросткам до 18летнего возраста принимать участие в богослужении, и так как желающих принимать участие в церковных службах более чем достаточно, то вся эта молодежь начинает активную церковную деятельность после совершеннолетия, т. е. после 18лет, а поэтому в церквах видны только молодые, но уже взрослые прислужники и в немалом количестве.

Даем еще одно описание очевидца, относящееся к 1971 г. и уже частично приведенное в главе 1.

«Я, можно сказать, пережила Крещение в Морском соборе в Ленинграде... Попасть в собор было трудно. Огромная очередь стояла за святой водой. А не попавшие в храм — целовали стены. Такое не везде увидишь, а я так и нигде не видела. И что-же? Подошла, сама поцеловала.

В Александро-Невской лавре крестили детей — столько, что было тесно.

Службы — великолепны. Во всех церквах и храмах, где мне удалось побывать, поют замечательные хоры, особенно в Москве. В Сочельник повезли меня в Богоявленскую церковь на Елоховецкой улице, славящуюся на всю Москву своим хором (говорят, там поют и заслуженные артисты республики). Была общая исповедь — в страшной тесноте. Движения в церкви почти не было. Много молодых священников, что у нас в эмиграции редкость.

В Сокольниках в церкви и около видела много деревенских женщин, в платках, как сто лет назад...

Рискнула поехать с Ярославского вокзала в Сергиевский посад — резиденцию патриарха. Там все церкви открыты, кроме летних. Много молодежи. Молятся здесь особенно истово... Больше всего молодежи в киевских церквах».

В атеистической печати от времени до времени, в порядке запоздавших рецидивов, появляются заявления о том, что церкви посещаются главным образом людьми преклонного возраста. Мы уже раньше писали о том, что атеистический миф о «ветхой старушке» — единственной посетительнице храмов, давно уже отпал и потерял давно всякое правдоподобие. Впечатления иностранных туристов, побывавших недавно в Москве, подтверждают эти наши утверждения. Вот что, например, мне написал один мой знакомый, побывавший в СССР. Речь идет о Москве.

«На богослужениях, как в праздники, так и в будние дни, церкви были переполнены и, конечно, не одними старухами. Легенда о старухах распространяется и у нас иностранными корреспондентами и, повидимому, неумышленно: возле входа переполненных церквей действительно видны старухи, не решающиеся пробраться в тесноту. Дальше видны головные платки, и иностранцы часто думают, что это тоже старухи, тогда как по старому обычаю все женщины входят в церковь с покрытой головой, и именно с головным платком. Что в будние днибольше женщин — понятно, т. к. мужчины работают. В воскресенье много и мужчин. Детей и молодежи тоже много. В церкви Святой Троицы около Московского университета у ранней обедни было много студентов и студенток. Я жил в доме гостей университета и видел тех же студентов и студенток днем на лекциях. К Св. Причастию подходили многие, также дети и подростки и один милиционер в форме (в церкви Новодевичьего монастыря).»

Такова картина современного православного храма в СССР в смысле посещения его верующими людьми. Нужно вообще отметить, что имевшийся ранее известного рода страх, связанный с последствиями посещения храма, в последние годы, как отмечают многие побывавшие в СССР, в значительной мере прошел. Верующие безбоязненно посещают храмы, хотя далеко и не уверены в том, что это сойдет им с рук совершенно гладко. А то, что посещения храмов не всегда проходят благополучно, мы увидим в следующем разделе данной главы. Но, тем не менее, факт остается фактом и мы видим не только массовое посещение храмов, но и факты демонстративного безбоязненного исповедничества, о которых пишет сама атеистическая печать.

Мы уже писали в главе 1 о православном храме в городе Яремче, превращенном атеистами в «народный атеистический музей». Насколько этот музей был «народным», свидетельствует следующий факт, описанный в советской печати и идущий там под всеоб'емлющим и весьма растяжимым словом «бывает». Одновременно данный факт прекрасно иллюстрирует, высказанное нами положение о том, что верующие люди идут на открытое и демонстративное исповедничество, не страшась и не считаясь с возможными последствиями.

«Бывают посетители и как та сельская бабка. Вошла на музейное крылечко, кланяясь и крестясь. Так и шла через всю церковь, не переставая креститься и кланяться, но не упала ниц перед вратами алтаря. Смело вошла, понимала, что здесь теперь не Божий храм. Однако, в алтаре низко поклонилась, перекрестилась и поцеловала на столике медный крест. И, довольная собой, что все соблюла для Бога, обернулась к экскурсоводу, поздоровалась». 6

С легкой издевкой и, пожалуй, с некоторой враждебностью и страхом, описывает журнал эту сельскую бабку, «несознательный элемент», гражданку третьего или четвертого класса, на которую снисходительно-неодобрительно посматривает редакция журнала «Наука и религия». А между тем, эта картина у каждого нормального человека может естественно вызвать праведное негодование и бесконечную жалость к несчастному народу, над которым измываются советские антирелигиозники. Здесь не Божий храм теперь — поучает бабку журнал. Но эта сельская женщина прекрасно знает, что Божий храм останется Божьим храмом и знает она, также, что это насильственно отобраный и оскверненный Божий храм. Понимает, хорошо понимает бабка, что Крест Господень остается

животворящим Крестом Господним, даже находясь в оскверненном храме как антирелигиозный экспонат. И поэтому она была совершенно права в том, что совершила крестное знамение и кланялась оскверненному Божьему дому, прося в своих молитвах просветить тех, кто не ведают, что творят.

Иронизируя над этой скромной сельской женщиной, мужественно молившейся и открыто исповедовавшей свою веру в оскверненной церкви, журнал тем самым иронизирует над миллионами своих сограждан, тоже молившихся и тайно и явно перед закрытыми и оскверненными храмами, «ликвидированными» народными радетелями. Этот мужественный поступок сельской женщины, нелицемерно исповедовавшей в антирелигиозном музее свою любовь ко Христу и Его Церкви, перекликается с тем героизмом верующей русской женщины, который нашел свое замечательное выражение в «Пасхальном крестном ходе» А. И. Солженицына. 7 Речь, как известно, идет об участницах пасхального крестного хода, проходящего через толпу специально подобранной атеистической молодежи.

«А за ними пять рядов по двое идут десять пожилых женщин с толстыми горящими свечами. И все они должны быть на картине! Женщины пожилые, с твердыми отрешенными лицами, готовые на смерть, если спустят на них тигров. А две из десяти девушки, того самого возраста девушки, что столпились с парнями, однолетки — но как очищены их лица, сколько светлости в них! Десять женщин поют и идут сплоченным строем. Они так торжественны, будто вокруг крестятся, молются, каются, падают в поклоны. Эти женщины не дышат папиросным дымом, их уши завешены от ругательств, их подошвы не чувствуют, что церковный двор обратился в танцплощадку.»

Мы не знаем к какому периоду жизни Церкви относится описание пасхального крестного хода у Солженицына, но, во всяком случае, к недавнему прошлому. Впрочем, в данном случае это не имеет особого значения, так как речь идет о героизме верующих, а не о точной датировке тех или иных литературных документов.

А чего стоит в этом отношении колхозная забастовка, связанная с закрытием местного костела. Приводим описание этого случая.

«В конце октября 1970 г. в деревне Заречанка (бывш. Баля Костельная), Гродненской области, Белорусской ССР, относящейся к колхозу им. Суворова, по указанию местных

властей был закрыт костел. Его превратили в зерновой склад, церковную утварь вывезли. Колхозники заявили, что «без костела жить не могут» и в течение трех дней на работы не выходили, а их дети не посещали школу. Коров доили учителя. Студенты, присланные из Гродно в помощь колхозу, от работы отказались. Председатель облисполкома Молочко вынужден был дать указание очистить костел от зерна, вернуть в костел церковное имущество и отремонтировать поврежденное здание, а виновников закрытия наказать». 8

На страницах антирелигиозной печати не так давно снова был поднят вопрос о Псково-Печерском монастыре. В частности, монастырем заинтересовался журнал «Наука и религия». По мнению этого журнала, монастырь является «трагическим куском нашей жизни». Почему с точки зрения атеистов это все столь трагично — мы узнаем из последующего изложения.

«Монахов действительно немного, а приезжают сюда приобщиться к святой благодати многие», — сообщает журнал, раскрывая истинную причину своей трагической обеспокоенности. Вот об этих многих и стоит поговорить.

Монастырь посещает множество паломников. Среди них много здоровых людей, приезжающих поклониться святыням монастыря, среди них есть и больные, верящие в помощь свыше для облегчения своих немощей и болезней. Монастырские праздники собирают тут тысячи верующих, среди которых немало людей, из весьма далеко отстоящих от монастыря мест.

Вот, например, описание одной больной женщины, данное антирелигиозным журналом.

«В монастырском дворе, возле колодца, женщина с парализованными ногами. На коленях — истертые куски автомобильной покрышки. А лицо измученное светится — дошла, и вот она, святая вода, пей, сколько душа просит. И пьет, и льет себе за пазуху, и смеется радостно» ⁹ (выделено нами, Д. К.).

Множество паломников, женщина с парализованными ногами, другие больные, старик, пытающийся достать кусочек коры с монастырского дуба, и даже женщины добровольно работающие в монастырском саду без всякого принуждения, все это приводит советских атеистов в несколько пессимистическое настроение.

Этот пессимизм усиливается следующей сценой, которую даже московский журнал не может не охарактеризовать как отрицательную. И эта сцена столь интересна и поучительна во

всех отношениях, что невольно хочется привести ее и ознакомить читателей с тем, что происходит в СССР.

Специальные корреспонденты журнала «Наука и религия» беседуют с наместником монастыря отцом Алипием. Сама беседа не представляет ничего особенно интересного, но в это время к ним приближается группа туристов, осматривающих монастырь. Предоставим дальше слово специальным корреспондентам журнала.

«В группе этой одна женщина заметно выделялась. Лет под пятьдесят, коренастая, в очках, она была из той породы людей, что охотно входят в домовые комитеты и общества содействия, становятся страхделегатами и председателями касс взаимопомощи. Жажда вступить в борьбу с религиозным дурманом, видимо, мучила ее с той минуты, как она прошла монастырские ворота.

Увидев отца Алипия, она проворно кинулась в атаку.

- А на какие средства вы живете? Кто кормит вас? Отец Алипий не ответил резкостью, не повернулся спиной. Он принял заданный тон.
- Кто кормит? отвечал он ласково и смиренно улыбаясь. А вон женщины сидят на ступеньках, у одной два сына с войны не вернулись, у другой четыре, сейчас пришли к нам горе свое утешить вот они и кормят.
- Но, говорят, вы неплохо здесь устроились, балыки едите, черную икру?
- С черной икрой сейчас туго. Глаза отца Алипия смотрели на женщину с откровенным презрением, а голос остался ласковым. Вот разве вы принесете.
- Не стыдно вам в глаза народу смотреть. Чей хлеб-то елите?
- **А мы и есть народ. Нас от народа никак нельзя отор- вать.** Например, пятнадцать наших монахов участники минувшей войны. Я вот тоже». 10 (Выделено нами, Д. К.).

Представители советского воинствующего атеизма, присутствовавшие при этой сцене пишут, что она произвела на них тягостное впечатление. Указанное впечатление создалось, как они утверждают, потому что наскоки ∢дамы воительницы» были нелепы, недостоин был ее тон, дискредитировавший попутно и самих представителей советского атеизма. Возможно, что отчасти это и так. Но главное, почему у представителей атеистического журнала получился неприятный осадок, заключалось не в этом. Главное заключалось в том, что не

только заявление отца Алипия — «а мы и есть народ!», но и вся обстановка монастыря с его множеством паломников, с его явной поддержкой со стороны самых разнообразных слоев народа, ставит советских атенстов, да и не только их, перед несомненным фактом народности Русской Православной Церкви в СССР. Об этой народности, о бескомпромиссной поддержке народом своей Церкви мы много писали на страницах нашей книги «Гонимая Церковь» и поэтому не будем снова повторять написанное. 11 Эта народность Церкви явно беспоконт власть. Вот, что, например, пишут по данному вопросу в современной советской антирелигиозной литературе.

«Одним из важных направлений антикоммунизма, спекулирующего на религиозных чувствах, является стремление доказать тезис о непреходящей религиозности народов, населяющих нашу страну... Много усилий тратится на доказательство постоянного единства церкви и народа». (Выделено нами, Д.К.). А единство церкви и народа это и есть та народность РПЦ, о которой мы здесь пишем. И вот это единство является с точки зрения тех, кто борется в СССР с религией, одним из наиболее опасных для атеизма пунктов. В тесной связи со всем сказанным в этом разделе находятся и высказывания центрального органа КПСС, «Правды», о религии в СССР.

«Когда речь заходит о религии, — пишет газета, — приходится иной раз слышать утверждение о ее всеоб'емлющем кризисе и глубоком упадке. Трудно сказать, чего больше в этом довольно распространенном тезисе: упрощенчества или нежелания вникнуть в существо дела». 13

При этом газета совершенно прямо пишет, что, вопреки также распространенному мнению, — бить в литавры пока рановато. Религия проявила способность крепко держаться и не менее крепко держать «в плену» определенную часть советского паселения. 14

ГОНЕНИЯ НА ВЕРУЮЩИХ

Хотя власть начисто отрицает, что в СССР имеются преследования за веру, тем не менее, факты, о которых мы будем писать в этой главе, не дают никаких оснований принимать эти заявления коммунистической диктатуры за действительность. Власть не отрицает, что верующие люди арестовываются и подвергаются суду, а затем отсылаются в исправительно-трудовые лагеря на тот или иной срок, в ссылку, в психо-

лечебницы, но утверждает, что их наказывают не за их религиозные убеждения, а за нарушение советского законодательства о культах. То обстоятельство, что эти правонарушения вытекают целиком из их религиозных убеждений, и что советские законы вторгаются в область религиозной жизни людей, запрещая и ограничивая то, что не ограничивается и не насилуется нигде в мире, за исключением коммунистических стран, об этом представители власти и слушать не хотят.

«Не за веру в Бога, не за религиозные убеждения, как пытается это изобразить реакционная зарубежная пресса, а за нарушение законов наказывает советское государство», — заявил в своем интервью представитель власти В. А. Куроедов. 15

Посмотрим же теперь насколько соответствует данное заявление Куроедова тому, что творится в области религиозной жизни в СССР.

В Мордовии, в поселке Озерном, был устроен женский лагерь строгого режима ЖХ 385/17-а. Лагпункт 17-а — сравнительно небольшой лагерь, рассчитанный на 300 заключенных, был создан специально для женщин, которые оказывали сопротивление закрытию и разрушению церквей или принадлежали к Катакомбной Церкви. Оставляя сейчас в стороне вопрос об ИПЦ (Истинно Православной Церкви), как формально-запрещенной советским законодательством, подчеркнем, что противодействие массовому и беззаконному закрытию храмов во время гонений шестидесятых годов никак не может быть рассматриваемо как нарушение советских законов. 16

От недоедания, холода, непосильной работы и отсутствия надлежащей медицинской помощи большинство верующих женщин умерло. Их смерть была вызвана теми невыносимыми условиями в советских местах заключения, которые сейчас известны едва ли не всему миру. Впоследствии, в связи со смертью почти всех заключенных, женский лагерь 17-а был расформирован. Оставшихся в живых перевели в другие лагеря. Это одна из иллюстраций к приведенному выше заявлению Куроедова.

Затрагивая вопрос о гонениях на верующих, следует прежде всего посмотреть, что происходит с осужденнными по религиозным делам в местах заключения. В печати промелькнули сообщения о том, что положение заключенных «религиозников» за последнее время несколько улучшилось. Возмож-

но, что по сравнению со сталинскими временами, некоторое изменение в лучшую сторону и имело место, но, тем не менее, существенных изменений в лучшую сторону пока не замечается. Сравнивая более старые сведения с более новыми, мы видим, что по сути дела никаких изменений нет. Более того. современные свидетельства подчеркивают, что советские тюремщики самых различных рангов, одинаково с пеистовой злобой относятся к заключенным ралигиозникам. Это отношение связано не с нарушениями осужденными по религиозным делам тюремного режима или с какими либо иными их действиями, а исключительно по идеологическим мотивам. У тюремщиков возникает чувство непависти к этим носителям иных духовных начал. Тюремщики чувствуют присутствие этой силы, более могучей, чем их собственная отрицательная луховность и у них появляется стремление во чтобы то ни стало сокрушить эту непонятную и неведомую силу. На этой почве, видимо, и начинается борьба, которая, с одной стороны, ведется на основе грубой силы и всяческих притеснений, а с другой стороны, с позиций, не всегда даже осознаваемого духовного превосходства.

Новейшие источники свидетельствуют, что положение верующих мало изменилось в современных советских местах заключения. Официальная вывеска не изменила сути дела. В этом отношении наибольший интерес представляют сейчас известные показания Анатолия Марченко. 17

А. Марченко на протяжении всей своей интересной и, вместе с тем, страшной книги, несколько раз уделяет внимание положению верующих в местах заключения, и, в частности, в современных советских лагерях (ИТЛ). В пересыльной тюрьме Новосибирска А. Марченко встречает группу заключенных «религиозников» осужденных как «тунеядцев» за то, что они отказывались принимать участие в советских выборах. Все они были приговорены к ссылке. В связи с этим А. Марченко пишет:

«С самого дня ареста все они об'явили голодовку, и их, голодающих, отправили по этапам в Сибирь. На каждой пересылке им насильно вливают питательную смесь и отправляют дальше». 18 Но это еще в общем мелочи. Есть вещи гораздо более серьезные, мимо которых равнодушно пройти нельзя.

А. Марченко пишет, что религиозники «это очень смирные, спокойные люди, большей частью старики лет по шестьдесят и старше, но есть и молодые. К заключению они отно-

сятся не так, как другие зэки: их утешает то, что они страдают за своего Бога и за свою веру, и они терпеливо переносят страдания и мучения». 19

Несмотря на эту характеристику, верующие все время приходят в столкновение с лагерной или тюремной администрацией. За отказ от работы в дни религиозных праздников, их. как пишет Марченко, пачками отправляли во Владимирскую тюрьму. Тюремное начальство издевалось над ними как могло. Тех, у кого были бороды, носимые по религиозным соображениям, и которые протестовали против их удаления, стригли насильно в наручниках. Особенно забавлялись тюремщики в те дни, когда верующие стремились соблюдать пост. Несмотря на невозможную тюремную пищу, доводящую людей до полусмерти от истощения, несмотря на то, что хронический голод является, по сути, постоянным постом, все же некоторые верующие стремились избежать принятия какой бы то ни было скоромной пищи в соответствующие дни. Это подметили надзиратели и, хотя в тюремной баланде трудно найти жиринку, они начинали в постные дни наливать верующим баланду, снимая черпаком ее верх, в котором могло быть замечено какое нибудь пятнышко жира. Верующие это тоже заметили, перестали принимать в постные дни вареную пишу и сидели на одном хлебе. Тюремшики веселились...

Тюремные врачи, которые едва ли вообще могут быть признаны врачами, принимая верующих в тюремной амбулатории или больнице, говорили им: «Вы зачем записываетесь? Вы запишитесь к своему Богу на прием, пусть Он васлечит...» 20

Естественно, что между верующими и неверующими заключенными возникают иногда споры на религиозные темы. Эти споры, как пишет А. Марченко, превращаются часто в интересные и свободные в смысле высказываний диспуты. Но подобного рода собеседования или диспуты совершенно запрещены. Если администрация узнает о таком диспуте или собеседовании, то ее представители немедленно разгоняют и участников и слушателей.

Такие показания относительно положения верующих в местах заключения дает А. Марченко. Но вот еще свидетельство. Приводим отрывок из письма писателя Ал. Петрова-Агатова — Борису Полевому, написанного в конце 1969 года в лагере 17 Дубровлага.

«А иеговисты? А пятидесятники? А старообрядцы? А

баптисты? У них даже здесь отбирают Библию и Евангелие. Их насильно гонят на политические занятия, приобщая к марксизму под страхом водворения в карцер, или, в лучшем случае, лишения ларька». 21

Добавим к этому показания баптиста В. И. Козлова, написавшего письмо Брежневу, Подгорному и Косыгину. Письмо датировано 23 октября 1970 г. Баптист Козлов был освобожден из лагеря в 1969 году. Отбывал он заключение в лагере в Архангельской области. Отправлен был в лагерь, повидимому, в 1967 году в связи с обращением 500 верующих к Брежневу с просьбой принять и выслушать их. Вот, что пишет Козлов.

«Сотни верующих были также подвергнуты заключению на длительные сроки. А на свободе верующие терпели еще большие гонения: разгоны собраний, обыски и из'ятие духовной литературы, штрафы, отнятие детей и суды... Тюрьмы и тяжелые условия лагерей и колоний подорвали здоровье многим верующим, а некоторые и не вернулись домой! Они закончили свою жизнь за колючей проволокой, как герои всры! Но христиане и это Вам простили! Пусть же слезы отцов и матерей, слезы сирот-детей и невинная кровь мучеников-христиан напромнят Вам о величайшем эле из земле — гонениях на христиан и смягчат Ваши сердца!» 22

Рассмотрим теперь совершенно особый случай, связанный с именем Б. В. Талантова.

4 января 1971 г. в тюремной больнице города Кирова (Вятка), от сердечного припадка скончался новомученик Церкви Русской — Борис Владимирович Талантов. Бескомпромиссный борец за Православие, Б. В. Талантов был широко известен в кругах верующих, а также у советских атеистов и их приспешников (не говоря уже о «соответствующих органах»), как автор многочисленных статей и выступлений о действительном положении РПЦ в СССР, обличавших коварную и лживую политику власти в отношении религии, а также и церковную политику Московской патриархии. Его статьи, конечно, размножались и распространялись нелегально, но были известны власти и, частично, заграницей.

Широкую известность в СССР и заграницей получило «Открытое письмо верующих Кировской (Вятской) епархии пагриарху Алексию и всем верующим РПЦ», подписанное также и Б. В. Талантовым. Указанное письмо, датированное августом 1966 г., было направлено в Москву на имя патриар-

ха. Письмо это, а также ряд других документов и статей, подписанных или составленных Б. В. Талантовым, привели к преследованию его со стороны органов диктатуры, равно как и других лиц, причастных к этим документам, обличавших власть.

Как сообщила печать, 12 июня 1969 г., в гор. Кирове был арестован 66-летний преподаватель математики Б. В. Талантов, много лет обличавший произвол власти по отношению к Церкви и попустительство иерархов, возглавляющих РПЦ. Талантову было пред'явлено обвинение по ст. 190¹УК РСФСР. Следствие по этому делу вел ст. следователь Кировской областной прокуратуры Бояринов.

2 и 3 сентября 1969 г. в гор. Кирове состоялся суд над Б. В. Талантовым. Он был приговорен к двум годам лагерей общего режима. Подсудимый не признал себя виновным. ²³ Он также знал, что на свободу уже никогда не выйдет в связи с состоянием его здоровья.

6 ноября 1970 г. его из лагеря доставили в тюремную больницу города Кирова, где он вскоре скончался. Незадолго до смерти Б. В. Талантов писал своим родным, что он находится в больнице в связи с болезнью сердца. Кроме того, глазной врач обнаружил у него на обоих глазах катаракт и сказал, что надо делать операцию, ибо иначе наступит слепота. Несмотря на бодрость духа, сердце не выдержало. Впрочем, в советских лагерях даже здоровые люди, не имеющие сердечных заболеваний, неожиданно умирают.

Родился Б. В. Талантов в 1903 г. Происходил из семьи священника, замученного в 1940 году в концлагере. Его старшие братья, священники, погибли мученической смертью. Талантов был не только крупным церковным деятелем, но и выдающимся математиком. Последнее признавали даже его враги. 24

В связи со смертью Б. В. Талантова, следует также вспомнить его информации о том, как много пострадала за свои клопоты и за свою подпись за открытие незаконно закрытой церкви в г. Белая Холуница, жительница этого города Агриппина Димитриевна Зырянова. Загадочной смертью умерла и Афанасия Ребякова, уроженка села Рой, Арбажского района Кировской области, ездившая в Москву по поручению Б. В. Талантова, для непосредственной передачи Московской патриархии «Открытого письма верующих Кировской епархии».

Особенно трудно положение тех верующих, которые при-

надлежат к тем или иным церковным и религиозным группам, не допускаемым властью к официальной регистрации и считающимся поэтому незаконными. Лиц, принадлежащих и активно действующих в них, обвиняют в незаконной религиозной деятельности. И хотя с точки зрения здравого смысла запрещение тех или иных религиозных группировок является элементарным нарушением свободы вероисповедывания, но, по официальным советским установкам, принадлежность к ним является нарушением советских законов, а отсюда и преследование подобных лиц облекается в тогу лжезаконности.

Приведем несколько примеров подобного рода случаев. Укажем несколько лиц, находящихся в Мордовских лагерях (женский политлагерь ЖХ/385/3). Грошева, Надежда Степановна, 59 лет. Арестована в Ташкенте. Осуждена вторично (на 10 лет) за принадлежность к группе ИПЦ (Истинно православная церковь) по ст. 70 — антисоветская пропаганда. Первый приговор был 25 лет, из которых она отсидела несколько лет и вышла в 1956. Окончание срока в 1970 г.

Семенова, Мария Павловна, 45 лет. Приговорена к 10 годам лагерей за принадлежность к группе ИПЦ. Конец срока в 1971 г.

Варсеева, Мариам Митрофановна, 50-52 лет. Также арестована в Ташкенте и осуждена на 10 лет за принадлежность к группе ИПЦ. Окончание срока в 1971 г.

До сих пор мы писали о верующих попавших в места заключения. Но немало совершенно невозможных имеет место и в обычной жизни. Верующие подтверждают, что массовых открытых гонений сейчас нет, но имеется нечто, что отнюдь не способствует нормализации отношений между верующей частью населения и властью. Власть проводит тихую и незаметную политику ущемления верующих, соединенную с явным давлением, целью которого является стремление оторвать от религии побольше людей, применяя давно испробованный метод кнута и пряника. О том как проводится это. подчас незаметное давление, мы будем говорить дальше, пока же отметим, что оно иногда превращается в острые конфликты выливающиеся в совершенно открытое и незаконное издевательство над верующими. При этом формально это делают не сами органы власти, а соответствующие звенья всей советской системы, натравливаемые на верующих людей.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров, взятых нами из советских документов, опубликованных за последние годы.

«В селе Страшены Каларетского района, Молдавской ССР, 6 октября 1968 г., при посадке на поезд при возвращении с богослужения, верующие были избиты группой комсомольцев и дружинников...

Во время избиения раздавались возгласы: «бей их ребята!» Вследствие этого многие верующие имеют побои. Так у гр. Никта, Андрея Степановича, жителя села Страшены, в результате ударов опух правый глаз и повреждено лицо. Северин, Иван Ф. получил несколько ударов по голове, а его жену, находившуюся в положении, схватили за шею и душили. Девушек бесстыдно хватали и бросали как попало. Дети от перепуга кричали. Когда избивали ее отца, от испуга и ударов девочка 12 лет Букк Прасковья потеряла сознание, а в поезде впала в бред и неизвестно, чем это кончится. Пожилой человек Трифон, Д. А., участник отечественной войны, был избит и от удара упал на асфальт и потерял сознание. Избиение продолжалось и в поезде. Все это происходило по инициативе секретаря парторганизации Пэлиту, И. Д., председателя с/совета Ротарь, И. К., председателя товарищеского суда Мунтян Анатолия, фельдшера Мунтян Виталия, директора школы Буза М. А. и других административных работников, присутствовавших при избиении». 25 Данный случай относится к евангельским христианам-баптистам.

Приведенный инцидент, ужасный по своей сущности, носит, если можно так выразиться, ограниченный характер и связан с относительно небольшой группой верующих. Но в СССР и теперь имеют место случаи преследований массового характера, когда ущемлению или преследованию подвергается большое число верующих людей. На таком случае, носившем столь скандальный характер, что о нем вынуждена была написать и советская печать в порядке самокритики, мы кратко остановимся.

В конце 1969 года журнал «Наука и религия» опубликовал статью своего сотрудника В. Шевелева, под названием «Деликатное дело». ²⁶ А деликатное дело заключалось в том, что председатель поселкового совета поселка Городницы, Житомирской области, некто Терешко (в прошлом участник войны и орденоносец), осуществил следующие, недопустимые ни в одной культурной стране, действия:

1) Вызвал к себе местного священника и запретил ему в день Радоницы совершать поминовения усопших на кладбище.

- 2) Устроил в этот день на кладбище нечто вроде атеистического поминального митинга, на котором выступавшие произносили речи с наспех поставленной трибуны.
- 3) Когда после окончания атенстического поминального митинга на опустевшее кладбище пришел местный священник, чтобы совершить панихиду по своем недавно умершем сыне, председатель добился того, что священника оштрафовали на тридцать рублей. За что совершенно неизвестно.

Из материала опубликованного в печати выяснилось также, что Терешко требовал, чтобы родственники умерших брали у него специальное разрешение, если хотят отпевать покойника дома. Выяснилось также, что председатель всячески придирался к церковному совету и к местному священнику.

Но Терешко в его деятельности не повезло. Острое недовольство верующих политикой власти в области религии, явно сквозящее во всех документах попавших на Запад и, так или иначе, проявляемое и внутри страны, не может не заботить власть. Поэтому, в целях смягчения этого недовольства, а также для создания известного противовеса в западном общественном мнении, власть избирает какую либо мелкую очередную жертву, натворившую особенно много всякого рода безобразий в области религии, и начинает изобличать ее. Делается это для того, чтобы показать, что во всех чинимых безобразиях часто бывает виновата не власть, а чересчур ретивые недостаточно толковые ее представители.

На это, конечно, можно возразить, что если бы в стране не было подходящей обстановки для подобного рода бесчинств, если бы весь климат религиозной политики власти был бы иным, то подобное случиться не могло.

Действия Терешко вызвали большое недовольство жителей поселка, как верующих, так и неверующих. Поэтому вопрос о его антирелигиозных безобразиях был поставлен на обсуждение в Новоград-Волынском райкоме партии, где было констатировано, что Терешко «перегнул палку». Впрочем, констатируя этот факт, антирелигиозный журнал пытается одновременно как-то оправдать происшедшее.

«Последние годы на Житомирщине, — пишет журнал, — атеисты решили основательно взять этот день в свои руки. Мы тоже хотим чтить своих друзей и близких, сказали они, и чтить по нашим советским обрядам. В этот день мы тоже придем на кладбище, и без Бога, без попа, без панихиды — добрым словом помянем ушедших от нас товарищей». 27

Как видно из всего изложенного, они действительно пришли на кладбише. Кончился этот приход грубейшей полицейской акцией зарвавшегося председателя. И совершенно неоправданным во всей этой истории остается следующий момент. Почему надо было устраивать атеистический поминальный день в день церковного поминовения умерших? Вель имеется еще неисчислимое количество других возможностей, при использовании которых не произошло бы никакого конфликта с верующими. Наоборот, то, якобы уважительное, отношение к нуждам верующих, которое все время рекламирует власть через печать, ясно требовало, чтобы атеисты со своими акциями оставили верующих в этот день в покое. Но было сделано как раз наоборот, и данный факт свидетельствует о подлинном отношении власти к верующим, отношении, стоящем на грани ничем не прикрытых гонений и издевательств. 28

Этот факт, как и другие аналогичные факты возмутительны вдвойне и свидетельствуют о желании власти, во чтобы то ни стало, ущемить верующих, потому что проблема атеистического культа умерших, если подходить к этому вопросу по-серьезному, полностью отсутствует в СССР. Подтверждением сказанному являются те описания кладбищенских безобразий, которые творятся буквально повсеместно и свидетельствуют о полном неуважении к памяти умерших. Доказательством может явиться, хотя бы приводимый ниже отрывок взятый из советской печати.

«В кладбищенских аллеях постоянно устраивают гулянки с музыкальным сопровождением, с могил то и дело крадут цветы, венки, кресты, надгробные плиты, уничтожают огралы...» ²⁹

Еще пример:

«Старинная полуразвалившаяся кирпичная ограда, ровные аллеи, тоскливый, за сердце берущий галчиный крик... Возле столбика ограды огромная куча мусора: старые покареженные венки, букеты, выполотая трава, ленты, с которых дожди смыли буквы. Куча здесь, видно, давно, все слежалось и приобрело какую то определенную форму, стало чем то вроде памятника...» 30

Подвергая верующих репрессиям судебного порядка, власть стала применять и к ним, ставший особо популярным способ устранения неугодных ей людей, — заключение их в психиатрические больницы. Едва ли не весь мир обошло

«Обращение к советскому обществу» В. И. Чернышова, заключенного в психиатрическую больницу, в котором он, между прочим, пишет и следующее:

«Взываю к верующим. Здесь свыше 25 лет томится Брославский, Н. И., верующий. И. Тимонин, вина которого состонт в том, что он вылил чернила в урну для голосования. Над религиозными чувствами Тимонина глумятся, требуют, чтобы он отказался от веры, иначе его не выпустят. Христиане! Ваши братья во Христе страждут. Вступитесь за мою душу! Не тело мое, но душу хотят распять на кресте — пусть они лучше распнут тело. Христиане! Не допустите, чтобы здоровому человеку начали давать вещество, разрушающее его душу». 31

Вышедшие в 1971 году «Записки из Красного дома», Г. М. Шиманова, 32 с особой убедительностью подтверждают то, о чем мы здесь говорим. В том, что в систему преследования властью верующих вошел, как широко используемый метод их устрашения, «переубеждения» и «излечения» — принудительное заключение их в психиатрические лечебницы — сейчас нет никаких сомнений. Эти последние «достижения» власти в ее борьбе с религией становятся все более широко известными и вызывают возмущение и протесты во многих странах.

Как сообщила «Хроника текущих событий, Ольга Скребец, рождения 1938 г., закончила Киевский медицинский институт и работала в Туберкулезном институте. В декабре 1970 г. состоялась защита ее диссертации. В 1971 г. она заявила о выходе из КПСС по религиозным мотивам, а также в связи с событиями в Чехословакии. Как результат — предложение явиться на психнатрическую экспертизу в больницу им. Павлова. Там ей был поставлен диагноз: начальная стадия шизофрении. О. Скребец уволена с работы.

Обращение ко всем верующим от Бородицкой общины ЕХБ Зельвенского района Гродненской области от 26 мая 1970 г. о помещении баптиста И. В. Лазута в Жодишкинскую облисихбольницу Гродненской области для излечения от «религиозного фанатизма» — дополняет все приведенное выше. 33

В заключение данного раздела, дающего общее представление о методах преследования верующих в СССР, укажем еще на осуждение советским судом церковного писателя и публициста А. Э. Левитина-Краснова, имевшее место 19 мая 1971 г. в московском городском суде. А. Э. Левитин-Краснов обвинялся по ст. 1901 и 142 ч. 2. УК РСФСР. Обвинитель-

ное заключение содержало много цитат из произведений Краснова, на основании которых строилось обвинение в клевете на советский государственный и общественный строй и в том, что автор «подстрекал служителей церкви нарушать закон об отделении церкви от государства». Он обвинялся также в том, что в 1968—69 г.г. подписал ряд обращений и петиций, из которых особо были выделены Письмо Будапештскому совещанию компартий и Обращение в ООН в мае 1969 г.

В результате судебного разбирательства «дела» Краснова, несмотря на то, что защита опровергла все доводы обвинительного заключения, А. Э. Левитин-Краснов был приговорен по ст. 142 ч. 1 к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы с вычетом 20% зарплаты и по ст. 1901 к трем годам лагерей общего режима.

В июне 1971 г., до утверждения приговора кассационной инстанцией, Краснов был переведен из Бутырской в Краснопресненскую пересыльную тюрьму и зачислен в хозобслугу.

По последним данным отправлен для отбывания срока наказания в лагерь общего режима в гор. Сычевка Смоленской области, учреждение ЯА-107, где работает подсобником.

В своем последнем слове на суде А. Э. Левитин-Краснов сказал следующее:

«...Я верующий христианин. А задача христианства не только в том, чтобы ходить в церковь. Она заключается в воплощении заветов Христа в жизнь. Христос призыват защищать всех угнетенных. Поэтому я защищал права людей, будь то почаевские монахи, баптисты или крымские татары, а если когда-нибудь станут угнетать убежденных антирелигиозников, я стану защищать и их... Я писал правду, одну правду. Все в моих произведениях основано на достоверных фактах и соответствует действительности... Я считаю, что данная речь прокурора является позором для советского суда»... 34

«БЕЛОЕ ПЯТНО»

Термин этот условный. Под «белым пятном» мы понимаем в данном случае широкие слои безрелигиозного населения СССР, из кругов которого в одинаковой степени могут черпать свои новые кадры и религия и активный атеизм. В этих безрелигиозных кругах могут появиться активные атеисты, в результате каких-то личных мировоззренческих интересов, пришедшие к убеждению в правоте безбожия и захотевшие

принять участие в борьбе за нового человека-атеиста. В этих кругах миллионы людей вообще не интересующихся вопросами мировоззрения, равнодушных к ним, живущих в пределах ограниченного круга интересов, главным образом, деловых отношений, жизненного успеха и т. п. В этой же среде зарождается сочувствие к положению верующих, пробуждается интерес к религии. Интерес к религии приводит к тому, что в среде «белого пятна» появляются люди, начинающие помогать верующим, не будучи сами таковыми. Наконец, из этой же среды, по свидетельству советской печати, приходят в Церковь новые верующие люди, перешедшие от безрелигиозности к вере. Короче говоря, невозможно предусмотреть и описать те многообразные, подчас весьма тонкие, нюансы в отношении мировозэренческих проблем, которые мы наблюдаем в данное время в среде безрелигиозной части населения CCCP.

Как выразился один современный церковный деятель, этих людей неправильно называть атеистами, так как, несмотря на то, что в своем большинстве они не верят в Бога, они все же что то имеют от Бога. Они не верят особенно и в коммунизм, не верят и власти.

У той части «белого пятна», которое склоняется к вере в Бога и является потенциальным резервом Церкви, имеются свои собственные пути религиозных исканий. Они приходят, в конце концов, к религии, но пути к этому приходу довольно извилисты и длинны. Они начинают часто с отрицания официальной идеологии власти, с отрицания всяких элементов насилия, переходят к утверждению свободы человеческой личности, к переоценке многих ценностей, подходят к вопросу о ценности самого человека и смысла его жизни. Отсюда возникает проблема чисто современная — человек и космос, а это, в свою очередь, подводит к идее большого творчества и возникает признание существования Бога — Творца вселенной. Эти духовные процессы на первоначальных своих стадиях не связаны с каким-либо определенным вероучением. Они развиваются в плане свободного религиозного мышления, но, в конце концов, приводят их носителей к определенному вероучению, большей частью в лоно Православной Церкви.

В этом отношении не лишено интереса высказывание советской печати, связанное с переходом людей из безрелигиозного сектора населения в РПЦ.

«До сих пор многие думают, что атеистическое воспитание необходимо только для верующих, а неверующие в нем

не нуждаются. Мнение такое сугубо неправильно. Ведь порой можно столкнуться с фактами, когда религиозникам удается пополнять свои ряды за счет людей, которые раньше не были верующими». 35

И особенно неприятно современным советским атеистам то, что именно эти люди, не являющиеся верующими, и на этом основании зачисляемые властью в число атеистов, начинают активно помогать Церкви, помогать верующим, которых перманентно прижимает власть. В целях иллюстрации высказанных положений приведем один интереснейший в этом отношении пример, опубликованный в советской печати в 1971 году.

Киевская газета «Правда Украины» напечатала репортаж некоего З. Максимюка, члена КПСС, линейного контролера тернопольского автоуправления. Что же счел нужным сообщить киевской газете этот работник советского государственного общественного транспорта и почему газета опубликовала его статью, похожую на донос, под не совсем обычным названием — «Во имя Пречистой Девы Марии»? 36

Оказывается, статья Максимюка посвящена своеобразному анализу одного дня на Почаевской трассе, т. е. тому, что происходит на дорогах, ведущих в Почаев. Очерк Максимюка начинается со следующей констатации, звучащей несколько странно, если согласиться с официальной версией диктатуры, что вера в стране идет на убыль.

«Когда старые люди паломничают, ездят к Почаевской лавре, уповая на чудодейственную силу мощей «святого Иова», это хотя и невежественно, однако же об'яснимо. Но если такое паломничество приобретает характер, так сказать, «культпохода», с использованием государственного транспорта, то вместе с законной тревогой и недоумением возникает вопрос: кто благословляет такое организованное богомолье? Увы, как показывают факты, — нередко самые, что ни на есть атеисты» (выделено нами, Д. К.). 37

Максимюк, видимо, зная что-то в области заинтересовавшего его вопроса, проследил, в пределах имевшихся у него возможностей, кто и каким образом посещает Почаевскую лавру. Его труды увенчались успехом не только для власти, но и для нас, подтвердив многое из того, что мы пишем о положении религии в СССР и о народной поддержке Церкви. Вот результаты «социологического исследования», которое провел Максимюк.

- 1) Директор Мизочской средней школы, Здолбуновского района, Ровенской области, следовательно, педагог с высшим образованием и, конечно, член партии, предоставил школьную автомашину «ГАЗ-51» жителям села Бущи для посещения Почаевской лавры, взяв с них за наем машины пятьдесят рублей. Факт получения пятидесяти рублей не является в данном случае какой-то коммерцией, ибо пробег машины что-то стонт, равно как и оплата шофера, который вряд ли поедет в Почаев без дополнительной оплаты, ибо это никак не входит в его обязанности. А специальных фондов на подобные вещи у директора нет и быть не может. На этой машине в Почаев поехало двадцать паломников, в том числе и дети, что особенно возмутило Максимюка.
- 2) Председатель колхоза им. Мичурина, Перемышленского района, Львовской области, Е. Н. Колтун, предоставил для двадцати одного богомольца колхозную машину по льготному тарифу на сутки, для поездки на богомолье в Почаевскую лавру. Машина эта, предназначенная для колхозных нужд и, как водится, всегда загруженная работой, была, несмотря на это, отправлена в Почаев. Председатель колхоза, естественно, был членом партии.
- 3) Исполняющий обязанности директора Червоноградского автотранспортного предприятия № 13068, В. А. Сизиков, выделил бесплатно автобус для работников ремонтных мастерских и их родственников для поездки в Почаевскую лавру. Судя по занимаемой, хотя и временно, должности, Сизиков, очевидно, инженер и член партии.
- 4) Двадцать богомольцев выехали в Почаевскую лавру на машине, принадлежащей Хоростковской межколхозной инкубаторной станции (Гусятинский район, Тернопольской области), директором которой является З. В. Дуляк. На каких условиях они получили машину и почему она была им дана остается неизвестным.
- 5) Г. К. Балашова, директор Сокольского райбыткомбината, как выражается газета, «перекрестила» передвижную парикмахерскую на автобусе в транспорт для двадцати девяти богомольцев, решивших ехать на богомолье в лавру. Правда, за это она взяла сто рублей, деньги немалые в условиях СССР, но, тем не менее, факт остается фактом, которым возмущается газета. Балашова, судя по занимаемой должности, член коммунистической партии.

6) Начальник Цуманской передвижной механизированной колонны№202, А. Н. Мозяр, (Киверцовский район, Волынской области) предоставил бесплатно автомашину для поездки в Почаев нескольким лицам, в том числе своей жене и тестю.

Таков итог одного дня на дорогах ведущих в Почаев.

Как реагирует советская печать на сообщенные факты? Она пишет об элементарной мировоззренческой близорукости всех замешанных в эту историю лиц. Идейная аморфность, беспринципность, меркантильность, незрелость и прочие эпитеты в этом же стиле, сопровождают описание фактов, сообщенных Максимоком. Да ничего другого советская газета написать и не может. Ведь не признает же она открыто, что верующие, которых всеми способами «законно» преследует власть, пользуются симпатиями даже неверующих, вероятно, людей, но понимающих, что в стране происходит и старающихся как-то помочь несправедливо гонимым людям. Сообщенные факты никак иначе не назовешь, как открытой поддержкой гонимой веры со стороны представителей того самого «белого пятна», о котором мы здесь пишем.

Впрочем, власть реагировала на упомянутые нами факты в достаточной степени определенно. Как сообщила та же «Правда Украины», ³⁸ на ряд лиц, дававших машины для богомольцев, были наложены партийные взыскания, в виде выговоров, строгих выговоров, выговоров с занесением в личное дело и т. п. Вопрос этот обсуждался в районных партийных организациях. Но одновременно надо отметить, что статья Максимюка вызвала полемику среди читателей «Правды Украины». В редакцию поступили письма, как осуждающие лиц, дававших машины, так и целиком оправдывающие их и обвиняющие Максимюка в том, что он «ударился в административные методы» борьбы с религией.

Но случай приведенный киевской газетой не единичный. Об использовании государственного транспорта для богомольцев имелись в советской печати сообщения и из других частей страны.

Если можно так выразиться, идеология и мировоззрение многих представителей «белого пятна» весьма своеобразны. В них сочетаются самые разнообразные элементы. В «белом пятне» соединяется часто несоединимое, своеобразие сочетается иногда с традиционной привычной рутиной, религиозные начала причудливо переплетаются с материалистическими принципами, оппозиция к власти пересекается с поддерж-

кой привычного образа жизни и т. п. Но важно то, что в «белом пятне» имеется довольно ярко выраженная, подчас даже интуитивная, привязанность и стремление к добру и к тем высшим началам, которые приводят постепенно к формированию религиозного мировоззрения. И в этом отношении весьма характерна «Пасхальная песня», вывезенная из СССР в конце шестидесятых годов, опубликованная в русской зарубежной печати. Автор песни неизвестен, но в ней ярко выражено стремление людей к высшему началу — Богу, а также тот идеологический хаос, который царит в головах еще многих советских безрелигнозных или мало религиозных людей. 39

ПАСХАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Смотрю на небо просветленным взором, Я на троих с утра сообразил. Я этот день люблю, как «День шахтера», Как «Праздник наших вооруженных сил».

Сегодня яйца с треском разбиваются, И, душу радуя, гудят колокола. И пролетарии всех стран соединяются Вокруг накрытого пасхального стола.

Все яйца красят в синий и зеленый, А я их крашу только в красный цвет. Несу в руках их гордо, как знамена, Как символ наших доблестных побед.

Под колокольный звон ножей и вилок, В лицо ударил запах куличей. Как хорошо в таком лесу бутылок, Увидеть даже морды стукачей.

Так расцелуемся с тобой прохожий, Прости меня за чистый интерес, Мы на людей становимся похожи, Давай еще: «Воистину Воскрес!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВЕРУЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ

«ВОСПРОИЗВОДСТВО РЕЛИГИИ»

Вопрос о верующей молодежи, а также вопрос о детской религиозности, хотя и относится по своей тематике к главе 2-й, посвященной верующим людям, но он настолько сейчас важен, а материал в этой области столь обширен, что мы выделяем его в отдельную главу.

Диктатура весьма озабочена проблемой т. н. «воспроизводства религии» в Советском Союзе. Этот термин был введен сравнительно недавно и приобрел в современной советской антирелигиозной литературе все права гражданства. О воспроизводстве религии заговорили, когда стало ясно, что религия в СССР не только не умирает, но, наоборот, захватывает сейчас и молодые слои населения страны. Именно этим и об'ясняется та яростная настойчивость, с которой власть борется самыми беспощадными мерами против всякой полытки организованного обучения детей и подростков основам христианской и всякой иной веры. Религиозность молодого поколения сейчас, пожалуй, главнейшая проблема, вокруг которой идет упорная борьба на религиозном фронте в СССР. Чего стоят, например, нижеприводимые строки, взятые нами из предисловия к недавно вышедшей книге, посвященной детской религиозности. Уже один факт, что подобные книги выходят в СССР и печатаются в огромных тиражах, свидетельствует об очень многом

«Алеша, Галя и Зина — дети глубоко верующей женщины — учатся в 6-м, 5-м и 2-м классах одной из ленинградских школ. Алеша — пионер, но когда возвращается домой, то всегда снимает галстук и прячет его от матери в портфель. Галя отказалась от вступления в пионерскую организацию, заявив: «Я верующая, а пионеры не должны верить в Бога». После посещения планетария она написала в своем сочинении:

«В планетарии было интересно, но я не согласна с об'яснениями, так как все это создал Бог». Зина была принята в октябрята, но когда старшая сестра сорвала с нее звездочку, то девочка смиренно сказала: «Так, наверно, Богу угодно». Все трое отказываются от подписки на детские газеты, от участия в общественной жизни и даже от физкультуры. Дома у них нет телевизора, «мирских» книг, газет, радио.

В одной из школ г. Житомира учатся три сетры: Люда, Люба и Надя. Вот, что говорят они сами о себе: «Утешение вижу в молитве. Кроме учебников и Библии, ничего не читаю» — Люда. «В кино не хожу, так как верю в Бога. Смотреть телевизор грешно. У меня нет друзей. Могу дружить только с девочкой своей веры. Господь позаботится обо мне» — Люба. «Я не хочу быть грешной, поэтому и не состою в пионерах. Я буду счастлива в небе» — Надя. На уроках пения они п:епчут молитвы, а во время демонстрации учебных кинофильмов закрывают лицо руками». 1

Автор этого отрывка признает, что им взяты крайние случаи детской религиозности. И это в значительной степени верно, ибо как становится ясно из описания приведенных случаев, детям привиты некоторые излишества в смысле религиозного пуританизма, свойственного русскому сектантству. Но дело в конечном счете не в этом, а в том, что об этом пишут в книге, изданной в пятидесятитысячном тираже и выдержавшей уже два издания.

«Ведь сколько раздумий вызывают подобные факты», — продолжает автор цитируемой нами книги, — «в каждом, кто заботится о правильном воспитании детей и подростков! В самом деле: что на душе у этих юных советских граждан? Какие идеи и стремления наполняют их сознание? Что сделало их такими верующими? Как разбудить их от религиозного сна? Как помочь им в их несчастье? И почему школа за ряд лет не смогла избавить их от пагубных заблуждений?

Придет время, когда сегодняшние школьники вольются в многомиллионную армию строителей коммунизма — станут к станкам и будут управлять сложными машинами, выйдут на поля, чтобы вырастить богатые урожаи, пополнить ряды славных защитников нашей родины. Нам не безразлично, какими будут их идеалы и помыслы, их убеждения и моральные принципы, мир их мыслей и чувств!» ² (выделено нами, Д. К.). Тревога, страшная тревога и бессилие звучит в этих словах. Детская религиозность, не исчезающая, а возрождающаяся,

становится чуть ли не угрозой для построения коммунистического общества.

Советские атеисты сегодня продолжают утверждать, что «основным источником, откуда религия проникает в детскую среду, являются те семьи, в которых есть верующие». ³

Власть отдает себе отчет, что борьба за молодежь на религиозном фронте имеет для нее жизненное значение и немало места уделяет данному вопросу. Тревожные сигналы о том, что на этом участке фронта явно не благополучно, не сходят в последнее время со страниц советской печати. Приведем несколько из подобных многочисленных сообщений, ставших обязательным аксессуаром антирелигиозных изданий в СССР.

«Боги не умирают сами» — озаглавливает свою статью корреспондент журнала «Наука и религия», Ал. Гурьянов, и приводит следующий разительный, по нашему мнению, пример.

«Как-то я ехал по Мещере на попутной машине. У реки Колпь водитель соблазнил на купанье. На песчаном берегу грелась ватага мальчишек, уже, видимо, злоупотребивших водной процедурой. Мы обратили внимание, что половина мальцов была с крестиками на шее» 4 (выделено нами, Д. К.).

Журнал, конечно, добавляет, что эти мальчики, носившие кресты, понятия не имеют о Боге, или весьма смутное представление о Нем, и что кресты на них надеты взрослыми, чуть ли не под угрозой наказания. Оставляя на совести журнала заявление, что мальчики не имеют представления о Боге, что едва ли является полностью правдоподобным, отметим, что главное в этом эпизоде заключается в том, что в ответ на стремление и борьбу власти за антирелигиозное воспитание молодежи, верующие отвечают тем, что стараются не без успеха, в пределах возможного, оградить молодое поколение от растлевающего влияния атеизма. Верующие люди борются за Церковь, стараются влиять на молодежь и, не задумываясь над последствиями, надели на своих детей крестики, данные им Церковью.

В 1970 г. со страниц советской прессы раздаются голоса ко нестойкой в своих атеистических убеждениям молодежи», той самой молодежи, которая является стопроцентным продуктом советского общества, так же как и ее родители.

При этом власть беспокоит не только верующая молодежь, но та ее часть, которая индифферентно относится к религии.

«Основным резервом воспроизводства религиозности в новых поколениях являются дети, воспитывающиеся в религиозных семьях, а также колеблющаяся и индифферентная в мировоззренческом отношении молодежь. Они составляют ту реальную базу, на которую делают ставку религиозные организации в борьбе за молодое поколение» ⁵ (выделено нами, Д. К.).

Таким образом, исходным пунктом воспроизводства религии, как уже указывалось нами выше, является семья. Уточним: не семья вообще, а именно религиозная семья, передающая религиозную преемственность следующему поколению. Но весьма характерно то, что к главной опасности в этом отношении причисляется не только религиозная молодежь, но и безрелигиозная молодежь, не проявляющая никакого атеистического рвения. Атеисты, больше чем кто либо иной, чувствуют, что слова «кто не с нами, тот против нас» в данной ситуации оправдываются на деле далеко не в пользу атеистов. Такова реальность и такова причина тех постоянных наскоков на религиозных родителей, имеющих место в СССР.

Советские атеисты сегодня принуждены признать, что «спекуляции» церковников и сектантов находят отклик в среде советской молодежи. Так, например, социологические исследования религиозности школьников Ленинграда показали, что учащиеся весьма склонны к религии.

«Религия, — пишет один из выпускников, — дает верующему надежду на что-то в жизни. Он верит во что-то, пусть мифическое, а ведь без веры человек жить не может». ⁶ (Выделено нами, Д. К.).

Атеисты весьма внимательно исследуют тематику, содержание и направление проповедей, обращенных больше всего к молодежи. Они должны были признать, что многие темы, избранные религиозными проповедниками, весьма интересуют молодежь. К таким наиболее актуальным темам относится комплекс вопросов связанных с идеей религиозного гуманизма, тема страданий, принципы нравственности и др. Особо выделяется тема страданий за веру, а также тема о значении религии в развитии духовных ценностей человечества.

И не случайно, а именно в связи с приведенными, наиболее волнующими молодежь вопросами, рассматривается атеистами сочинение одной из учениц городской школы, написавшей следующее:

«Почему существует религия? Очевидно, потому, что человек стремится к чему-то чистому и возвышенному. А это стремление удовлетворяет религия». 7

Понимая подобные настроения, власть все чаще и чаще подымает вопрос о религиозных тенденциях молодежи.

«Не отдать религии ни одного ребенка — это отобрать у религии завтрашний день. Самое серьезное внимание нужно уделять детям сектантов, ученической молодежи вообще», 8 — (выделено нами, Д. К.). — заявляет на страницах антирелигиозной печати секретарь Раховского райкома КП Украины, Ю. Корж.

АКТИВНОСТЬ ВЕРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

Озабоченность диктатуры совершенно понятна, ибо буквально со всех сторон сыпятся сигналы о детской и юношеской религиозности. Нельзя не стать озабоченным, читая подобного рода описания.

«На пасхальной службе в Спасо-Преображенском соборе Ленинграда, когда в храме бывает весьма торжественно, все кругом блестит и хор звучит особенно слаженно, среди старушек появились четверо школьников. Едва они переступили порог церкви, как от их ребячьей непосредственности не осталось и следа. Глядя, как они покупали свечи, зажигали их от лампады, осеняли себя крестным знамением и целовали иконы, старушки умилялись: «Экие ангелочки, наша смена». Это были пионеры соседней школы Володя Суховаров и три его товарища.» 9

Возможно, что именно исключительная красота пасхальной службы привлекла этих мальчиков в храм Божий. Но судя по их поведению в храме, это трудно предположить. Дети, случайно попавшие в храм и зашедшие посмотреть «диковинное зрелище», едва ли будут ставить свечи и осенять себя крестным знамением. Эти четыре мальчика, видимо, имели достаточный опыт в отношении своего поведения в церкви. И косвенным подтверждением наших предположений будет другой случай, о котором мы сообщаем ниже.

«В школах Прибалтики, западных областях Белоруссии и Украины чаще, чем в других местах, дети из верующих семей в дни религиозных праздников пропускают уроки, в «постные дни» отказываются от мясных блюд в школьной столовой и т. п.» 10 Это уже, конечно, не случайность, заведомая наро-

читость, вытекающая из систематического религиозного воспитания, с которым ожесточенно, но безнадежно борется власть.

Более того, верующая молодежь не только отстаивает свои убеждения, но пользуется моральной поддержкой другой части молодежи, не являющейся верующей, но несомненно находящейся на иных, чем этого хочет власть, моральных позициях. Нельзя в связи с этим не вспомнить о случае с Олегом Родионовым, учеником 496-й московской школы. Вот как описывается этот случай в цитированной нами выше советской книге.

«В редакцию "Комсомольской правды" пришли выпускники 496-й московской школы, чтобы защищать своего одноклассника Олега Родионова. Олег был хорошим товарищем, получал пятерки по дарвинизму, по истории и... ходил в церковь. В классе и школе об этом знали, но считали бестактным говорить с ним на эту тему. На выпускном экзамене Родионов очень бойко и верно говорил о первичности материи и вторичности сознания, о том, что существует только вечно развивающаяся материя, и т. д.

- А твое мнение? спросил его экзаменатор.
- Я сказал то, что от меня требуется... Учебник знаю. Сам же я считаю, что существуют и невидимые силы Бог, душа и т. д.

Директор вызвал ученика и сказал ему, что хотя он отвечал прекрасно, но пятерки и грамоты не получит, так как не верит в то, что говорит. Друзья Олега по классу и пришли в редакцию, чтобы защитить товарища от «произвола» директора.

Скажите, это справедливо — человек хотел быть честным и за это пострадал?! — протестовали они. Им было невдомек, что знание текста учебника не означает понимания существа диалектического материализма и что знания без убеждений — это картонный меч. Школа неправильно учила Родионова, но правильно оценила его знания и свою собственную работу. Бесспорно одно: фундаментом атеизма являются не формальные знания основ наук, а научно-материалистические убеждения». 11

Советский атеизм, будучи по существу тоже своеобразной религией с отрицательным знаком, требует от советской молодежи не только знаний, но и убеждений, т. е. веры в свою правоту. Но, как раз, этого то именно молодежь и не

лает ему, ибо не верит в его правоту или проявляет полное равнодушие. Из этого совсем не вытекает, что вся молодежь — верующая. Это означает, что и неверующая часть молодежи в значительной своей части проявляет равнодушие к концепции современного советского атеизма и подходит формально к официальной мировоззренческой доктрине. «Требуют от нас — мы изучаем и отвечаем на экзамене. А, что мы думаем в действительности — это наше дело.» В данном случае Олег Родионов был верующим юношей. Но так же формально подходит к сдаче «идеологических экзаменов» и безрелигиозная часть молодежи, неинтересующаяся пока еще вплотную мировозэренченскими проблемами.

То, что случай с Олегом Родионовым не единичен отчасти подтверждает и сама советская печать. На страницах журнала «Наука и религия» рассказывается также и о том, что сравнительно недавно в одном из высших учебных заведений был обнаружен верующий студент старшего курса. При этом, как и в первом случае, он совершенно нормально сдал экзамены по марксистской философии. Его спросили: как он мог сдавать экзамен по марксизму-ленинизму, будучи верующим, и как, зная марксизм, он продолжал верить в религиозные «сказки»? Студент на это ответил следующее: «Что же тут особенного? Меня спрашивали о взглядах Маркса, Энгельса. Я их знаю отлично. Но меня ведь никто не спрашивал о моих взглядах»... Ответ совершенно правильный и типичный для современной советской верующей молодежи. Указанный случай журнал об'ясняет тем, что молодой человек «остался пассивным об'ектом сообщаемой ему информации». Об'яснение это далеко не отражает истинного положения вешей. 12

Видимо таких об'ектов, «пассивно» относящихся к сообщаемой им информации, не так уж мало, ибо чем же иным можно об'яснить следующие факты, тесно связанные с тем, о чем мы здесь пишем.

На страницах «Науки и религии» выступил заместитель министра просвещения СССР, Ф. Г. Паначин, который в своем интервью, данном для журнала, сообщил следующие не лишенные интереса сведения. Беседа с зам. министра была посвящена вопросам атеистического воспитания школьников. В связи с этой темой, зам. министра сообщил довольно любопытные цифры. По его словам, за последние четыре года, в соответствующих научно-исследовательских институтах и в высших педагогических учебных заведениях, а равно и в уни-

верситетах, было проведено 69 исследований в области научноатенстического воспитания учащихся. Но дело не в числе исследований, а в том, что именно интересовало тех, кто занимался этой работой. Приводим несколько тем, по мнению зам. министра, имеющих особое значение.

- 1) «Конкретные социологические исследования атеистической убежденности учащихся».
- 2) «Педагогический анализ научно-атеистической направленности личности выпускников средних школ».
- «Теория и практика научно-атеистического воспитания в советской школе». ¹³

Нет никакого сомнения в том, что первая из приведенных тем теснейшим образом связана с фактами аналогичными тем, которые мы привели выше. Что касается двух остальных тем, то и они также дополняют первую и свидетельствуют о сугубом внимании к атеистической убежденности учащихся со стороны власти.

Зам. министра сообщил корреспонденту «Науки и религии» довольно любопытные подробности в области той активной обороны, которую осуществляет советский атеизм на молодежном участке религиозного фронта. Из этого интервью мы узнаем, что студенты педагогических вузов обязаны критически освоить, изучить неотомизм, который характеризуется как официальная философия Ватикана, а также критически осмыслить и изучить и современный экзистенциализм. Критически, т. е. с точки зрения марксистско-ленинской теории. Но едва ли это поможет...

Удается-ли заставить молодежь критически переработать любую религиозную философию и сформировать у ней атеистические убеждения — остается неизвестным. Но о том, что религиозная философия и вера входят во все поры школьной жизни молодежи и приводят в отчаяние руководителей образования, свидетельствуют те примеры, которые мы приводим ниже.

крестики. крещение и молодежь

В конце 1969 г. перед заведующими московскими школами был сверху поставлен вопрос об игре в «крестики и нолики» среди ребят. Почему же власть вдруг ополчилась на эту совершенно безобидную игру? Как указывалось в соответствующих директивах, этой игре придается религиозный характер борьбы между верующими детьми и неверующими.

Оказывается, что часть детей, врисовывает в клетки этой забавной игры не «х», а крестики с вертикальными и горизонтальными линиями. Эти ребята утверждают, что крест всегда победит над «нулем», т. е. над безверием. Представители власти также утверждали, что «здорово наловчившись» верующие дети действительно часто выигрывают, строя на этом свою «нездоровую теорию победы религии над атеизмом».

Представители воинствующего советского атеизма заявили, что надо строго запретить игру в крестики и нолики или придумать другие знаки или рисунки для заполнения квадратов. В противном случае, по их мнению, эта детская забава может стать опасной. 14

Но крестики не дают покоя власти не только в плане школьной игры.

Электрик Одесского сталепроволочноканатного завода, В. Тарнавский, обратился в газету «Правда Украины» с открытым письмом. Его письмо было напечатано в указанной газете. Посвящено письмо было кресту. Почему опять эта не совсем обычная для советской печати тема была поставлена на страницах полустоличной газеты? Почему Тарнавский вдруг заинтересовался крестом?

Оказывается, что в данном случае речь шла о маленьком нательном кресте, который был обнаружен сознательным электриком на шее продавщицы в одном из магазинов. Весьма характерно, что написав в газету письмо, фактически доносительного характера, о том, что продавщица по имени Алла носит крест, Тарнавский тут же с удивлением констатирует, что Алла считается в магазине хорошей работницей. Советский антирелигиозный маразм дошел уже до той стадии ложных представлений о религии, что рядовой атеистический активист удивляется тому, что девушка, носящая крест, может быть хорошей работницей. Оставляя в стороне эти совершенно дикие представления о религии, обратимся к тому краткому диалогу, который произошел между Аллой и Тарнавским. На его вопрос — почему она носит крест? — Алла искренне или неискренне ответила, что она его носит, потому что это красиво, что многие представители молодежи носят сейчас кресты и, что ее крестик совершенно особенный — такого креста нет ни у одной ее подруги. По словам Тарнавского, Алла девушка неверующая и носит крестик, потому что это сейчас «вроде, как и модно». А почему «вроде как и модно» — остается неизвестным.

Возможно, что сама Алла носит крест действительно, потому что это «модно». Но откуда, в конце концов, взялась эта «мода», почему она появилась и неужели все подруги Аллы носят кресты по любым, но только не по религиозным соображениям, прекрасно зная, что всякого рода соглядатан, вроде Тарнавского, возьмут их на заметку и куда-нибудь донесут?

Из письма Тарнавского трудно сделать какие-либо выводы, чтобы ответить на заданные вопросы, но сомнительно, чтобы проблему нательного креста в СССР у молодежи можно было свести исключительно к проблеме «моды». Впрочем, и сам Тарнавский отлично понимает, что речь идет не только о модных украшениях. Он пишет, что крестики у молодежи это не только украшения. Для Тарнавского кресты — «это символы злой, темной силы».

Едва ли есть смысл полемизировать с Тарнавским о том, символом какой силы является крест. Важно отметить другое: атеисты, наконец, начинают понимать, что крест — это духовная сила. И понимая это, они призывают не молчать, когда видят крест на шее представителей советской мололежи. 16

В более ранних наших работах мы указывали на ряд ограничений введенных властью в административном порядке, в отношении крещения детей. ¹⁷ Но, тем не менее, несмотря на все запреты и давление власти, верующие родители продолжают крестить своих детей. Вот как описывает советский атеист празднование дня рождения ребенка, который родители решили ознаменовать, быть может, несколько запсэдалым крещением.

«Пришел поп, занавесили окна (соседи узнают, разговоров не оберешься), гостей выпроводили на кухню. Через четверть часа обряд совершился. Праздник пошел своим чередом.

Но у нас у всех будто какая то тяжесть на душе осталась. Будто в чем то обманули друг друга». ¹⁸

Из этого описания видно, что на день рождения ребенка были приглашены гости. Но совершившееся в этот же день таинство крещения, было как бы отделено от присутствовавших, или, вернее, от их безрелигиозной части, и бережно совершено лишь в присутствии верующих людей. Совершено это было без боязни (открыто в данном обществе), но с некоторыми предосторожностями от случайных свидетелей.

Бывший в числе гостей антирелигиозный активист не **без** тревоги замечает, что тяга молодежи к религии — серьезное дело.

Это заявление о «серьезном деле» дополняется подчеркиванием роли старшего поколения в религиозности молодых. Справедливость этого последнего замечания подтверждает та же газета «Правда Украины, 19 опубликовав результаты анкетного опроса учащихся 8-х и 9-х классов в школах областного центра. Опрос был произведен Кировоградским домом научного атеизма. Опрос охватил более шестисот учащихся. В анкете был вопрос: «Откуда впервые узнал о Боге и что ты о Нем знаешь?» Выяснилось, что только 16.7% учащихся шчего о Нем не знают. Остальные же знают и услышали впервые о Нем от родителей, бабушки и дедушки. Выяснилось также, что только 18.7% всех опрошенных имеют некоторые материалистические представления о происхождении религии. Таковы неутешительные для атеистов результаты затеянного ими обследования.

Затрагивая вопрос о крещении детей, мы должны будем отметить, что несмотря на явные стремления власти ограничить распространение этого церковного таинства на широкие круги населения, ей это едва ли удалось. Представители советского атеизма усиленно занимаются в последние годы всякого рода социологическими исследованиями, относящимися к области религии. Этот путь социологических исследований вызван к жизни, главным образом хроническими неудачами на религиозном фронте борьбы. Неудачи заставляют представителей государственного атеизма углубиться в те религиозные процессы, которые на их глазах происходят в стране. Они хотят познать их закономерности и познав, воздействовать на них в желательную сторону. Отсюда и начинаются социологиче ские изыскания. Путь был бы правильный, если бы атеисты имели дело с таким явлением, как наука, экономика страны, сельское хозяйство и т. д. Но они в этом случае имеют дело с явлениями духовного порядка, обладающими своими собственными закономерностями, ничего не имеющими общего с обычными явлениями, которые изучаются, например, социологией. Поэтому, хотя современный советский атеизм и собрал о религии немало материалов социологического порядка, но все эти материалы носят лишь подсобный характер, так как ничего в сущности не говорят о духовных процессах, протекающих в стране. Они лишь отражают чисто внешние проявления религиозной жизни. Но, так как эти внешние явления отражают внутренние глубинные процессы духовной жизни народа, то они представляют известный интерес и для нас. Кроме того, зная духовные законы религиозной жизни, можно использовать и правильно прочитать те чисто внешние данные, которые дают нам социологические исследования.

В этом отношении несомненный интерес представляют социологические исследования, посвященные таинству крещения. В частности, весьма интересно исследование, посвященное таинству крещения в городе Горьком. ²⁰

Нужно сказать, что гор. Горький уже не в первый раз попадает на страницы советской и зарубежной печати в связи с вопросом о религии. О нем мы писали и в этой работе в главе 1. Этот город обладает несомненно повышенной религиозной активностью. Поэтому, до известной степени, вполне закономерен тот факт, что социологическое исследование о православном таинстве крещения было произведено именно на материалах города Горького.

Атеисты совершенно официально заявили, что таинство крещения широко распространено в стране и стоит по степени своего распространения едва ли не на первом месте. Во всяком случае, детей крестят гораздо больше, чем венчаются в церквах. А лиц приходящих на исповедь и к Св. Причастию гораздо больше, чем тех, которых крестят. Это тоже вполне понятно.

Горький — город развитой промышленности и в нем живет весьма значительное количество рабочих. Именно в первую очередь на них и было обращено внимание атеистических социологов. Было обследовано 2.914 человек, крестивших своих детей. И совершенно закономерно то, что максимум крещений наблюдается до шестимесячного возраста ребенка. Данное положение определяется двумя основными факторами, о которых в атенстическом исследовании, однако, ничего не упоминается: 1) верующие родители или бабушка с дедушкой стремятся по религиозным мотивам крестить ребенка возможно скорее после его рождения и 2) крещение соверглается до года в связи с не вполне гласным распоряжением власти — допускать крещение младенцев в возрасте не свыше 18 месяцев, а затем крещение может быть совершено лишь после совершеннолетия по личному и сознательному желанию крещаемого. Отсюда понятно, что данное обстоятельство увеличивает количество крещений в весьма малом возрасте.

Трагедия атеизма заключается также и в том, что, как выяснило обследование, не только молодые родители несут крестить своих детей, но и восприемники крещаемых, крестные отцы и матери, весьма далеки от того почтенного возраста, когда люди, по мнению атеистов, особенно склонны к религии; 44% крестных — молодежь до 30 лет. Есть над чем призадуматься...

Представители советского атеизма, отмечая вообще, что в стране таинство крещения совершалось в конце шестилесятых годов над 60% всех детей, вместе с этим пытались доказать, что лишь единицы среди родителей являются глубоко верующими. Большей частью, по их мнению, крещение совершается не по религиозным мотивам, а, главным образом, по традиции или по чисто житейским соображениям, связанным с тем, что в семье имеются влиятельные верующие представители старшего поколения. Таким образом, родители детей, нал которыми было совершено таинство крещения, делятся как бы на три группы: 1) верующие, 2) традиционалисты, 3) бытовики. Атеисты заявляют, что среди родителей мало верующих. Основная масса их индифферентно относится к религии и должна быть отнесена ко второй и третьей группам. Но здесь совершенно неожиданно на сцену выплывают числа. которые приводят авторы социологического обследования и которых они сами не понимают. Указывая, что верующие родители, совершившие таинство крещения — единицы, атеисты сообщают, что из 2.914 опрошенных, равнодушны к религии и не являются верующими 2.082. Таким образом, официально исповедывали свою веру 832 человека, что составляет 30% опрошенных родителей, относящихся к молодому поколению. Если учесть, что производился опрос и, что в условиях СССР он мог иметь те или иные неожиданные последствия, то надо признать, что 30% родителей совершили в данном случае подвиг исповедничества. Их количество, в свете указанного, необычайно велико. Это факт уже почти массового исповедничества.

Что же касается остальных 2.082 человек, то сколько же из них сказалось традиционалистами или бытовиками из простой предосторожности? Трудно сказать сколько, но что таких немало — это факт, ибо подобные явления в советской действительности встречаются на каждом шагу. Поэтому многие выводы советских атеистических социологов, что среди крестивших своих детей мало верующих — недостаточно обоснованы.

Чрезвычайно интересно подтверждение атеистами такого факта, который был известен и раньше. Оказывается, что 58.8% опрошенных родителей принимали участие со своими детьми на праздниках новорожденных, организованных властью и заменяющих, по ее предположениям, крещение. И все эти 58.8% после атеистических «крестин», так или иначе, приняли участие в церковном крещении тех же самых детей. Речь идет в данном случае о церковном крещении в открытых храмах легальной Русской Православной Церкви. Верующие родители, по своему возрасту большей частью относящиеся к советской молодежи, несут в эти храмы своих младенцев, несут с риском неприятностей, иногда идущих весьма далеко, открыто исповедуют свою веру и верят в благодать таинства, совершаемого в пока еще открытых церквах.

Как мы уже указывали в первой главе, в данное время, в соответствии со сведениями, полученными из различных источников, таинство крещения совершается более, чем над 60% всех детей. При этом любопытно, что значительная часть неверующих и безрелигиозных людей тоже считает, что детей крестить надо. Во-первых, потому что это исконный русский обычай, а, во-вторых, под давлением общественного мнения верующей части населения. Этот удивительный факт был отмечен в конце 1971 года и советской печатью, признавшей, что общественное мнение верующих играет большую роль в смысле увеличения количества церковных крещений.

Здесь же следует отметить, что, со своей стороны, РПЦ, в известной мере, стимулирует увеличение количества крещений, делая различие между верующими крещеными и некрещеными. Эта последняя категория верующих, по совершенно понятным причинам, довольно многочисленна. Церковь делает различие между крещеными и некрещеными при молитвенном поминании тех или иных лиц, иногда отказывая в совершении треб в отношении некрещеных.

На первый взгляд для обыденного сознания этот факт может быть сочтен как недостаточно «широкий» и даже неуместный в условиях СССР. Но если вдуматься и ознакомиться с соответствующими церковными правилами, то можно легко убедиться, что РПЦ совершенно права и, если этот момент (различие между крещеными и некрещеными верующими) раньше как то смазывался в силу ряда причин, то, на данном этапе жизни, РПЦ это различие совершенно уместно реализовать в церковной практике.

РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

В связи со всем сказанным о верующей молодежи, нельзя пройти мимо весьма существенного вопроса о возможностях религиозного просвещения детей. Советская печать и западная пресса неоднократно сообщали сведения о том, что лица замешанные в попытках дать религиозное образование верующим детям, подвергались судебному преследованию. Имена А. Скриппиковой, попавшей за обучение детей Закону Божию в заключение (лагерь Потьма), молодых женшин М. Браун и Чернецкой, получивших по суду 5 лет заключения за «религиозную пропаганду» среди детей, и другие аналогичные случаи стали общеизвестны. Ряд других процессов, отмеченных в печати, показал насколько серьезное значение придает власть религиозному образованию и воспитанию детей и вообще молодежи. В советских газетах появились статьи, посвященные воскресным религиозным школам, получившим свое особое развитие в среде баптистов. Школы эти были нелегальными и обнаруженные властью были разгромлены, а инициаторы детского организованного религиозного просвещения были подвергнуты судебному преследованию.

Осенью 1971 г. советская печать опубликовала статью московского прокурора С. Гусева, посвященную религиозному обучению детей. В ней шла речь о баптистах-инициативниках и о религиозных кружках, в которых они обучали детей религии. Руководительница этих кружков — Н. Воронова, собирала детей у себя на дому, обучала их Закону Божьему, разучивала с ними религиозные песни, молитвы, псалмы и т. п., давала им возможность присутствовать при совершении крещения над взрослыми. Воронова была отдана под суд и приговорена к лишению свободы. 21

Поэтому уместно уточнить вопрос о том, что запрещено и что официально разрешено властью в области религиозного образования детей и молодежи вообще. По данному вопросу в советской печати имеются совершенно определенные указания, дающие полное представление о советском законодательстве в этой области.

Эти указания в достаточной степени четко сформулированы довольно известным советским антирелигиозником И. Бражником в его рецензии на брошюру В. А. Куроедова — «Религия и закон», вышедшую в 1970 г. Вот что, между прочим, написано в этой рецензии.

«Авторитетом председателя Совета по делам религий подкрепляется еще одно важное положение — вытекающий из природы нашего социалистического государства закон о недопустимости проведения церковью специальной работы с детьми, о том, что обучение детей и подростков религии может осуществляться только частным образом — в семье и только родителями» 22 (выделено нами, Д. К.).

Прежде всего надо отметить, что это положение, как показала практика последних лет, относится не только собственно к Церкви, но и ко всем религиозным исповеданиям и религиям. Далее, из него совершенно ясно вытекает, что право религиозного просвещения детей дается только родителям. Понятие «частным образом» не может толковаться расширительно в том смысле, что кто-то в частном порядке может обучать детей религии. Делать это могут только родители и никто иной. Поэтому всякого иного рода попытки дать детям религиозное образование, особенно организованного характера (религиозные школы), жестоко преследуются властью, как нарушение советского законодательства о культах.

Что же касается родителей, то на них можно воздействовать и указанное тем более легко, что они представляют из себя единственных правомочных в данном отношении лиц. То, что это так, отчасти подтверждает выступление зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП Казахстана, А. Плотникова, опубликованное в советской печати, ²³ и посвященное вопросу о религии.

«Своей особой важной задачей атеисты республики считают ограждение от религиозного влияния детей. Этого бывает очень трудно достичь в тех случаях, когда ребенок живет в семье с многолетними религиозными традициями. Большую роль в этой работе играют школы, которые, как правило, не ограничиваются атеистическим воспитанием детей в процессе обучения. Они не оставляют без внимания верующих родителей, нейтрализуют попытки некоторых религиозных сект вовлечь детей в свои общины, использовать детей в религиозных службах, вызвать у них интерес к религиозной обрядности». (Выделено нами, Д. К.).

Таким образом, в отношении религиозного обучения детей, власти противостоят официально родители, которые и несут непосредственную ответственность за воспитание своих детей в религиозном отношении и с которыми, как нетрудно заметить, ведется совершенно плановая борьба. Что это имен-

но так, подтверждали все эти годы документы, попадающие от времени до времени в свободный мир. Одно дело, что родителям разрешается по закону, а другое, что фактически с ними делают, если власти что либо не понравится в поведении верующих родителей. Достаточно вспомнить Открытое письмо двух девочек, Шуры и Гали Слобода, вывезенное на Запад в 1969 году, хотя и относящееся к более раннему периоду. Достаточно вспомнить Открытое письмо 1.453 матерей с жалобами на власть в связи с борьбой последней с детской религиозностью.

Спасаясь от назойливого вмешательства атеистов в частную семейную жизнь верующих родителей, последние встати на путь организации молитвенных ночей, на которых они осуществляют также религиозное обучение подрастающего поколения. Молитвенные ночи получают сейчас все большее распространение.

Все сказанное нами о религиозном обучении детей дополняется еще раз небезинтересным высказыванием И. Бражника на страницах центрального антирелигиозного журчала. 24

«Религиозные общества не вправе проводить специальные собрания для детей и юношей, вести какое бы то ни было обучение детей религии, устраивать экскурсии, создавать детские площадки и т. п. Религиозное обучение проводится лишь в специальных учебных заведениях, готовящих служителей культа».

Таким образом, это дополнение ко всему ранее сказанному свидетельствует, что кроме обучения религии родителями, молодежи разрешается изучать религию только в специальных духовных учебных заведениях, готовящих священнослужителей. Если же кто-то не имея намерения стать духовным лицом, захочет изучать какие-либо религиозные диспиплины или просто пройти какой-то курс в области религии, то это, при подобной постановке вопроса, является невозможным. (Какие законы советского государства дают в данное время возможность власти законообразно преследовать религиозное обучение детей? Этих законов несколько, в частности, например, статья 142 УК РСФСР — «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви», а также постановление президиума Верховного совета РСФСР от 18 марта 1966 г., раз'ясняющее, что к такого рода нарушениям относится также «организация и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии с нарушением

установленных законодательством правил». Имеется еще статья 227 УК РСФСР, под которую можно подвести что угодно. Она тоже используется для борьбы с религией.)

Но несмотря на подобного рода «режим» в отношении религиозного обучения, власть пока не может добиться благоприятных для себя результатов. Дело в том, что молодежь, интересующаяся религией или вообще заинтересовавшаяся вопросами мировоззрения, выходящего за рамки марксистских догм, спрашивать у власти разрешения на те или иные духовные поиски, совершенно понятно, не будет. Она находит способы получить нужные ей книги, консультации со сведущими в этой области людьми, она находит те или иные пути обхода драконовских законов диктатуры. И вопреки всем усилиям власти, молодежь, интересующаяся вопросами мировоззрения, молодежь, идущая теми или иными путями к религии, получает нужные ей информации, нужную ей на этом пути духовную поддержку.

В этом плане весьма небезынтересен случай, опубликованный в советской печати в 1970 году. Комсомолец и педагог Владимир Бернес поступил в духовную семинарию, чтобы стать священником.

«Лично для меня это было как гром среди ясного неба — заявил директор Таллинской 30-й средней школы, — Володя, общественник, душа-парень, ярый атеист, — вдруг решил стать попом! Просто не укладывается в голове».

В этой школе Володя учился, а потом, после ее окончания, отбыв воинскую повинность, стал в ней же преподавать. Повидимому, он стал учителем рисования. Его приняли преподавателем при условии, что на следующий год он поступит в педагогический институт. Он проводил, по просьбе директора, пионерский сбор, выпускал стенгазету, принимал экскурсантов, был кумиром школьников, которые его почтительно величали Владимиром Кирилловичем. Вместе с другими преподавателями Володя устраивал атеистические вечера, на которых «разоблачал поповские чудеса». По мнению газеты «Молодежь Эстонии», антирелигиозная пропаганда велась в школе неплохо и в этом была несомненная заслуга Володи Беренса.

Последняя встреча с Володей особенно запомнилась директору школы. «Она совсем не походила на прежине. Беренс на этот раз вел себя вызывающе. На шее его висел крест. Он не скрывал того, что решил стать попом. Он даже пытался своему бывшему наставнику доказать, что религия — его судьба.»

И на вопрос: «А как же комсомол? Как же яростный атеизм?» Володя ответил: «Все, что я раньше делал, делал не по своей воле. Мне сверху приказывали, а я выполнял!»

Описывая случай с Володей Беренсом газета указывает, что, якобы, на Володю повлияла его религиозная бабушка и не обошлось без вмешательства верующего отца. Случай с В. Беренсом — чувствительный удар по атеизму и несомненно его поражение. 25

Приводимые примеры из жизни верующей молодежи можно продолжать до бесконечности. Любопытные в интересующем нас отношении факты происходят не только в Православной Церкви, но и в других религиях. Так, например, сын парторга Акмурада, проживавший в колхозе им. Калинина, Марыйского района, сочетался браком у местного муллы и, повидимому, отказался вообще от обязательства регистрации брака в местном загсе, 26 что является совершенно незаконным. Но, видимо, в данном случае религиозное начало доминировало над всем остальным, несмотря на наличие партийного родителя.

В конце 1970 года «Комсомольская правда» опубликовала статью А. Зуевского — «И модно и богоугодно...» 27 В ней шла речь о нашумевшем факте венчания в киевском Владимирском соборе двух молодых советских ученых Вени Маркова и Лены Платоновой. Оба они были не только представителями квалифицированной советской интеллигенции, но и членами комсомола. Весьма характерно, что на венчание был приглашен весь тот отдел института, в котором работали оба молодожена. Газета характеризует их обоих как атеистов и недоумевает, что привело их в церковь. Размышляя о происшедшем, газета пишет:

«Характерно другое: в институте связали этот акт «братания» атеизма и религин... с веянием моды, увлечением стариной. И отметили смелость, констатировали вызов. Кому? В чем? Зачем?». Действительно, трудное положение создается на религиозном фронте. Напрасно недоумевает газета относительно вызова, напрасно она задает три роковых вопроса. На них можно легко ответить. Верующая советская молодежь бросает вызов богоборческой политике власти, требуя от нее полной духовной свободы, в том числе и свободы мировоззрения. Маркины, кстати сказать, при «соответствующей беседе» не отрицали такую возможность. Вызов был, но как сказали они, «хотя бы ради шутки». Ответ показывающий, что верующая молодежь соблюдает своего рода «маскировку»,

чтобы не вступать по многим соображениям в открытый конфликт с диктатурой, тем более, что в данном случае представители последней явно не хотели устраивать шумный скандал. Все было обращено в своего рода «шутку», чтобы поскорее закрыть вопрос о возможности тайной веры в среде молодых советских ученых.

Газета приводит также и другие примеры из жизни молодежи, которые заставляют, как она пишет, задуматься. Так, например, в редакцию пришло письмо от группы школьников из города Челябинска. В этом письме они сообщают, что были на экскурсии всем классом в православном храме. Почему они были на экскурсии в столь необычном месте, остается неясным. Но факт остается фактом и школьники с восхищением описывают православное богослужение и пишут также о том, что церковь православная — это наша история и наше культурное наследие. Остается открытым вопрос — почему школьники решили написать об этом в советскую газету. Все это необычно и не совсем понятно, но, видимо, имело какой-то смысл. Во всяком случае, указанное возбудило тревогу в редакции газеты, заявившей, что под восхищением церковным культурным наследием маскируется интерес к религии. Вероятно, газета в этом случае права.

В связи с этим советская печать отмечала, что современная советская молодежь «открывает» для себя религию как красивую старину, привлекательную обрядность.

Вот, что писала по вопросу об увлечении церковной стариной все та же «Комсомольская правда». ²⁸

«Над модерновым полированным сервантом появляется целый иконостас византийских ликов, и уже кто-то надевает крестик, конечно-же, как предмет искусства, дань моде, и, глядишь, идут венчаться в церковь из "уважения" к традиции».

Газета одновременно пишет о незаметном, постепенном, словно обволакивающем действии «церковной атрибутики» и о тех мировоззренческих последствиях, к каким приводит это новое «хобби».

Но все эти факты, как экскурсия школьников в православный храм, как увлечение церковной стариной, и т. п. связаны несомненно с молодежью, имеющей достаточно высокий образовательный ценз. Ибо и коллекционирование старинных икон и руководство школьной экскурсией требует соответствующей специальной квалификации. Трудно предположить, что классным руководителем было лицо пенсионного возрас-

та, равно как и школьники, написавшие письмо в газету о церковном богослужении, едва ли относились к ученикам приготовительного класса.

Весьма характерен также случай, происшедший на Кавказе, когда переписка религиозной листовки, размножаемой ручным способом, была поручена и осуществлена учащимися сельской школы, сделавшими эту работу во внеурочное время. Кто поручил детям переписать листовки и как это было организовано, осталось пока неизвестным.

17.000 литовских католиков подписали петицию-протест, адресованный генеральному секретарю ООН, Курту Вальдхейму и меморандум, отправленный Брежневу. Оба этих документа были вручены некоторым западным журналистом. Документы содержат жалобы католического населения советской Литвы на преследования религии, на лишение свободы вероисповедания и на дискриминацию в обыденной жизни. Католики пишут, что их священники или заключаются в тюрьмы или приговариваются к ссылке за исполнение своих пастырских обязанностей, особенно за подготовление детей к их первой исповеди и причастию.

Документы, поступившие в западный мир, рассказывают более подробно о том, что происходило в Советской Литве. 11 ноября 1971 г. в народном суде Каунасского района состоялся суд над католическим священником Ю. Здебскисом, арестованным 26 августа 1971 г. Как сообщила печать, священник Ю. Здебскис был зверски избит в милицейском изоляторе и до суда находился в вильнюсской тюрьме Лукишкяй. Основным обвинением на суде явилось то, что священник Здебскис учил детей верующих родителей религиозным дисциплинам, в частности, подготовлял их к первому причастию. Священник Здебскис был приговорен к 1 году ИТЛ общего режима.

6 ноября 1971 г. верующие г. Пренай обратились к секретарю ЦК КПЛ и к председателю Совета министров Литовской ССР с письмом-протестом против преследований за попытки обучения детей религии.

Летом 1971 г. Каунасскому епископу было официально разрешено провести конфирмацию детей в костеле г. Расяйняй. Ксендзы сообщили об этом верующим. Местные власти в дни проверки знаний детей, врывались в костелы. 25 июля в костеле села Гиркаднис, местный ксендз, П. Бубнис, экзаменовал одного мальчика; около 30 детей ждали очереди. Детей

начали хватать и тащить в помещение пожарной охраны, где им выдали по карандашу и листку бумаги, чтобы они записали под диктовку «обвинительные показания» против священника Бубниса. Позже детей и их родителей вызывали на допрос в райисполком и в школу. Дело закончилось судом. В обвинительном заключении, составленном прокурором г. Расяйняй, сообщение священника Бубниса о проверке знаний детей названо призывом к обучению (т. н. «организованное обучение детей») и вменено ему в вину. Суд приговорил священника Бубниса к 1 году ИТЛ общего режима. 29

4 октября 1971 г. Варенайский райисполком оштрафовал на 50 рублей настоятеля Валкининского прихода Кейна за то что он разрешал детям прислуживать во время богослужения.

Зам. председателя Варенайского райисполкома Висоцкис, вместе с учительницей местной школы Клюкайте и директором школы, угрожали ученику Казлаускасу снижением отметки за поведение, если он не сообщит им фамилии детей, посещающих костел. Клюкайте и учительница Майсайтене сказали ученице Казюкайте, что за посещение костела ей дадут отрицательную характеристику и она не сможет поступить на работу. Ученицу Грежайте предупредили, что за посещение костела ее не допустят к экзаменам.

В средней школе села Уркиенай учительница Сауленене угрожала ученице Лусицкайте снижением отметок за посещение костела. ³⁰

ОМОЛОЖЕНИЕ СОСТАВА ВЕРУЮЩИХ

Власть особенно беспокоит приход к религии квалифицированной образованной молодежи. Эта тревога была выражена не так давно на страницах советской печати в связи со следующим случаем.

Специальный корреспондент газеты «Советская Россия» приехал в село Непряхино Горьковской области по каким то своим газетным делам. В его отчетной статье по поводу посещения им Горьковской области имеется следующее, не лишенное для нас интереса, описание того, что он обнаружил в селе.

«Вечером, проводив приезжавшую в отделение агитбригаду сормовичей, мы возвращались с Романовым домой. Идти пришлось мимо спрятавшейся в высоком березняке над оврагом церквушке. В ее оконцах мерцали тусклые свечи, слышалось заунывное пение. Из старушечьих голосов выделялся мужской речитатив. — «Роганов поет» — заметил Василий Иванович. — «Тоже вот не пойму его. Закончил сельскохозяйственный институт, защитил диссертацию. А другого дела не нашел, как в церкви старушками руководить... Но ведь он же ученый человек!» ³¹ (Выделено нами, Д. К.).

Перед нами один из очень неприятных для диктатуры случаев. Молодой ученый, кандидат сельскохозяйственных наук, видимо, стал сельским священником, предпочитая служение церкви научной карьере. А сам Роганов на аналогичный вопрос, обращенный к нему, ответил в достаточной степени лаконично, но совершенно ясно:

«Нести слово Божие в народ. И делать это нужно грамотным людям». Это совершенно правильное замечание современная верующая молодая смена в СССР конкретизирует весьма реально на практике.

Тяга молодежи к религии не отрицается сейчас и властью. Не так давно, как мы уже указывали выше, газета «Правда Украины», говоря о детской религиозности, написала, что тяга молодых к религии — серьезное дело. 32

Делегация Евангелической церкви Зап. Германии (ЕЦГ) в 1969 году выезжала в Советский Союз. Глава делегации, президент отдела внешних сношений ЕЦГ, А. Вишман, который и раньше бывал в СССР, по возвращении поделился своими впечатлениями. Он отметил, что в этот раз за богослужениями он видел больше молодежи и детей. Средний возраст присутствовавших в храмах он определил в 30—50 лет. 33

Омоложение состава верующих несомненно. В середине шестидесятых годов возрастной состав молящихся в храмах был значительно выше. Речь тогда шла, главным образом, о пожилых людях, хотя тоже отмечалось присутствие молодежи, но не в таком количестве как теперь. И в заключение настоящей главы невольно хочется привести еще один факт, который бы мог стать эпиграфом ко всему вышесказанному о современной верующей советской молодежи. Как рассказывает журнал «Наука и религия» 34 — когда нескольким верующим детям города Пинска был задан вопрос о чем они молятся, то от ученика 5-го класса Юрия К. последовал ответ:

«В своих молитвах я прошу Бога, чтобы Он мне дал силы бороться с теми, кто идет против Бога. Бороться нужно с ними не мечем, а Библией...»

Однако, не нужно думать, что верующая молодежь яв-

ляется единой по своему мировоззрению. Мы уже выше ознакомились со свидетельством советской печати о нестойкой в мировоззренческом отношении молодежи. Советская молодежь, вернее ее мыслящая элита, неоднородна по своему составу в отношении веры в Бога. Она может быть условно подразделена на несколько основных групп.

- 1) Верующая молодежь принадлежащая к Православной Церкви или к иным исповеданиям и религиям.
- 2) Верующая молодежь, формально не принадлежащая ни к одному исповеданию или религии, но признающая и абсолютно верящая в бытие Божие.
- 3) Молодежь, еще не пришедшая к вере, но дошедшая до отрицания официального коммунистического мировоззрения и находящаяся в периоде философских и религиозных поисков.
- 4) Неверующая молодежь, но лойяльно относящаяся к религии и разочаровавшаяся в материалистическом мировоззрении.
- 5) Равнодушная пока к мировоззренческим вопросам молодежь.

Далее идут различные группы неверующей мололежи, начиная с тех кто безразлично относится к антирелигиозной пропаганде и не становится энтузиастом богоборчества, кончая теми, кто активно поддерживает власть и в политическом и в мировоззренческом отношении. По свидетельству многих наших современников, количественно эти последние группы молодежи понемногу уменьшаются, что вызывает естественную тревогу власти.

Впрочем, как может современный атеизм увлечь молодежь, если он, даже в своих, если можно так выразиться, лучших и квалифицированных проявлениях спускается на уровень весьма неудачных анекдотов.

В статье «Милости просим в пятницу», «Учительская газета» ³⁵ рассказала об изумительном опыте атеистического воспитания, который осуществляет Клуб воинствующих атеистов (КВАТ) Ленинградского Пединститута им. Герцена. Действительно, есть на что обратить внимание; студенческий атеистический клуб при одном из лучших педвузов страны. Такова репутация Педагогического института им. Герцена в Ленинграде.

Как рассказывает газета, указанный клуб проводил атеистическое состязание между членами клуба на тему: «Умеешь ли ты критиковать Евангелие?». Понятен будет интерес многих к подобной теме.

Всем участникам указанного состязания прежде всего были заданы три нижеприводимых вопроса, на которые участники должны были ответить:

- 1) Каким образом в Нагорной проповеди Иисус Христос оклеветал птии?
- 2) Почему, если верить Евангелию, приходится утверждать, что Иисус Христос родился дважды?
- 3) Какой ущерб животноводству в Палестине нанес Иисус Христос одним своим чудом?

Едва ли надо об'яснять всю нелепость и убожество этих вопросов. Но легко можно понять, что мыслящая молодежь уходит от подобных примитивных атеистических «конструкций», понимая их непроходимую глупость и невежество.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Религиозный фронт... Это не только образное выражение, но это прежде всего реальность, реальность существующая уже свыше пятидесяти лет. И не религия и Церковь виноваты в том, что на просторах России свыше полустолетия идет религиозная война, война народа с властью за право верить в Бога. Виновником этой войны является коммунистическая власть, об'явившая с первых же дней своего существования религию своим врагом и последовательно ведущая борьбу за ее уничтожение. Борьба с религией за прошедшие пятьдесят с лишним лет, в различные хронологические периоды велась с различной интенсивностью, но она никогда не прекращалась и лишь временно вынужденно замерла во время Второй мировой войны и в ближайшие годы после нее. Ее методы, ее стратегия и тактика в различные периоды несколько менялись, но сущность оставалась все той же.

Коммунистическая диктатура утверждает, что борьба с религией логически вытекает из всей концепции построения коммунистического общества. Это, в известной степени, верно, но не является ни в какой мере абсолютом, что подтверждается рядом высказываний по данному вопросу, исходящих из руководящих кругов западных коммунистических партий, а также из тех предпосылок, которые клались в основу реформ, предполагавшихся в Чехословакии и прерванных советской интервенцией. Положение Церкви, например, в Польше, тоже свидетельствует, что советский вариант не является единственным.

Но если даже признать теоретическую позицию коммунистической диктатуры в СССР в этом вопросе с ее точки эрения обоснованной, то все же эта теоретическая обоснован-

ность, базирующаяся на т. н. «классиках марксизма», не является действительной причиной упорной богоборческой позиции советской власти. Действительная причина богоборчества советской диктатуры лежит в тех духовных основах, которые применяются во всей ее деятельности.

Эти духовные основы отрицательного потенциала ведут коммунистическую диктатуру по пути неуклонной борьбы за мировое политическое и духовное владычество, борьбы, ведущейся любыми путями, большей частью несовместимыми с основными принципами любой религии и, в первую очередь. сочетаемой с хроническим насилием над другими народами, строящими свою жизнь на иных принципах. Обесценение человеческой личности и жизни, насилие над ними, система устрашения и подавления индивидуальности людей, заключение людей в исправительно-трудовые лагеря с их ужасающим режимом, жесточайшая борьба с инакомыслием и с проявлениями даже проблесков свободы, насильственная унификация мышления, ограничение прав человека, граничащее с произволом и беззаконием, наконец, никем не забытое массовое истребление людей, все это и еще многое другое абсолютно несовместимо с религиозным гуманизмом, содержащимся почти во всякой современной религии. Именно здесь, в апофеозе насилия, доведенного до изощренных форм, насилия предельного, возведенного в своего рода культ, сочетаемый с претензиями на абсолютное духовное водительство, лежат действительные причины того сектантского пафоса богоборчества. который характерен для всех существующих коммунистических диктатур. Пафос насилия не терпит пафоса духовной свободы человеческого духа, свойственной и христианству и некоторым другим религиям.

Ибо, если говорить серьезно, то высказывания т. н. классиков марксизма по вопросу о религии, со ссылками на философов - материалистов, живших в XIX столетии и в более раннее время, научно настолько устарели, что сейчас ссылаться на них — это то же самое, как выйти на войну с вооружением, относящимся к началу или середине прошлого столетия. Современная наука настолько перевернула наши представления о действительности и о взаимоотношении науки и религии, что повторять сейчас прописные «истины» о религии в стиле Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — это означает сознательно оставаться на антинаучных позициях. Но дело здесь, понятно, не в науке, а совсем в другом, в том, о чем мы говорили выше.

87

Исступленное и непримиримое богоборчество, которое наблюдается в СССР, неизбежно, от времени до времени, вызывает вспышки особо острых гонений на религию. Гонения на религию перманентны в СССР, но уровень и интенсивность их различны в разные периоды. Гонения на религию, всяческое стремление подавить и уничтожить ее, привели, в конце концов, не к ликвидации религии, а, как теперь уже ясно видно, к ее усилению. И если внешние, количественные успехи религии нам не видны, ибо они скрываются и подавляются диктатурой, то зато прекрасно виден и реально ощутим ее духовный рост, ее духовное усиление, рост сопротивляемости недвусмысленным домогательствам власти. Богоборческая политика власти привела к тому, что по всей стране крепнет стихийное, массовое движение сопротивления антирелигиозной политике власти. Подробно об этом движении писалось неоднократно, что каждый раз вызывало соответствующую реакцию власти. 1 Поэтому, не останавливаясь на его подробной характеристике отметим лишь, что сейчас движение сопротивления вошло уже в ту стадию своего развития, когда его следы видны буквально везде, во всех проявлениях религиозной жизни в СССР. Оно пронизало насквозь все советское общество и его совершенно реально ощутимое присутствие видно и внизу и наверху советской иерархической системы.

Однако, не надо думать, что это народное движение строится на подобие какой то политической или церковнополитической организации. Никаких данных свидетельствующих об этом нет и едва ли они могут быть. Движение это чисто духовного порядка, носящее стихийный характер, сущность которого заключается в том, что верующие люди отстаивают свои права и борются с властью против всякого ущемления религии. При этом речь идет, конечно, о борьбе чисто духовной, борьбе идеологической, не притязающей ни на какие иные цели, остающейся в рамках духовного диалога с безбожием и отстаивании своих прав, постоянно нарушаемых властью. Речь идет и о борьбе против тех недопустимых, часто замаскированных, актов со стороны власти, направленных против верующих людей. А такие акты повторяются очень часто. Достаточно напомнить хотя бы тот общесоюзный факт, что по почину рабочих Московского автозавода имени Ленинского комсомола, в 1971 году Всесоюзный коммунистический субботник в связи с новой пятилеткой был назначен на 17 апреля, т. е. на Великую Субботу. Другими словами, верующие, почитающие этот день и подготовляющиеся к встрече

Пасхи, вместо свободного дня получили принудительный бесплатный рабочий день. Едва ли кто нибудь поверит, что эта «инициатива» рабочих московского завода случайно совпала в своем практическом осуществлении с кануном православной Пасхи. А если такая случайность и имела место, то всякая уважающая себя и свой народ власть, несомненно перенесла бы это мероприятие на любую другую субботу, чтобы не мешать по крайней мере трети своего населения нормально встретить Великий праздник. И понятно, что такие действия власти вызывают соответствующую реакцию, реакцию защиты против подобных актов.

Представители советской коммунистической диктатуры приходят в ярость и растерянность, когда слышат о религиозном движении сопротивления в СССР и особенно, когда они читают о нем в книгах выходящих на Западе. Они отрицают наличие подобного движения и утверждают, что все разговоры о таком движении — выдумки заграничных провокаторов, старающихся разрушить существующую идиллию во взаимоотношениях власти и верующих в СССР. Достаточно привести несколько примеров, чтобы ясно увидеть отношение диктатуры к этому вопросу. Вот, например, что пишется в СССР по поводу книг, в которых говорится об этом движении.

«Используя религию и церковь в психологической войне против СССР и социалистических государств, современный антикоммунизм делает ставку на различные экстремистские элементы, нет-нет, да и дающие о себе знать в нашей стране. Расчет тут простой: разжечь у верующих религиозный фанатизм, вызвать у них недовольство существующими в социалистических странах законами о положении религиозных обществ и организаций, выставить экстремистов в качестве героев и мучеников, требующих подражания, настроить общественное мнение в зарубежных государствах против СССР». 2 (Выделено нами, Д. К.).

Весьма характерно, что в этой цитате, ее авторы признают, во-первых, наличие, т. н. экстремистских элементов на религиозном фронте в СССР, т. е. людей или групп, сопротивляющихся религиозной политике власти, а, во-вторых, косвенно признают наличие недовольства среди верующих существующими советскими законами о культах. На страницах советских изданий признается наличие «экстремистов» в области религиозной жизни страны и какой то борьбы, о которой говорится весьма туманно. «Отдельные выступления религи-

озных экстремистов буржуазная пропаганда пытается представить как массовое религиозное движение сопротивления в СССР. Так, протоиерей Д. Константинов в книге «Религиозное движение сопротивления в СССР» пишет, что «Открытое письмо» патриарху Алексию свидетельствует, что движение религиозного сопротивления внутри русской православной церкви достигло значительного уровня.» 3

Эти высказывания советской печати не единичны, их можно было бы привести гораздо больше. Они интересны нам с той точки зрения, что диктатура, в лице своих соответствующих представителей, ни в коем случае не хочет признать официально существование подобного движения, но говориго нем в замаскированной форме, как это имеет место в приведенных выше двух отрывках.

Повидимому, в связи с указаниями ЦК КПСС, данными им по поводу необходимости усиления атеистического воспитания населения, в начале 1972 года советская печать повела опять усиленную атаку и на западных специалистов, изучающих вопрос о положении религии в СССР. Советские газеты утверждали, что на Западе создано целое направление в советологии, которое, якобы, ведет борьбу против социализма с позиции религии и церкви. Московское издательство «Мысль» выпустило в 1971 году книгу Э. И. Лисавцева, специально посвященную критике «буржуазной фальсификации» положения религии в СССР.

на фронте борьбы

От времени до времени, сама советская печать рассказывает на своих страницах такие факты, которые сводят на нет ее отрицания наличия подобного движения. Ибо в ней сообщаются данные, прямо свидетельствующие о том, что религиозное движение сопротивления в СССР реально существует.

Не так давно, на страницах советской печати была опубликована статья некоего А. Маслякова — «За стенами святой обители». 4

В Вильнюсе (Вильно) имеется Свято-Духовский монастырь. Он открыт, в нем имеются действующие храмы и некоторое количество насельников. Именно этой обители и посвящена статья Маслякова. Из статьи видно, что в обители подвизается весьма не понравившийся ему иеродиакон о. Стратоник. При этом Масляков утверждает, что о. Стратоник «ведет службу» в монастырском храме, причем пишет об этом так, 90

точно иеродиакон может совершать службу один без священника. До сих пор советские антирелигиозники не знают таких элементарных вещей, как то, что иеродиакон не может совершать службу самостоятельно, без священника.

Чем же не понравился Маслякову о. Стратоник? А тем, что он, по выражению Маслякова, занимается «идеологической диверсией». Что же понимает под «идеологической диверсией» Масляков?

Оказывается, отеп Стратоник связан с супругами Титовыми. Супруги Титовы, Елена и Юрий, люди в Советском Союзе не вполне обычные. Юрий — художник, но занимается он исключительно церковным искусством. Титовы часто путешествуют по стране, вернее едут туда, куда их зовут. Дело в том, что Ю. Титов посвятил себя писанию икон и их реставрации. Титов расписывает храмы, пишет иконы, занимается реставрацией икон и стенной живописи храмов. Он путешествует с женой по многим местам страны, останавливаясь там, где нуждаются в его услугах. Советская газета, опубликовавшая статью Маслякова, приходит в негодование от подобного образа жизни Титовых и пишет о том, что Титов, якобы, гоняется за «длинным рублем».

Но главное заключается все же не в этом. Оказывается, как доносит Масляков, в багаже Титовых имеются машинописные рукописи зарубежных религиозных и философских изданий, в частности, некоторые работы Н. Бердяева. Причем Масляков дополняет свои показания — не просто копии, а целые пачки копий. Но Титовы работают в этом направлении не одни. Их ближайшим помощником и явился отец Стратоник, который создал в своей келье целый склад нелегальных, запрещенных религиозных изданий.

Больше того, с тех пор как появилась в келье о. Стратоника «крамольная литература», в ней стали собираться представители вильнюской интеллигенции; в частности, в ней были замечены преподаватели местных школ. Можно совершенно легко предположить, что в келье о. Стратоника собирались представители местной интеллигенции, интересовавшиеся имеющейся у него литературой и, возможно, вместе обсуждавшие те или иные ее положения.

Исходя из этих, в общем очень скупых, фактов, Масляков чуть ли не бьется в истерике от нависшей грозной опасности в виде нелегальной религиозной и философской литературы. Но несомненно также и то, что описанные выше факты свиде-

тельствуют о духовном сопротивлении власти в виде распространения нелегальной литературы.

Для нас эти факты весьма ценны, ибо еще раз подтверждают наличие сопротивления верующих богоборческой политике власти, стремления всевозможными путями вести в тех или иных формах миссионерскую деятельность и ставить по новому мировоззренческие вопросы.

Но если говорить о распространении в СССР религиозной литературы, то надо сразу же подчеркнуть, что в стране распространяется не только литература, попадающая теми или иными путями с Запада. Внутри Советского Союза, в плане борьбы с богоборчеством власти и в целях развития миссионерства, в данное время издается немало всякого рода религиозной литературы, издается нелегально, под угрозой преследования со стороны органов диктатуры. В этом отношении несомненный интерес представляют информации, попавшие в свободный мир, о создании евангельскими христианами-баптистами нелегальных типографий для печатания религиозной литературы. По имеющимся сведениям, сейчас у евангельских христиан - баптистов в разных местах Советского Союза работает несколько небольших типографий. 5 Нет никакого сомнения в том, что если эта акция сопротивления получит свое развитие, то типографский религиозный самиздат распространится и на другие исповедания и религии в СССР.

Весьма характерно то, что написано в Обращении баптистского издательства «Христианин» и в Заявлении на имя Косыгина. В Заявлении на имя Косыгина написано, что антирелигиозная политика власти поставила авторов перед необходимостью самим, без помощи государственных учреждений, приступить к разработке метода и конструированию машин для печатания необходимой духовной литературы. При этом отмечается, что эти усилия увенчались успехом. Авторы Заявления просят власть не чинить препятствия в отношении их работы, обещая со своей стороны ничего не печатать, кроме чисто духовной литературы. Указанное Заявление подписано «Издательство Христианин». Издательство просит считать литературу им издаваемую — легальной и не чинить препятствий в его дальнейшей деятельности. Заявление имеет следующую весьма характерную приписку.

«Мы не можем дать Вам своих подписей, так как ответов от органов власти мы никогда не получали, а подписи исполь-

зуются лишь для преследования заявителей. До настоящего времени всякая попытка легализации начинается подачей списков, а кончается репрессиями согласно списка». Чем кончится эта своеобразная попытка легализировать нелегальное — покажет будущее, но, что приведенные факты свидетельствуют о развитии движения сопротивления, совершенно несомненно.

Борьба идет не только на «литературном фронте». Она идет во всех областях религиозной жизни страны, принимая иногда совершенно своеобразные и причудливые формы.

В связи с этим, нельзя пройти мимо и не напомнить о довольно известной истории «Женщины в черном», о которой писала в свое время советская печать. 6 Речь шла о Валентине Внуковой из поселка Белые Воды (Чикментской области). В. Внукова посвятила себя активной деятельности в нелегальной церкви и активной защите религии от посягательства власти. Она взяла также на себя обязанность рассылки писем. направленных на защиту веры в СССР и она же взяла на себя хлопоты по осуществлению своей давней мечты — открытию настоящей легальной церкви в Белых Водах. Внукова проявила подлинный героизм, необычайную активность, настойчивость и упорство в достижении своих целей. Ее действия направлялись духовной энергией, именуемой верой, и она смело вмешивалась в жизнь, стремясь ее изменить в желательном для нее направлении. Это явное сопротивление антирелигиозной политике власти не прошло не замеченным. Валентина Внукова была репрессирована, ее деятельность была властью пресечена, но ее активность нашла отклик у миллионов верующих людей, вступивших на ее место в движении сопротивления.

Чтобы яснее понять, что происходит на религиозном фронте в СССР и как борется народ против богоборчества власти, мы приведем два отрывка из советской печати, один, описывающий нам деревенскую церковь во время богослужения, а второй, рассказывающий нам против своей воли, как борется народ с воинствующим государственным атеизмом. Оба отрывка относятся к одному и тому же селу.

«Так вот они где — люди. На фоне икон и горящих лампад — добрые две сотни белых женских платков. Непокрытых мужских голов мало и почти все седые. Но иногда глаз останавливается на смолистых и густо-русых шевелюрах. Да и женщины, лица которых я могу рассмотреть со своего места у двери, — отнюдь не старухи. Многие в том возрасте, который ныне вершит хозяйство на селе. Сорока-пятидесятилетние, они и доярки, и огородники, и разнорабочие... Они же и матери тех ребятишек, которых в это уже не раннее утро давно пора отправить в школу».

А вот и второй отрывок:

- «Днем я встречаюсь с заведующим Домом культуры, Владимиром Ивановичем Безносиковым. Показывает мне свое хозяйство не без гордости. Деревянный, двухэтажный, нестандартной архитектуры дом, свежевыкрашенный и отремонтированный, с улицы смотрится нарядной игрушкой. Внутри поражает изобилие всяческих плакатов, стендов, фотографий. Владимир Иванович неплохо рисует и наглядная агитация пред ставлена здесь богато: от призыва бороться с браконьерами до плаката, разоблачающего алчность и хитрость попов.
- Все у нас есть, шепчет Безносиков, и зал, и кино, и набор инструментов. А вот люди почти не ходят. Скучно... А что я могу сделать, если у меня ни баяниста, ни художественного руководителя. Сколько ни прошу не дают... А ведь церковь у нас. Это же понять надо...
- О баянисте и художественном руководителе Владимир Иванович говорит долго и убедительно. Пока неожиданно не спотыкается о другую мысль.
- Что ни говори, а народ избаловался. Из самой Москвы лектор приезжал. А все равно не идут. Беседа была о химии разве не интересно? А я все село избегал, пока человек пятьдесят собрал. Из уважения ко мне пришли. Четыре лекции в апреле провели каждый раз хоть плачь.
 - Какие же лекции?
- О химии раз. Об атомной энергии два. О соревновании животноводов вечер три. О гражданской обороне четыре. Разве не интересно?

И снова:

— **А к попу идут.** И кошолки прямо на дом носят. И тротуарчик почище, чем в избах, выскребли. Артист он настоящий. И голос, и вид. И опять же хор у него...

Хор в церкви слабенький: пять-шесть дребезжащих голосов. Владимир Иванович это знает. Но ему-то нужен хор, но никак не подыщут художественного руководителя! А церковный хор в споре с райотделом культуры, который никак не найдет культурника, и впрямь аргумент.» (Выделено нами, Д. К.). 7

Можно, конечно, по разному расценивать все приведенное в этом отрывке из центрального антирелигиозного журнала. Но нельзя не отметить, — сам того не желая, журнал нарисовал типичную картину того, что мы называем народным сопротивлением богоборческой политике власти. Возможно, некоторые скажут, что описанное просто случайность, связанная с местными неполадками. Но когда подобного рода случайности в самых невероятных и разнообразных вариантах повторяются во всех уголках страны и находят свое отражение на страницах советской печати, то едва ли будет правильным считать все происходящее не характерным для данного периода. Думается, мы не ошибемся, если скажем, что все приведенное подтверждает наши выводы о развитии религиозного стихийного движения сопротивления, исходящего из народных глубин. Ведь даже простой бойкот тех или иных антирелигиозных мероприятий власти является, по сути дела, формой сопротивления.

В стране несомненно имеется фронт борьбы религии с атеизмом. Этот фронт видимый и одновременно невидимый, ибо многое из того, что на нем происходит не всегда бывает видно. Фронт борьбы, иногда имеющий совершенно ясно заметные позиции и, одновременно, фронт на отдельных своих участках не имеющий ясно выраженной линии борьбы, наподобие партизанщины, изнуряющей власть. Фронт, охватывающий верующих и атеистов, втягивающий в ведущуюся, не об'явленную официально, но фактически идушую религиозную войну, почти все слои населения, в том числе и людей безрелигиозных. Фронт, борьба на котором неизбежно, от времени до времени, перекидывается и на другие стороны жизни страны.

В связи с этим весьма характерна программа Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа, последний процесс участников которого происходил весной 1968 г. в Ленинграде. В ней имеется пункт, в соответствии с которым в системе управления государством должен иметься контрольный орган — Собор, состоящий из представителей духовенства, и обладающий правом «вето» по отношению к главе государства и парламенту. Не вдаваясь в оценку подобного варианта по существу, отметим лишь, что он является несомненной реакцией на активную антицерковную позицию власти. Не было бы в стране активного государственного богоборчества, вероятно, не было бы и подобных пунктов в политических программах.

В стране имеется фронт, фронт духовной войны, но при этом одна сторона — религия, вооружена только духовно, а вторая — атеистическое государство, вооружена и физически и, при своих перманентных неудачах на религиозном фронте, постоянно обрушивается на своего противника всей силой государственного аппарата насилия и принуждения. Другого способа борьбы у власти нет. Духовное убожество атеистической пропаганды разительно именно в наше время, и ничего, поэтому, кроме постоянного поражения она получить и не может.

Фронт борьбы... Борьбы жестокой, грубой, коварной со стороны представителей атеистического государства, но одновременно безнадежной и непродуманной, ибо не дано им познать то, с чем они борятся. Они изучают религию и думают, что они понимают ее, понимают с чем борятся, но это роковая и необратимая ошибка советского атеизма. Им не дано познать глубинную духовную сущность своего противника, они не подымаются выше обобщений рационалистического душевного порядка и поэтому, по существу, бессильны.

Фронт борьбы... Борьбы радостной для верующих, защищающих свое святое святых от покушений извне, борьбы одушевленной верой в Того, Кто создал свою Церковь, борьбы духовно победоносной, ибо не может быть иной такая борьба. И это, до известной степени, начинает понимать коекто и из деятелей воинствующего атеизма.

Один из делегатов Всесоюзного с'езда учителей, происходившего в Москве в июле 1968 г., директор Павлышской средней школы (Кировоградской области), В. А. Сухомлинский, заявил следующее:

«Религию нельзя победить одним махом. Здесь возможен только путь длительного, терпеливого переубеждения. Имея это в виду, мы готовим и из молодежи активных борцов с религией.

...Мы в своей работе прежде всего стараемся преодолеть некий психологический "барьер", невосприимчивость верующих детей к атеистической пропаганде». 8 «Мах» уже длится более полустолетия. Но невосприимчивость верующих детей и молодежи к атеизму — это уже чисто духовный фактор, выходящий за пределы возможностей советского атеизма. В тот момент, когда начинают действовать факторы духовноглубинного порядка, атеизм останавливается перед ними ничего не понимая.

На религиозном фронте продолжаются тяжелые и изну-

рительные бои, но бои не за будущее релитии, а за будущее советского атеизма. Речь сейчас уже идет не о том — есть ли будущее у религии в СССР, а о том, что будущее советского атеизма поставлено под угрозу ходом развития духовной жизни страны. Советская печать продолжает писать об умирании и постепенном исчезновении религии в недалеком будущем, но эти официальные заклинания находятся в несомненном противоречии с тем, что к этому вынуждены добавлять те, кто ведает религиозной жизнью страны.

Два основных фактора в религиозной жизни рассматриваются властью, как несомненная угроза на путях т. н. преодоления религии.

1) религиозное движение сопротивления, о котором мы пишем в этой главе и 2) неразрывно сейчас связываемая с первым — борьба представителей этого движения за право религиозного просвещения детей и молодежи. Если раньше мы рассматривали религиозное движение сопротивления целом, то сейчас, на данном этапе, в нем особо выделяется сопротивление власти в отношении религиозного просвещения молодого поколения, о котором мы писали в предыдущей главе. Сейчас власть борьбу с религией и с движением сопротивления концентрирует, в первую очередь, вокруг данного вопроса. Власть все свои силы бросает на подавление движесопротивления и на запрет религиозного просвещения молодежи. Но власть понимает сейчас, что смять и уничтожить первое мерами идеологического и административного характера она не может, ибо духовная жизнь людей ей, все-же, не подвластна. Она боится сейчас этого растущего движения, последнее совершенно реально сказалось на Поместном соборе РПЦ, созванном для выборов нового патриарха. Выборов, фактически, никаких не было, ибо власть боялась усложнений, связанных с религиозным движением сопротивления в РПЦ.

Власть уделяет весьма много внимания движению т. н. «инициативников», среди баптистов, являющемуся ярким примером сопротивления богоборческой политике диктатуры. И надо полагать далеко не случайно на страницах центральной советской печати в всплыло имя баптиста инициативника Храпова, которого осудили за нарушение законов о религиозных культах. Храпов заявил советскому суду, что он, являясь служителем церкви, неподсуден суду безбожников. На этом основании он сделал отвод суду. Храпов при этом заявил, что свое назначение в жизни он видит в неуклонном исполнении

воли Божией, а не воли человеческой. Можно понять беспокойство власти, при наличии в стране людей безбоязненно выступающих против судебного аппарата насилия, не боясь никаких последствий. Газета воздерживается от особых ругательств по адресу Храпова, но не без основания отмечает при этом «специфичность правосознания верующего человека», резко отличающегося от правосознания нерелигиозных людей.

Случай с Храповым, да теко не единичный в наше время, был отмечен в «Известиях» статьей И. Бражника, под названием «Истина против мистики». Судя по этой статье, случаю с Храповым было придано совершенно особое значение. Три пункта статьи Бражника явно обращают на себя внимание и из под покрывала пропагандной трескотни, обычной для советской печати, показывают истинные мотивы этого газетного спектакля. Все эти три пункта мы приводим дословно из статьи Бражника.

- 1) «Религия не просто декларирует свои принципы, свою систему ценностей она разными средствами утверждает их в сознании людей, превращая абстрактные нормы в конкретные мотивы поведения, в руководство к действию».
- 2) «Любая церковная организация имеет свои средства давления на людей, свои атрибуты принуждения».
- 3) «Закон запрещает церкви вторгаться во все области жизни советских людей, регулируемые социалистическим государством» (Выделено нами Д. К.).

Каждый прочитавший эти высказывания Бражника невольно задаст себе вопрос — какими мотивами можно руководствоваться, чтобы написать подобное? Ведь написаны совершенно определенные вещи, до сих пор, насколько нам известно, никогда так открыто не декларировавшиеся на страницах центральной советской печати. И прямо высказаны совершенно определенные мысли. Религия превратилась в руководство к действию, очевидно, для многих советских людей, ибо иначе об этом нечего было и писать. Религия обладает в стране определенными возможностями воздействовать на людей и также, очевидно, в довольно больших масштабах. Религия начала вторжение во все области жизни советских людей.

Судя по статье Бражника, религия, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, искусственно создаваемые властью, ведет длительное небезуспешное наступление на атеизм, в результате которого она завоевала ряд новых позиций, а сама будущность атеизма поставлена под известную угрозу.

Мы отметили выше, что случай с баптистом Храповым —

далеко не единичен в наше время и, чтобы не быть голословными, приведем ниже несколько примеров из недавнего прошлого, отнюдь не исчерпывающих все известные в данное время факты аналогичного порядка.

В советской печати весной 1969 г. сообщалось о судебном разбирательстве по делу актива пятидесятников, обвиненных в нелегальных молитвенных собраниях и в привлечении на них несовершеннолетних, которые составляли более 20% участников этих собраний. Приговоры — от 2-х до 5 лет лишения свободы. 10

Летом 1969 г. в Рязани слушалось дело по обвинению пяти человек, членов баптистской общины. Группа обвинялась в организации нелегальной общины «инициативников». 11

В сентябре 1969 г. в гор. Моздок (Северо-Осетинская АССР) происходил суд над домовладелицей Червяковой, обвинявшейся в предоставлении своего жилья для молитвенных собраний и обучения религии несовершеннолетних. 12

В 1968 г. готовился судебный процесс против б. послушницы православного монастыря Пелагеи (П. А. Терениной), старшей акушерки ташкентского родильного дома № 6, бывшей на хорошем счету у администрации, А. Барбиной и совсем еще молодой К. Христофоровой, по обвинению их в принадлежности к «истинно-православной церкви». ¹³

Упоминая об «инициативниках», мы должны будем отметить, что их деятельность в СССР усиленно развивается. Более того, как видно из недавнего Юбилейного послания Совета Церквей, преследования против них, как и все гонения, приносят несомненные духовные плоды. Приводим отрывок из Ежемесячного обзора «Религия и атеизм», издаваемого в Мюнхене. 14

«Наблюдается общее воодушевление верующих; часты обращения молодежи и выход ее на служение Церкви; разогнанные общины возобновляют молитвенные собрания. За истекшие десять лет «инициативниками» пожертвовано для помощи заключенным собратьям и их семьям и на общее дело Церкви около двух с половиной миллионов рублей. Когда государственная власть отказала Совету Церквей в напечатании 10.000 Библий и 5.000 сборников духовных песен, его братство создало подпольное издательство. Оно уже дало верующим свыше 40.000 Евангелий, сборников песен и другой религиозной литературы (утомянутое Юбилейное послание, в отличие от предыдущих публикаций Совета Церквей, напечатано типографским способом)».

Главные конкретные обвинения против инициативников, упоминаемые советской печатью, сводятся к тому, что инициативники имеют подпольные типографии, печатающие духовную литературу, получают религиозную литературу из заграницы, создали активные молодежные группы и организовали сеть подпольных школ для обучения детей религии.

В начале 1972 г. советская печать обрушилась на баптистов-инициативников, обвиняя их в оппозиционном отношении к государству и советскому обществу, а также в том, что инициативники выполняют и признают только те законы госукоторые не противоречат Евангелию. Отмечается также стремление инициативников к евангелизации населения СССР и стремление религиозно просвещать молодежь. Факт появления одной и той же статьи об инициативниках в ряде советских газет, свидетельствовал, что на религиозном фронте власть делает попытку разгромить эту религиозную группировку. О преследованиях властью инициативников отличное представление дают документы, исходящие от этой группы верующих и опубликованные на Западе. Мы имеем в виду Обращение к генеральному секретарю КПСС Л. И. Брежневу «от Совета родственников узников ЕХБ, осужденных за Слово Божие в СССР», «Новые узники за дело Евангелия» и «Преследование председателя Совета Церквей ЕХБ, Крючкова. Г. К.» 15

Формы сопротивления богоборческой политике власти невероятно разнообразны. Одна из провинциальных газет в 1970 г. сообщила о следующем факте. В семье С. произошел семейный конфликт. Муж — член партии, неверующий, жена верующая. На этой почве супруги разошлись. Дети по формальным соображениям остались у матери. В связи с тем, что мать стремилась привить детям религиозность, муж через партийные инстанции ходатайствовал о передаче детей ему, для того, чтобы он мог дать им соответствующее советское безрелигиозное воспитание. Несмотря на все его хлопоты, подкрепленные соответствующими связями и возможностями, его ходатайство не было поддержано официальными инстанциями, что вызвало возмущение советской газеты. Матери несомненно кто-то помогал на «верхах».

Можно привести еще одну из многочисленных форм давления верующих на диктатуру. Это письма верующих в редакпии советских газет и журналов, в которых верующие высказывают совершенно открыто и безбоязненно вещи не особенно приятные для власти и также открыто исповедуют свою 100 веру, свидетельствуя, что на религиозном фронте период страха перед властью закончился.

письма верующих

Центральный антирелигиозный журнал «Наука и религия» довольно часто публикует письма своих читателей на самые разнообразные темы, связанные с мировоззренческими вопросами. Журнал целиком посвящен вопросам религии, рассматриваемым с точки зрения воинствующего атеизма. В такой журнал будут писать и атеисты и верующие. И было бы в высшей степени странным и досадным для журнала, если бы в его редакцию приходили письма только от атеистов. Это означало бы, что верующих этот журнал никак не затрагивает, а следовательно, почти вся его антирелигиозная пропаганда не достигает основной цели, ибо журнал, конечно, расчитан не только на антирелигиозные кадры (повышение квалификации и методическая помощь), но и на верующих, о чем свидетельствуют само содержание журнала, а также те дискуссии, которые ведутся с верующими на его страницах.

Поэтому, волей неволей, наряду с письмами единомышленников, приходится помещать и письма верующих, тщательпо отбирая из них наименее неприятные для редакции. Нас в данном случае интересуют письма верующих читателей, опубликованные в последнее время, ибо они являются несомненным доказательством того, что на религиозном фронте произошли значительные сдвиги не в пользу атеизма. Письма верующих читателей в редакцию журнала, равно как и в редакции других журналов и газет отличаются отсутствием чувства страха перед властью. Они являются показательными, ибо по ним можно видеть изменение психологии верующих людей, открытый переход их в наступательное сопротивление государственному атеизму. Они весьма характерны для данного времени определенностью суждений по религиозным вопросам. Они важны не только для людей, интересующихся положением религии в СССР, но и для любого советолога, ибо именно письма верующих людей особенно характерны увеличением безбоязненности и дерзаний в смысле исповедания своей веры.

В 1970 г. на страницах журнала «Наука и религия» 16 было помещено письмо верующего, Виктора Н., о котором впоследствии упоминалось в печати. Виктор в своем письме утверждал, что без веры в Бога невозможно нормально жить, мыслить, работать. Письмо Виктора получило ряд откликов, как атеистических, так и от верующих людей. Среди писем

верующих есть и такие, мимо которых по существу нельзя пройти. Нельзя, потому что они являются образцами безбоязненного исповедничества, смелости, убежденности. В них пишутся такие вещи, которые до сих пор не писались.

В этом отношении большой интерес представляет письмо верующей В. Беловой, опубликованное в том же журнале. ¹⁷ Приводим его полностью.

«Дорогая редакция!

Я решила написать небольшое письмо. Вот недавно я читала в вашем журнале письмо молодого верующего, в котором он доказывает, что от верования нет вреда ни обществу, ни людям. Очень прискорбно, что у нас отвергается вера. А интересовался ли кто-нибудь, почему люди вынуждены верить и ходить в церковь? В этом же письме говорится о добре и зле. Я открою вам тайну этого добра и зла.

Я молодая женщина, мать троих детей. Десять лет я была между жизнью и смертью, об'ехала все больницы. Признавали рак и глаукому. Из-за моей болезни ушел муж.

Меня спасла церковь. Вам следовало бы знать, какая сила в причащении. Я вынуждена ходить в церковь, чтобы не умереть и не осиротить детей. И многие верующие ходят в церковь поэтому и вот об этом никто не знает, и, значит, добро преследуется, а зло нет. Я хожу в церковь — и я плохой человек для общества, а люди, делающие зло, не ходят и их не наказывают.

Это подлинная история. Прошу письмо напечатать в журнале.

С уважением В. Белова. Казань.»

Мы выделили в тексте наиболее интересные места этого письма, на которые следует обратить внимание. В. Белова, очевидно, женщина недостаточно интеллигентная, о чем свидетельствуют некоторые неудачные выражения ее письма, сохраненные при опубликовании. Но такие выражения, как «вынуждены кодить в церковь, признавали рак...» и т. п., свидетельствуют лишь о недостаточной квалификации автора письма и ни о чем другом. В письме смело, резко и совершенно откровенно высказана мысль: современные советские атеисты гонят добро и помогают злу. С редкой убежденностью Белова свидетельствовала перед всем советским атеизмом о величайшей силе Св. Причастия и не только свидетельствовала, но и добавила, что атеистам об этом следовало бы знать. Такого еще нам не приходилось читать на страницах советских изданий.

Исповедание веры, какой бы она ни была, прорывается уже сейчас с закономерной неизбежностью на свет Божий.

Но Белова не одинока. Из города Сморгонь (БССР) в редакцию журнала пишет Нина Трифонович. 18

«Виктор Н. пишет, что он носил крест и над ним за это смеялись. Надо мной также смеются люди, не верящие в Бога. Таких людей много. Они заблуждаются в своей жизни. Я хожу в церковь и имею в душе Бога...»

Так пишет в атеистический журнал верующая женщина, открыто обличающая атеизм в мировоззренческом заблуждении. В своем безыскусственном, но искреннем письме, она посвоему пытается сказать откровенно то, что наболело у ней в душе.

Но не только люди неискушенные в науке пытаются говорить о заблуждениях советского атеизма. До нас доходят голоса верующих интеллигентов, говорящих атеизму то же самое, что писали Белова и Трифонович. В редакцию «Науки и религии» обратился верующий К. Зильбертс (гор. Дебеле, Латвийская ССР), который в иных выражениях и в иной форме обличает атеизм. 19

«Истина одна, но путь познания истины весьма сложен и тернист. Истина никогда не бывает односторонней и ее невозможно познать, смотря лишь с материальной точки зрения и отрицая духовную. Атеисты ограничиваются материальной односторонностью и отрицают духовный мир лишь потому, что наука его не познала... Люди придерживающиеся атеизма причиняют сами себе вред и великую потерю ничем незаменимых моральных ценностей.»

Можно, конечно, продолжать цитаты из писем верующих, направленных в редакцию центрального атеистического журнала. Можно привести соответствующие выдержки из высказываний представителей редакции по данным вопросам. Но едва ли это будет целесообразным. Приведенные выше отрывки из писем верующих говорят нам гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Они свидетельствуют, что власть буквально завязла в религиозной войне, ведущейся ею по всей стране и, несмотря на все свои усилия, она не может ни при каких условиях оказаться победителем.

Французская газета «Франс суар» в декабре 1970 г. написала следующее:

«Именно из коммунистической страны доходит до нас свет, к которому нельзя оставаться равнодушным, если верить, вопреки всему, нашей духовной жизни. Святость существует. Она жива там, в советской России, горя тем светом, от которого зарождаются новые цивилизации...» 20

Ко всему сказанному, мы приведем еще отрывок из одного письма в журнал «Наука и религия»:

«Можно, конечно, разрушить в человеке все религиозные представления вероучения, но нельзя убить главного: стремления к вере, надежде, молитве. Молитва, как и песня, неубиенна, никакие райские сладости земной жизни никогда не избавят мир полностью от утешения, даваемого нам верой (выделено нами, Д.К.), человек вечно будет стремиться к нравственному очищению посредством молитвы, к тайной исповеди перед Богом... И здесь все идеологические орудия бессильны». 21

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1971 ГОДА

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

В свете всего сказанного в предыдущих главах и, в особенности, учитывая наличие в РПЦ крепнущей церковной оппозиции к современному церковно-политическому курсу Московской патриархии, мы бегло коснемся современной политики Московской патриархии и тех главных общецерковных событий, которые произошли за последние годы.

В своих работах мы неоднократно останавливались на церковно-политическом курсе Московской патриархии, давая ему, с нашей точки зрения, об'ективную оценку. Поэтому, не затрагивая всех подробностей этого вопроса, отметим лишь, что Московская патриархия, в продолжении всего описанного нами в этой книге периода, продолжала идти путем неуклонной и преувеличенной лояльности к власти, проявляя эту лояльность в ущерб церковной жизни. В этом отношении любопытный пример был приведен в печати в связи со стремлением верующих города Нарофоминска открыть церковь, в чем им все время отказывают. Судя по опубликованным материалам, верующие обратились в Московскую патриархию (в начале 1971 г.) и там они тоже не нашли поддержки, 2 это мотивировалось позицией занятой светской властью.

Оставляя в стороне подобного рода детали, как являющиеся частностями общей политики высшего церковного управления в СССР, приведем лишь одно общее соображение, которое, с нашей точки зрения, является решающе принципиальным в этом вопросе.

Концепция Московской патриархии, стоящей на позиции абсолютной лояльности к власти, поддерживаемая и религиозно-осмысливаемая ее достаточно многочисленными сторонниками, имеет в своей основе органический порок. Строитель-

ство нового общества и новых общественных отношений, строительство нового строя, обошлось стране во многие десятки миллионов жертв. Подсчеты статистиков в этом отношении таковы, что их не хочется даже приводить на страницах книги, посвященной Церкви. За полвека существования нового строя, страна буквально вся пропиталась кровью замученных, расстрелянных, уморенных в концлагерях и тюрьмах, погибших на войне, велшейся совершенно варварскими способами. Короче говоря, если бы даже советская власть сумела создать подлинный рай на земле, то этот рай не имел бы морального права на свое существование в силу той непомерной цены, выраженной в погибших, искусственно прерванных человеческих жизнях, в которую он обощелся. Но нет даже и этого, ибо коммунистическая диктатура никакого рая не создала, а то что она дала не стоит тех затрат человеческих жизней и страданий, на основе которых создан т. н. новый строй. И Церковь, в лице своих представителей, не может не понимать этого и освящать то, что, с ее точки зрения, является величайшим грехом и преступлением.

В этом органический порок «реалистической» политики лояльности Московской патриархии, не говоря уже о противоестественности союза с богоборческой властью, ведущей политику разрушения и уничтожения Церкви. Возражения сторонников Московской патриархии, сводящиеся к тому, что благодаря этой политике РПЦ все же как-то существует в СССГ и религиозность в стране, во всяком случае, не уменьшается, а даже растет, несомненно заслуживают внимания в чисто практическом плане. Это действительно так, но тот колоссальный разрыв, который создается между практикой и религиозным осмысливанием происходящего, таков, что весьма трудно соединить концы этого разрыва. Мы стоим перед безысходным противоречием, противоречием трагическим, которое нельзя разрешить ни огульным осуждением, ни огульным одобрением происходящего, ни дипломатическим лавированием в плане «реалистической церковной политики», служащей больше человеческим страстям, чем исполнению правды Божией на земле.

Именно это противоречие, о котором мы здесь пишем, не дает возможности принимать всерьез заявления представителей Московской патриархии, что мы их не понимаем, так как в СССР слагается не только новый строй, но и новые отношения между церковью и государством, о которых у нас неправильные представления. Мы отдаем себе отчет в этих новых

отношениях, которые можно охарактеризовать, как абсолютную и безнадежную плененность Церкви и ее выси его перковного управления. И если можно признать за нормальное явление такой факт, как обращение патриарха Пимена к главе советского правительства, ибо РПЦ существует в определенных условиях, при определенном политическом режиме, то выражение им сердечной благодарности «за Ваше неизменное благожелательное отношение к нуждам Русской Православной Церкви» звучит более, чем странно, если учесть то реальное положение, в котором находится РПЦ в СССР. 3

Такова обстановка в смысле направления деятельности Московской патриархии за последние годы.

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР РПЦ 1971 года

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви в СССР заседал с 30 мая по 1 июня 1971 года в Тронпе-Сергиевской Лавре.

Хотя программа Собора и включала ряд вопросов подлежащих рассмотрению, но центральным из них являлись выборы нового патриарха. Именно эти выборы весьма близко интересовали всех верующих принадлежащих к РПЦ. Выборы нового патриарха привлекли внимание и различных кругов западного мира, в первую очередь церковных. Совершенно определенные устремления в данном вопросе имела, понятно, Московская патриархия со всеми приверженцами ее церковнополитического курса. Известное влияние на выборы стремилась оказать и внутрицерковная оппозиция, что в какой-то степени даже и удалось. Наконец, не меньший интерес к выборам проявляла и коммунистическая диктатура. Ее интересы в этот раз носили совершенно специфический, несколько сложный, а отсюда и противоречивый характер.

Короче говоря, вокруг Собора образовался клубок всевозможных влияний и интересов, что, естественно, отразилось и на его результатах.

Предполагаемые выборы еще задолго до Собора возбуждали не только понятный интерес, но и вызывали всякого рода комментарии, в том числе и весьма критические.

Основным лейтмотивом этих критических замечаний было то, что очередной Поместный Собор будет находиться под давлением коммунистической власти и это давление автоматически обеспечит избрание кандидата наиболее угодного ей. Это соображение несомненно заслуживало внимания, но при этом необходимо хорошо разобраться в специфике этих реали

стических фактов для того, чтобы предельно об'ективно подойти к рассмотрению описываемых событий.

Церковь живет не в безвоздушном пространстве, а в совершенно конкретных условиях того или иного государства. Почти во все времена и почти при всякой власти Церковь бывала подвержена большему или меньшему давлению и нередко духовные лица, избранные на те или иные иерархические посты или должности, были не столько ставленниками Церкви, сколько ставленниками тех или иных светских сил. Так было и в нехристианских государствах, так было и в христианских странах. Достаточно вспомнить Византию и тот факт, что святитель Иоанн Златоуст закончил свою земную жизнь в далекой ссылке. И сослала его отнюдь не духовная, а христианская гражданская власть.

Впрочем, нет нужды заглядывать в давно прошедшие времена. Примеры подобного рода можно найти и в более позднее время, как в истории православной, так и католической Церквей, что, однако, не дает оснований к автоматическим аналогиям по отношению к нашему времени.

Мы вспоминаем попутно указанные моменты из жизни Церкви, чтобы напомнить, что вмешательство и давление гражланской власти на церковную жизнь ничего нового не представляет. Но в прошлом оно было большей частью нацелено не на уничтожение религии, а имело свои частные, чисто покальные цели, направленные на регулирование взаимоотношений Церкви и государства или на решение каких-либо церковно-политических проблем. Положение Церкви в СССР имеет свою специфику, делающую это положение отличным от всего того, что наблюдалось раньше.

Новое в наши дни заключается в том, что прямое, весьма напористое, безобразное по форме насилие над религией оказывает не христианская и не нейтральная в религиозном отношении власть, а власть коммунистическая, богоборческая, стремящаяся разрушить и уничтожить Церковь. Это ее неизменная и конечная цель. Последнее обстоятельство делает это давлешие на религию логичным, целиком вытекающим из всей концепции диктатуры. Эта логика превращается спорадически в совершенно возмутительные, беспрецедентные гонения на религию, особенно, когда власть терпит ощутительные неудачи на религиозном фронте и стоит верующим людям миллионы жертв.

Специфические условия церковного бытия в Советском Союзе вызывают обратные явления самого различного рода,

в том числе явления не новые, но приобретшие в стране диктатуры своеобразный привкус. Мы имеем в виду соглашательство самой различной степени, примиренчество, а отсюда появление церковных ставленников власти. Это тоже совершенно непреложный факт, легко об'яснимый для тех, кто знаком со скрытой механикой управления Церковью со стороны различных органов диктатуры.

Вопрос, следовательно, шел о том, что будет представлять очередной Поместный Собор? Будет ли он подлинным Собором или просто собранием, созванным для того, чтобы выполнить прямые или косвенные указания диктатуры?

Будут ли осуществлены выборы или речь будет идти о слегка закомуфлированном назначении одного из ставленников власти?

Наконец, ставился совершенно законный вопрос о технике выборов. Будет ли на Соборе вообще допущено голосование, будет ли допущено открытое или закрытое голосование, будет ли также применен или использован путь жребия, осуществленный на Соборе 1917 г. при выборах патриарха Тихона? Все это были не праздные вопросы, ибо они определяли собой весь дух того Собора, который должен был собраться.

Одновременно, еще задолго до Собора, с разных сторон доходили отклики на вопрос о том, кто может быть кандидатом в будущие патриархи. Заранее, оставляя в стороне возможность выборов подлинно свободно выставленного кандидата, стали называться три кандидатуры:

- 1) Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим.
 - 2) Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен.
- 3) Митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины Филарет.

Если говорить о перечисленных кандидатах, то с точки зрения интересов власти и с точки зрения личных качеств — наиболее вероятным кандидатом по мнению многих был митрополит Никодим. Он был всегда явным ставленником режима и, по выражению одного зарубежного деятеля, сделал свою головокружительную карьеру «на крыльях власти». Конечно, не только «крылья власти», но и личные способности помогли ему в его продвижении по ступеням церковной иерархии. К сожалению, почти все свои способности и дарования, данные ему Богом, митрополит Никодим целиком отдал на службу диктатуре в области религиозного фронта, заслужив и внутри

СССР и заграницей прочную репутацию «трубадура» диктатуры, не стесняющегося на любых трибунах выдавать мифы диктатуры за церковную правду и прикрывать святительским омофором все ее утверждения.

По доходившим до нас сведениям из СССР, верующие были обеспокоены тем, что вероятнее всего новым патриархом будет митрополит Никодим. Те же самые информации говорили о каком-то глухом волнении в оппозиционных церковных кругах, связанном с наибольшей вероятностью этой кандидатуры. «Хроника текущих событий» косвенно подтвердила правильность просочившихся информаций, сообщив об Обращении -- «К предстоящему собору», авторы которого принадлежат, повидимому, к кругам церковной оппозиции. В этом Обращении говорится о внецерковной деятельности митрополита Никодима. В том же номере «Хроники» говорится и о заявлении о. Николая Гайнова, священника храма во имя Пресвятой Троицы (селоТроицкое-Кайнарджи, Московской области) и др. 4 Заявление было обращено к Комиссии по подготовке Собора, а копии его были разосланы участникам Собора. Обращение это было озаглавлено: «Серьезные и своевременные вопросы, заявленные высокопреосвященнейшему Никодиму, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому и другим, единомысленным ему лицам». Судя по имеющимся данным, этот документ был составлен не единолично о. Н. Гайновым. В нем принимали участие многие лица, в т. ч. Ф. Карелин, близкий друг и сотрудник о. Николая Эщлимана и о. Глеба Якунина, авторов известного Открытого Письма, обращенного к патриарху Алексию. 5 В указанном нами документе подвергаются рассмотрению и критике выступления и статьи митрополита Никодима и ряда других лиц, свидетельствующие по мнению составителей документа, об отклонении этих лиц от некоторых истин православия. В нем приводятся с этой целью специальные подборки из трудов митрополита Никодима. 6 Наряду с критикой деятельности митрополита Никодима и ряда других лиц, были и иные выступления, не относящиеся непосредственно к митрополиту Никодиму, но, фактически, критикующие позицию Московской патриархии. Священник Георгий Петухов (Загорск), иеродиакон Варсонофий (Хайбулин) из Гороховца, мирянин из Москвы, Петр Фомин, направили участникам Собора свое Обращение с предложением устранить переживаемые ныне Церковью затруднения, связанные с недостатком храмов, недостатком священнослужителей и с невозможностью в нормальных условиях преподавать Закон

Божий. В их Обращении вносится предложение о возбуждении ходатайства перед правительством о предоставлении РПЦ, ее управительным органам, монастырям и приходам права юридического лица с полной гражданской правоспособностью, об ограничении произвола уполномоченных совета по делам религиозных культов и разработке четких законов в этой области, о разрешении факультативного преподавания детям христиан Закона Божьего. Далее говорится об открытии ранее закрытых властью храмов и духовных учебных заведений, об открытии Киево-Печерской лавры и Дивеевской женской обители, а также о создании доступной для широких кругов церковной печати.

Возможно, что этим не исчерпывались попытки возбудить перед Собором те или иные вопросы со стороны церковной общественности и церковной оппозиции. Дело не в этом, а в том, что в предсоборный период вокруг Московской патриаржии и митрополита Никодима, а также вокруг их единомышленников стали сгущаться тучи в смысле совершенно открытой критики их деятельности. И все это было совершенно не случайно.

Нужно сказать, что и западная пресса, в которой печатались сообщения о предстоящем Соборе и о возможных кандидатах в патриархи, также выразила свое недвусмысленное отношение к кандидатуре митрополита Никодима.

Власть, которой был необходим патриарх, хотя бы относительно приемлемый не только для верующих в СССР, но и для Запада, в смысле благожелательного к нему отношения, учитывая складывающуюся обстановку, повидимому, отказалась от проведения кандидатуры № 1 и вынуждена была перейти на кандидатуру № 2, тоже приемлемую для нее, но менее яркую и менее удобную по ряду причин для оперативного вмешательства в жизнь Церкви. В церковных кругах в СССР и особенно зарубежом сразу стали распространяться слухи о том, что митрополит Никодим не может быть патриархом потому что он нужен на другой работе, в частности, на поприще заграничных акций патриархии. Мотив малоубедительный, ибо кто может поверить, что наиболее нужную власти кандидатуру в патриархи отклоняют, потому что это лицо необходимо для выступлений в зарубежных странах. Если вдуматься в это положение, то оно предстанет перед нами как маловероятное. К сожалению, эти слухи, прикрывающие вынужденное решение об отклонении кандидатуры митрополита Никодима, были приняты некоторыми зарубежными церковными кругами, как безусловная истина. 7

Мы же остаемся на своей точке зрения, что кандидатура № 1 была отложена по причине сложившихся обстоятельств и, в частности, из-за нежелания власти обострять ситуацию на религиозном фронте, а также под известным давлением западного общественного мнения и деятельности церковной оппозиции. В этом смысле выборы митрополита Пимена в патриархи явились косвенным результатом активности и церковнооппозиционных сил.

Выборы патриархом митрополита Пимена явились известным отступлением власти от своей программы максимум, своего рода полусимволической уступкой оппозиционным настроениям. Полусимволической потому, что патриарх Пимен такой же ставленник власти, как и митрополит Никодим, но фигура в некоторых отношениях менее яркая и менее волевая, чем митрополит Никодим, не имеющая ярко выраженной явной для всех индивидуальности, отражающая приближенную среднюю норму среди иерархов, активно поддерживающих все без исключения мероприятия диктатуры и прикрывающих своим авторитетом все ее мифы. Лицо, не проявившее себя чрезмерно-активной деятельностью в стиле митрополита Никодима, но не чуждое ей.

В зарубежной печати были сообщены некоторые данные о патриархе Пимене, которые нельзя найти в церковных изданиях, выходящих в СССР. По этим неофициальным сведениям, он, будучи иеромонахом, провел большую часть тридцатых годов в концлагерях. Тридцатые годы, с их беспощадным сталинским террором и концлагерями отразились на его личных качествах. Оставшись церковным человеком, монахом, молитвенником, постником, блюстителем церковных правил, он растерял за эти годы всякого рода стойкость и мужество и шел долгие годы на поводу у власти, широко пользующейся его безволием и пассивностью в смысле взаимоотношений с диктатурой. 8

Что же касается третьей кандидатуры, промелькнувшей в печати, то эта кандидатура № 3, носившая своего рода запасной характер, «на всякий случай», довольно быстро исчезла из соборной акции.

Так стоял вопрос с кандидатурами. Одновременно мы не можем пройти мимо техники голосования. Фактически на Соборе не было голосования. Не было голосования ни обычного в СССР, открытого, ни закрытого, не было и жребия, т. к. была только одна кандидатура. Практически это означало, что

власть настолько боялась каких либо осложнений и срывов на Соборе, что не допустила даже голосования, что косвенно говорит о несомненном росте оппозиционных сил внутри Церкви. Голосование свелось к заявлениям епархиальных архиереев, сделанных ими от имени каждой делегации от епархии, что они выбирают в патриархи митрополита Пимена, что явилось своего рода открытым голосованием, хотя эту процедуру так можно назвать только условно. Настоящее открытое голосование, дает возможность отклонения от директивно-заданного мнения; метод принятый на Соборе не дал даже этого минимума. В церковной печати РПЦ промелькнуло сообщение. что способ голосования, примененный на Соборе, является традиционно-церковным. Мы хотим отметить, что указанный способ может быть действительно успешно применен лишь при условии хотя бы относительной церковной свободы. Но при условиях церковного бытия в СССР, — данный способ лучшее средство, чтобы выполнить во чтобы то ни стало волю диктатуры. В этих условиях «не традиционный» способ обычного гражданского открытого голосования во много раз об'ективнее подобной традиционности.

Собственно Собору предшествовало совещание епископов, на котором обсуждалась кандидатура лица подходящего для возглавления РПЦ. С этой точки зрения несомненный интерес представляет интервью архиепископа Брюссельского и Бельгийского (московской юрисдикции) Василия Кривошеина, данное им сотруднику бюллетеня Вселенской патриархии — «Эпискепсис». Приводим слова архиепископа Василия:

«Процедура выборов патриарха и кандидатура лица, наибо лее подходящего для возглавления Российской Православной Церкви, обсуждались долго и подробно на собрании епископов, за два дня до открытия Собора, в бывшем московском Новодевичьем монастыре. Именно на этом собрании, в котором участвовали только епископы Русской Церкви (в полном составе), происходили самые интересные дискуссии и были приняты наиболее важные решения». 9

Что же решили епископы относительно процедуры голосования? Как сообщил архиепископ Василий, собрание епископов разбилось по этому вопросу на три неравные группы:

1) Группа сторонников Московской патриархии, настаивавшей на упрощенной («традиционной») форме открытого голосования, в соответствии с директивами диктатуры и для обеспечения желательных для диктатуры результатов выборов. Повидимому, хотя это и трудно утверждать, эта группа

была едва-ли не самая многочисленная.

- 2) Группа архиереев, настаивавшая на закрытом голосовании и мотивировавшая свое пожелание тем, что тайное голосование увеличило бы авторитет нового патриарха в глазах христиан всего мира. Эта группировка состояла, главным образом, из епископов, прибывших из западного мира, но находящихся в юрисдикции Московской патриархии. Она вклю чала в себя и некоторых епископов из СССР, решившихся уклониться от официальной линии. Оппозиционная группа была, повидимому, невелика по своему численному составу.
- 3) Группа епископов замкнувшихся в молчании не высказалась за открытое голосование, но и не возражала против него. Группа молчавших (по советской терминологии «воздержавшихся»), повидимому, не столь уже малая, уклонилась от высказываний, являя собой своего рода легальную форму оппозиции к Московской патриархии. Отметим, что вторая и третья группы вместе по своей численности, вероятно, мало уступали первой группе.

В результате этого совещания, официально названного Предсоборным Архиерейским Совещанием, при молчаливой оппозиции значительной части собравшихся, было вынесено решение применить способ открытого голосования. В чем он состоял, хорошо описывается в «Журнале Московской Патриархии».

«...Председатель Собора митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен предоставил слово митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Никодиму, который сообщил предложение Предсоборного Архиерейского Совещания о процедуре избрания Патриарха Московского и всея Руси. Собор утвердил предложенную процедуру избрания Патриарха.»
«Вслед за этим секретарь Собора митрополит Таллинский

«Вслед за этим секретарь Собора митрополит Таллинский и Эстонский Алексий задал поочередно вопрос каждому правящему архиерею РПЦ: «Кого Вы, клир и паства (следовало наименование епархии) избираете Патриархом Московским и всея Руси?». На этот вопрос следовал единодушный ответ: «Я, клир и паства (следовало наименование епархии) избираем Патриархом Московским и всея Руси Высокопреосвященнейшего Митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена». 10

На этом вопрос о голосовании может считаться законченным. Власть настолько боялась каких либо осложнений на Соборе, что перешла все меры возможного, превратив голосование в нечто вообще не поддающееся квалификации.

Мы уже останавливались выше на вопросе о кандидате в патриархи. Добавим еще несколько слов из интервью с архиепископом Василием в связи с проблемой голосования. Говоря о голосовании с представителем греческого журнала, архиепископ Василий добавил:

«Кандидатуру митрополита Пимена — единственно подходящую и даже единственно возможную при теперешней обстановке — не оспаривал никто, даже из числа самых ярых противников открытого голосования». 11

Заявление архиепископа Василия о том, что кандидатура митрополита Пимена являлась единственно возможной в данней обстановке косвенно, в значительной мере, подтверждает то, что мы говорили о кандидатурах в патриархи. К этому единогласному «единству» Собора мы должны еще добавить, что, по просочившимся сведениям из частных источников, со стороны группы западных епископов была сделана попытка выставить в патриархи кандидатуру архиепископа Гермогена, но попытка была весьма решительно пресечена.

В связи с этим следует остановиться на вопросе об единстве Собора в смысле единодушия в вынесенных им решениях. Если в отношении выбора патриарха Собор оказался единодушным, избрав по различным мотивам патриархом митрополита Пимена, причем это единодушие было, как это следует из всего вышесказанного, единством для значительной части участников Собора вынужденным, то в других вопросах на Соборе выявились явные разногласия.

Поместный Собор прослушал и обсудил следующие доклады:

- 1) Доклад митрополита Пимена «Жизнь и деятельность Русской Православной Церкви, а также деятельность высшего церковного управления от Поместного Собора 1945 г. и до настоящего времени».
- 2) Содоклад митрополита Никодима «Экуменическая деятельность РПЦ».
- 3) Содоклад митрополита Алексия «О миротворческой деятельности РПЦ».
- 4) Доклад митрополита Никодима «Об отмене клятв на старые обряды».

Формально Собор «единодушно» одобрил деятельность Священного Синода за отчетный период по управлению РПЦ и почему-то совершенно отдельно отметил также определения Архиерейского Собора РПЦ, состоявшегося 18 июля 1961 г.

Этот момент представляет особый интерес, на котором мы остановимся ниже.

Далее Собор выразил глубокое удовлетворение по поводу решения Священного Синода РПЦ о даровании автокефалии (самостоятельности) ряду Поместных Церквей, входивших ранее в Московский патриархат. В данном случае имеется в виду Польская Православная Церковь, Чехословацкая ПЦ и Американская Православная Церковь, а также предоставление автономии Японской Православной Церкви и признание автономии Финляндской ПЦ.

Собор отметил также возвращение в православие грекокатоликов Галиции и Закарпатья и признал делом исключительной важности «напряженные усилия» высшей церковной власти РПЦ по «возвращению в лоно Матери-Церкви отошедших от нее в разное время архиереев, клириков и мирян, создавших вне ограды Церкви как в СССР, так и за его пределами различные раскольнические группировки». 12 Здесь особенно отмечается Русская Православная Церковь заграницей и Украинская Автокефальная Православная Церковь заграницей. Была отмечена необходимость осуществления канонических санкций по отношению «к карловацкому расколу».

Остальные решения Собора относились к взаимоотношению РПЦ с иными Православными Церквами, к участию в экуменическом движении, к миротворческой деятельности РПЦ, а также к отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их, нормализующей отношения со старообрядцами.

Останавливаясь на решениях Собора 1971 года, мы отметили непонятное на первый взгляд внимание, которое Собор, вернее его руководители, уделил решениям Архиерейского Собора 18 июля 1961 года. На этом надо хотя бы кратко задержаться.

На Поместном Соборе РПЦ 1945 г. было принято Положение об управлении Церковью. Указанное Положение предоставляет настоятелям храмов руководство и хозяйственной стороной жизни прихода. При этом Собор указал, что устранение некоторых священников от хозяйственной стороны жизни прихода и оставление за ними только собственно пастырских обязанностей по духовному окормлению прихожан, является неправильным и отрицательно сказывается на благоустроении прихода и на всей жизни Церкви в целом. Положение 1945 г. совершенно недвусмысленно говорит о том, что настоятель является главой своей общины (прихода), ее представителем отвечающим за все стороны ее деятельности.

Церковное хозяйство тоже должно находиться в ведении настоятеля. Существующее мнение о том, что только алтарь является областью деятельности священника, а финансовая сторона прихода — исключительно дело старосты, было отмечено Собором 1945 г. как неверное.

Весьма характерно, что решение Собора 1945 г. шло совершенно вразрез с неотмененными советскими законами о Церкви, согласно которым священнослужители — лишь наемные служащие общины (т. н. «двадцатки»), отвечающей целиком за все стороны деятельности прихода. Духовенство этих юридических прав не имело.

Подобное постановление Собора 1945 г. было принято, конечно, с согласия власти и, в частности, Сталина, лично интересовавшегося в то время церковными делами. Власть, не отменяя существующих законов о приходах, но считаясь тогда с только что заключенной с Церковью «унией», смотрела на указанное постановление Собора «сквозь пальцы», обещав фактически не применять эти законы и считая их как бы временно недействующими. В практике диктатуры такие явления случаются не редко.

В продолжении последующих приблизительно 15 лет решение Собора 1945 г. действовало во всей своей силе, безотказно, что и дало соответствующие результаты, повидимому неблагоприятные для диктатуры. Духовенство стало как бы хозяином в церковных общинах, отождествляемых с приходами, последние укрепились и расцвели. Укрепление хозяйственной и организационной стороны приходской жизни было лишь одной стороной указанного явления. Введение на практике постановлений Собора 1945 г., его Положения об управлении РПЦ, обусловили также возможность более и ти менее широко развернуть и деятельность центральных церковных учреждений, в том числе и духовных учебных заведений.

Архиерейский Собор РПЦ, состоявшийся 18 июля 1961 г. в Троице-Сергиевской лавре, принужден был коренным образом изменить Положение об управлении РПЦ в части касающейся жизни приходов.

Начав в это время явные церковные гонения на религию шестидесятых годов, с целью ограничения и снижения ее деятельности, а в дальнейшем и полного, постепенного уничтожения, диктатура должна была рано или поздно напомнить и Церкви, что законы о церковных общинах не отменены и положения о т. н. «двадцать ах» и о правах (вернее бесправии) духовенства продолжают действовать. Власть недвусмысленно напомнила Патриархии, что пора привести ее Положение об управлении РПЦ в соответствие с советскими законами о культах.

С этого момента, когда власть навязала снова спои требования Московской патриархии в части организации приходской жизни, ссылаясь на свои законы, о которых систематически забывала в продолжении пятнадцати лет, приходская жизнь возвращается в свое довоенное русло. Настоятелям вменяется в обязанность всецело сосредоточить свои заботы только на духовном руководстве приходом и на богослужебной стороне и они полностью освобождаются от всякого участия в хозяйственно-финансовой деятельности общины. Последняя снова возлагается на «двадцатку», т. е. на исполнительный орган верующих, несущий по закону ответственность перед властью за сохранность здания и имущества.

Сделано это было властью для ослабления позиций Церкви, для внесения всякого рода разногласий и нестроений в приходы. В этом отношении изменение статуса приходской жизни дало власти в руки много шансов и одновременно действительно ослабило позиции Церкви. Архиерейский Собор 1961 г. должен был по требованию власти изменить Положение об управлении РПЦ в соответствии с указаниями данными диктатурой и приобрел этим печальную известность в истории РПЦ.

С тех пор и до настоящего времени все церковные оппозиционные элементы неизменно протестуют против этой капитуляции перед требованиями диктатуры и неоднократно ставят вопрос о злосчастном Соборе 1961 г. И на Поместном Соборе 1971 г. вновь возник вопрос о решениях Архиерейского Собора 1961 г., превратившихся в принудительную приходскую реформу. Именно поэтому в решениях Поместного Собора РПЦ 1971 г., в его определениях, тщательно подчеркивается, что Собор не только одобряет деятельность высшей церковной власти в целом, но также или особо определения Архиерейского Собора 1961 г.

А оттенить этот момент было совершенно необходимо, т. к. под знаменем протеста против решений Архиерейского Собора 1961 г. собирается нынешняя церковная оппозиция.

Как сообщил Г. А. Рар, «не менее пяти архиереев, участников Собора, письменно потребовали, чтобы Собор пересмотрел и отменил решения Архиерейского Собора 1961 года, принятые под давлением куроедовских «органов» и поставившие в бесправное положение приходских священни-

ков по отношению к церковным «двадцаткам», в которые «органы» нередко направляют теперь людей, откровенно признающих, что они — неверующие». 13

Оказывается также, что на Архиерейском предсоборном совещании, о котором мы писали выше, часть архиереев, повинуясь голосу совести, отказались одобрить эти решения, противоречащие канонической традиционной структуре Православной Церкви и нарушающие целостность церковного управления. Часть архиереев отказалась обсуждать этот вопрос, обрекши себя на абсолютное молчание.

На вопрос журналиста, спросившего архиепископа Василия (Кривошенна) — «монолитна ли сейчас нынешняя Церковь в СССР» — был получен следующий ответ:

«Несмотря на некоторые разногласия, среди членов Собора господствовало единодушие. Оно выявилось главным образом в действительно единогласном избрании патриарха Пимена... Но дело обстояло иначе, когда был поставлен вопрос об одобрении решений 1961 года о приходском уставе и когда заговорили о политическом аспекте деятельности Московской патриархии по вопросам защиты мира. Разногласия, сформулированные устно и письменно, не были преодолены до самого конца. Были высказаны также сомнения в пользе и пелесообразности предложенных Собору новых канонических мер, направленных против виновников Карловацкого раскола». 14

Таким образом, нынешние руководители РПЦ так и не добились безраздельной поддержки своей церковной политики со стороны всего епископата, что наглядно выявилось на Соборе, подтверждая еще раз, что внутри РПЦ постепенно крепнет и растет внутрицерковная оппозиция. 15

Вся история христианской Церкви свидетельствует нам, что при всякого рода явлениях церковной жизни, хотя бы отчасти похожих на то, что происходит в СССР, рано или поздно побеждало то течение в жизни Церкви, которое наиболее совершенно отстаивало принципы церковной правды. Очевидно, это рано или поздно случится и в России.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СССР В 1972 - 1973 г.г.

Общие предпосылки

Последние годы, особенно 1972 и 1973, внесли некоторые изменения в положение РПЦ и вообще религии СССР. Эти изменения, отнюдь не положительного тера, определялись, главным образом, не причинами, коренящимися внутри самой страны, а чисто внешними, связанными с тем новым политическим курсом сближения с коммунистическими странами, которым попытались идти США и многие ведущие страны Западной Европы. Оставляя в стороне анализ и оценку этого курса с политической точки зрения, как выходящие за пределы нашей темы и неуместные в книге посвященной Церкви, хотя последняя тоже имеет полное право на свое собственное мнение происходящем, отметим лишь, что, независимо от субъек тивных намерений политических деятелей Запада, исторически объективно новый курс западной политики нанес известный удар и освободительному движению в СССР и религиозному движению сопротивления в частности. чувствовав политические успехи по "усмирению" Запада, власть в СССР совершенно распоясалась и на религиоз ном фронте, решив, что теперь можно больше не считать ся с западным общественным мнением, да и само это общественное мнение, с точки зрения коммунистической диктатуры, при новой политике не имеет больше решительно никакого значения. Данный момент весьма характерен для психологии диктатуры, судящей о процессах формирования и выявления общественного мнения на паде по своему собственному образцу. Но, как теперь уже выяснилось, в этом она, в значительной мере, ошиблась.

Тем не менее, Церковь в СССР и верующие люди остались как бы покинутыми официальным Западом. Хотя

многие государственные деятели Запада являются верующими людьми и принадлежат к тем или иным христианским исповеданиям, но, повидимому, они забыли, что вера в Бога и христианство заключаются не только в участии в воскресных богослужениях, но и в практической деятель ной помощи своим страдающим братьям по вере, незави симо от их конфессиональной принадлежности. Это последнее обстоятельство оказалось исключенным из политических расчетов официального Запада как, очевидно, совершенно второстепенное, подчиняющееся более серьез ным и весомым, с его точки зрения, политическим мотивам. Это не ново, но не ново также и то, что каждый верующий человек, или считающий себя верующим, должен помнить, что Бог поругаем не бывает.

Что касается коммунистической диктатуры в СЗСР, то, как мы указали, она несколько просчиталась, забыв, что кроме официального Запада, с которым она имеет дело, есть еще Запад и неофициальный, который не забыл и не покинул своих гонимых собратьев по вере. В этом отношении несомненный интерес представляет посла ние главы Православной Церкви в Америке, Митрополита Иринея, обращенное к президенту США, Ричарду Никсону, и ответ на него официального Вашингтона. Упомянутые документы приводятся в том виде, в каком они были опубликованы в Русско-Американском Православном Вестнике, издающемся Православной Церковью в Америке/1/.

В связи с приездом в США первого секретаря КПСС Л. И. Брежнева, Блаженнейший Митрополит Ириней направил президенту США Ричарду М. Никсону письмо, текст которого мы приводим ниже в переводе на русский язык:

Президенту США Ричарду Никсону Белый Дом. Вашингтон, Д. К.

15 июля 1973 г.

Господин Президент:

В связи с визитом в США Леонида Брежнева, первого секретаря коммунистической партии в СССР, прибывающего сюда для переговоров с Американским Правительством, я позволяю себе обратиться к Вам по вопросу первостепенной важности как для меня, так и для сотен тысяч православных христиан в Америке, большей частью русского и украинского происхождения, что составляют мою церковную паству.

Как Вам хорошо известно, коммунистическая партия СОСР и советское государство провозглашают религию "опиумом для народа". Они не скрывают своей идеологии, которая нашла себе выражение и в конституции СССР (ст. 123) и в законе 1929 года, до сих пор определяющем положение всех религиозных общин в Советском Союзе.

И если все, без исключения, религии страдают от этих открыто дискриминационных законов, то наибольшая доля преследований приходится без сомнения на религиозное большинство, т. е. на православную Церковь. Можно без всякого преувеличения сказать, что она выжила только благодаря твердости и мужеству миллионов верных своих членов.

Господин Президент! Мы все разделяем Вашу заботу о мире, но подлинного мира, мира духа, не будет и он невозможен, пока одно из величайших государств в свете открыто и систематически дискриминирует религиозные верования и преследует своих собственных граждан за их религиозные убеждения.

Я усердно прошу Вас иметь ввиду эту озабогенность во время Ваших переговоров с г. Брежневым и со всей настойгивостью подгеркнуть то отвращение, которое испытывает большинство американского народа к коммунистигеским действиям, направленным на унигтожение любой религии в Советском Союзе.

Призывая на Вас благословение Божие, я остаюсь, искренне Ваш,

> Ириней, Архиепископ Нью Йоркский, Митрополит всея Америки и Канады

20 июля из Государственного Департамента США был получен ответ, текст которого мы приводим ниже в русском переводе:

Дорогой Митрополит Ириней,

президент Никсон просил меня ответить на Ваше письмо от 15 июня, в котором Вы выражаете озабоченность по поводу проводимых советским правительством религиозных дискриминаций и преследований.

123

Правительство Соединенных Штатов неизменно осуждало подобные преследования — независимо от того, где они происходят. Мы решительно возражаем против давления со стороны советского и других коммунистических режимов на религиозные общины, имеющего целью помешать свободному проявлению и развитию религии.

Мы полностью сознаем, что советские власти были активно враждебны по отношеню к религии и продолжают стремиться к єз полному искоренению. Советские законы составляются так, чтобы облегчить эту задачу и вся сила советского законодательства направлена против таких проявлений религиозной жизни, которые почитаются нормальными и законными в большинстве других стран.

Мы считаем, что частные общества и отдельные лица могут сыграть важную роль в том смысле, что они могут доводить до всеобщего сведения требования граждан коммунистических стран, желающих открыто исповедывать свои религиозные убеждения. Разумеется, ввиду относительной закрытости советского общества, ощутимые результаты такого оповещения, проводимого заграницей, будут ограничены. Тем не менее и советские, и другие коммунистические власти проявляли некоторую чувствительность по отношению к таким оповещениям. Советская печать иногда подвергала критике те крайности, в которые впадали антирелигиозные активисты, и когда наиболее яркие проявления религиозных притеснений получали значительную гласность заграницей, положение преследуемых, как нам кажется, становилось лучше.

Хочу Вас заверить, что президент полностью сознает присущую Вам и многим другим американским гражданам озабоченность по поводу религиоэных преследований в Советском Союзе.

Искрение Ваш:

Вильям Х. Люерс Заместитель директора канцелярии по делам Советского Союза.

Это послание, охватившее в сжатой форме всю сущность вопроса, отражает не только точку зрения главы Православной Церкви в Америке, но и находит несомненный и сочувственный отклик в неофициальном Западе. продолжающем свои акции в отношении помощи верующим в СССР и совершенно не собирающемся складывать оружие, в соответствии с очередным изгибом западной политики. Это последнее обстоятельство и понимает и, одновремен но. не понимает власть. С одной стороны, она усиливает нажим на верующих, с другой стороны, она продолжает возмущаться и негодовать на поступление с Запада религиозной литературы, или на продолжающиеся религи озные радио-передачи западных радиостанций, и распространяться в связи с этим о деятельности "трубадуров холодной войны". Поддержка религии относится теперь к проявлениям "холодной войны", к "идеологическим дивер сиям" противников нынешнего курса западной политики.

Наш немецкий корреспондент сообщил недавно одну любопытную деталь. Когда западно-берлинский оппозиционный депутат Леммер написал письмо президенту Западной Германии, в котором спрашивал его — почему он сде лал упреки президенту Э. Вьетнама, Тьё, по поводу "жестокого преследования коммунистов" в Южном Вьетнаме, а Брежневу ничего не сказал о преследовании верующих в СССР, то получил примерно такой ответ: Тьё — христианин, католик; поэтому с него можно требовать большего. Брежнев — атеист. Поэтому у него другие понятия о морали. С него нельзя многого требовать.

Внешнее положение РПЦ, по сравнению с предыдущими годами, мало изменилось. Об этом свидетельствуют лица, побывавшие недавно в СССР. Но имеется констатация увеличения количества молодежи, приходящей в православные храмы. Приводим одно из свежих свидетельств – опубликованное уже в 1974 году. Верующие туристы посетили Киев.

"В день праздника Преображения мы пошли в дивный Владимирский собор, расписанный Васнедовым. Хотя пришли мы сравнительно рано, около четверти десятого, вокруг и внутри собора было уже довольно много народа. Вокруг собора мощно раздается всенародное пение: "Преобразился еси на горе, Христе Боже..." Молодой священ ник освящает фрукты, по традиции установленные в корзиночках вокруг собора. Мы проходим внутрь собора и становимся у правого клироса, у мощей св. великомученицы Варвары."

"В десять часов — встреча митрополита Киевс — кого и Галицкого, экзарха Украины — Филарета. К этому времени собор, вместительностью в несколько тысяч, битком набит, многим приходится стоять снаружи. Очень много молодых лиц. С большим подъемом служится праздничная литургия, пение идет на двух клиросах."

"Верую" и "Отче наш" поются всем народом. Потрясающее впечатление оставляет это пение: громовое,
многотысячное исповедание веры исходит из сердец и
уст верующих, соединяется воедино, раскатывается под
сводами собора, и поднимается выысь к васнецовской
Богоматери с Младенцем. Происходит как бы малое пре ображение мира: исчезают границы времени и материи, и
реально открывается дверь в иной мир, в иное сущест вование. И вера в этот иной мир становится реальным
осязанием истинности Христова обещания о Церкви:
"...и врата ада не одолеют Ее".

"Причащают из нескольких чаш, причем среди причастников много молодежи, детей и грудных младен — цев. После литургии владыка Филарет освящает фрукты на амвоне, затем священники вновь освящают их вокруг собора. Вечером — соборне служится вечерня с акафистом Успению Божией Матери. Служит киевский викарий, епископ Переяслав-Хмельницкий, Варлаам, с сонмом духовенства. Поражает количество молодежи на акафисте : средний возраст присутствовавших можно определить в 25-30 лет. Не все, конечно, верующие — многие пришли "посмотреть". Но и этот глубокий интерес к церкви, несомненно, есть уже громадный сдвиг от бесчинствующей комсомолии."

"Следующим утром, в восемь часов — акафист св. великомученице Варваре, у раки с ее мощами. И тут снова можно было наблюдать поразительное явление. В собор постоянным потоком заходят молодые люди и девушки с портфелями, ставят свечи, крестятся, приклады — ваются к иконам и...уходят на государственную службу. Верующие рассказывают, что на Пасху 1969 года мощи св. великомученицы Варвары пришлось заколачивать в "деревянный панцырь". Комсомолия в тот год бесчинствовала с особенным рвением."

"По сообщению верующих, в Киеве и окрестностях открыто 14 храмов."

"Вообще поражает среди верующих дух первохристианского исповедничества, как среди молодых, так и среди более пожилых. Чувствуется какая-то духовная 126 напряженность, какая-то накаленность духовной атмосферы. Входя в храм, невольно чувствуешь, что попал в иной мир, и что право присутствовать на этой евхаристии древних гонимых христиан дано не всякому — приходится перед всеми бабушками в платочках мысленно оправдываться: да, я тоже верующий, я тоже христианин. И это мысленное оправдание себя переходит в действенное исповедание веры: поклоны кладутся истовее, крестное знамение делается шире, и участие в общем пении становится громче. Вечная слава, бодрствующие стражи и хранители Веры, русские бабушки в платочках!"

Туристы побывали и в других городах.

"Повсюду те же картины: церкви битком набиты народом. После начала часов к алтарю уже не подойти. Незаметно храмов где бы причащали только из одной чаши. В городе Владимире, например, на Успение причащали из четырех чаш, причем причащение длилось 20 минут: причастников было около 200 человек." /2/

Можно, конечно, продолжить эти примеры. Но и приведенного достаточно, чтобы ощутить ту внутреннюю духовную обстановку, которая царит в РПЦ, и те внешние условия, в которых протекает современная церковная жизнь в Советском Союзе.

Преследования верующих

Реализуя слагающиеся для диктатуры конъюнктурно-благоприятные политические предпосылки, власть заметно усилила преследования верующих в законообразной форме, заявляя, что верующие страдают не за свои религиозные убеждения, а за нарушения законов о культах. Среди многочисленных случаев преследования верующих, за последнее время особо выделился случай с верующим И.В. Моисеевым, утопленным в районе г. Керчи. Он принял мученическую кончину за свое неустанное миссионерство, за несогласие отказаться от веры в Бога. Миссионерской деятельностью он занимался среди военнослужащих той воинской части, в которой отбывал воинскую повинность. Из поступивших на Запад документов можно сделать вывод, что И.Моисеев поинадлежал к евангельским-христианам баптистам, видимо, к тому их этветвлению, которое называется "инициативниками". /3/

Вот, что говорится в сообщении единоверцев И. Моисеева, опубликованном Самиздатом:

"16 июля 1972 года, в г. Керчи, на службе в рядах советской армии / в/ч 61968/"Т" /, за убеждение веры в Бога от ужасных мученических пыток умер наш сын и брат, Моисеев Иван Васильевич, 1952 г. рождения. Израненного, измученного от пыток, но еще живого, при присутствии подполковника Малсина, В.И., насильно утопили в Черном море на глубине 156 см., при его высоте 185 см." Эта краткая выдержка из сообщения Самиздата конкретизируется подробным описанием всего происшедшего, данным в указанных выше документах.

Хотя случай с Моисеевым произошел в июле 1972 г.. власть мало реагировала на опубликованные на Западе материалы, удовлетворяясь официальными данными свидетельства о смерти Моисеева, гласящего, что смерть наступила от "механической асфиксии от утопления", намекая, что Моисеев утонул сам, купаясь в море. тря на то, что времена меняются, и при изменившейся международной обстановке власть решила, что не только можно проделывать такие вещи, но и не реагировать на опубликование материалов о деле Моисеева, она и на этот раз просчиталась. Реакция неофициального Запада была такова, что диктатура сочла целесообразным реагировать на нее. Совершенно не случайно в одной из провинциальных советских газет появилась статья, на первый взгляд ничего общего не имеющая со случаем Моисеева, но, по существу, весьма тесно связанная с ним /4/. Статья эта называется "Проповедник в бегах". Речь в ней идет о верующем человеке, Я.Я.Янцене, работавшем на одном из предприятий города Душанбе слесарем в котельной. Одновременно, Янцен был руководителем "незаконной" или нелегальной воскресной религиозной школы, организованной, как пишет газета, "сектантами". Повидимому, речь идет опять о баптистах-инициативниках.

Видимо, школа пользовалась успехом у молодежи. Газета сообщает, что после окончания школы ее слушатели принимали водное крещение, выполняли все религиозные обряные правила и "исступленно выполняли религиозные обряды". Но это все не главное. Основное заключается в том, что Янсен, как выяснила редакция газеты, на своих занятиях в школе читал "клеветнические проповеди", связанные с историей военнослужащего Моисеева. Иван Моисеев, утверждает газета, во время купания стал тонуть. Утонул он или нет, газета прямо не говорит, но уверяет, что врачи сделали все, чтобы вернуть его к жизни, но потерпели неудачу. Сектантские же фанатики, продолжает

она, выдали этот случай за умышленное убийство единоверца. Так, после долгого и упорного молчания, советская печать была вынуждена реагировать на совершенно вопиющий случай с Моисеевым. Что касается названия статьи в советской газете, то, видимо, спасаясь от преследований, Янцен должен был на долгое время покинуть город Душанбе.

Упоминая о необычайной активности баптистовинициативников, та же газета рассказывает, что они
пользуются поддержкой немалого количества лиц. При
этом указываются лица, предоставляющие свои квартиры
и дома для воскресных школ и совершения нелегальных
богослужений. Совершенно не стесняясь, газета напоминает, что это является преступлением и за подобные
преступления против "гуманных советских законов", немало людей уже побывало в различных местах заключения.
Надо сказать, что подобные предупреждения, до сих пор
так открыто не печатавшиеся, являются "достижением"
последнего времени.

Совершенно возмутительный случай с Моисеевым дополняется рядом других информаций, поступающих с религиозного фронта. Недавно советская печать с нескрываемой злобой и торжеством рассказывала об очередном судебном процессе баптистов-инициативников. имевшем место в городе Солигорске. На скамье подсудимых четыре человека: Евгений Сильчук из гор. Слуцка, создавший еще в 1962 году группу баптистов-инициативников и впоследствии осужденный за эту деятельность. Лидия Коржанец, Нина Масюк, Иван Трухан. Все они, конечно, обвинялись в нарушении законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, в распростра нении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный строй /догматическая формула для борьбы с верующими и вообще с инакомыслящими/, в посягательстве на личные права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. Если перевести все эти обвинения на общепонятный язык, то дело идет о критике политики государства в смысле ущемления верующих, дело идет о запрещенном властью миссионерстве, об организации нескольких религиозных общин инициативников, об обучении детей Закону Божию и о, якобы, связи с заграницей. Последняя свелась к тому, что властью была обнаружена религиозная литература, присланная с Запада, и к тому, что данная религиозная группа пыталась передать на Запад материалы о гонениях на верующих /5/. 129

Обращение верующих ЕХБ из города Барнаул констатирует, что положение верующих в настоящее время ухудшилось. Отношение к ним власти стало более жестоким. В ответ на подачу прошений и заявлений на имя тех или иных органов власти - репрессии еще больше усиливаются /6/. Из разных городов СССР продолжают поступать сведения об арестах верующих людей. Веруюшая А. Козорезова, в своем заявлении на имя ген. прокурора СССР Руденко, пишет, что лагерное начальство того лагеря, в котором сидит ее осужденный муж, совершенно открыто говорит, что он сидит за свою веру в Бога и не дает ему читать Библию, отнимая у него буквально все, что содержит намек на религию, стремясь заставить его отказаться от своих религиозных убеждений /7/. Заявление группы верующих родителей на имя председателя Совета министров СССР Косыгина свидетельствует о том, что в школах верующих детей подвергали избиению и всячески глумились над ними, клеветнически порочили их и подвергали неисчислимым допросам, интересуясь воскресными религиозными школами, местом богослужений и т.п. /8/.

Мы останавливались на приведенных случаях, как на наиболее характерных для преследования верующих, независимо от их конфессиональной принадлежности, а также потому что им уделяется особое внимание в советской печати. Например, о Православной Церкви в СССР советская печать последнее время помалкивает, но это совсем не означает, что власть оставила ее в покое. Достаточно вспомнить как прошла Пасха в 1973 году.

Тысячные наряды милиции и дружинников окружили православные церкви в пасхальную ночь, чтобы "недопустить оскорбления верующих со стороны демонстрирующих против религии", как сообщили западные корреспонденты из Москвы. В храмы пропускали только по особым пропускам, которые надо было заранее доставать. Это сообщение отлично расшифровывается письмом из Москвы, опубликованным на Западе.

"Пасха у нас прошла довольно грустно. Никогда еще на моей памяти власти наши не доходили до подобного безобразия, граничащего с бандитизмом. Людей моложе пятидесяти выволакивали прямо из церквей и запиживали в машины. Многих избивали на глазах у всех, прямо в церковной ограде. Целые банды молодых ублюдков в красных повязках дружно освистывали Крестный ход вокруг храма. Можно только восхищаться самообла-

данием и невозмутимостью /во всяком случае, внешней/ наших пастырей, которые с удивительным в таком бедламе достоинством совершали праздничную службу. Это надо видеть, чтобы понять, что не нам, погрязшим в суете и славостяжательстве, судить их — молчаливых под — вижников, со стиснутыми в вынужденном молчании зуба — ми". /9/

Побывавшие в 1973 г. в Эстонии западные туристы рассказывают, что в Таллине пасхального крестного хода в соборе не было, по той причине, что еще в прошлом году хулиганы бросали камнями в митрополита Алексея. Колокольный звон в соборе тоже запрещен. Только когда служит митрополит, то звонят в самый малый колокол. Двери храма должны быть закрыты, чтобы пение не доносилось наружу. Свечи в соборе продаются тоненькие, но стоят довольно дорого и не всем доступны. Поэтому появился обычай — собирать копеечки "в складчину" — на общую свечу /10/.

В связи с Пасхой 1972 г. можно привести еще один характерный пример. В интервью с "Вечерним Тби-лиси" ректор педагогического института Натела Васадзе сообщила, что ею была уволена преподавательница английского языка Меги Кежерадзе, т.к. она была замечена в канун Пасхи в церкви "при исполнении религиозного обряда". /11/

Особенно накидывается власть на представите - лей ИПЦ, хотя о ее существовании продолжает молчать. "Хроника текущих событий" сообщила, что священник ИПЦ Бахров, отбывавший многолетний срок заключения в мордовских лагерях и во Владимирской тюрьме и освобожден ный в 1967 году, вновь осужден по статье 70, ч.11 УК РСФСР на 10 лет, из них 6 лет тюрьмы. Содержится на особом режиме с июля 1972 года. /12/

Гонениям подвергаются и лучшие представители РПЦ. "Хроника" информирует о том, что в сентябре 1972 года были принудительно "отправлены на покой" или, попросту, уволены священники о. Всеволод Шпиллер /настоятель Свято-Никольского храма на Новокузнецкой улице/ и о. Димитрий Дудко, священник Свято-Скорбящен ского храма /13/. Как сообщает "Хроника", КГБ уже давно оказывал давление на старосту храма, где служил о. Д.Дудко, настаивая на его увольнении. Староста не соглашалась и была уволена сама. Новый староста /повидимому тоже женщина/ придралась к "политическим высказываниям" священника и потребовала его увольнения.

Протесты верующих, обращенные к патриарху, не помогли.

Протоиерей о. Всеволод Шпиллер был отправлен на покой тоже по "политическим мотивам". Действитель- ная же причина увольнения их обоих заключалась в том, что они были подлинными пастырями и пользовались известностью и уважением в кругах образованной молодежи.

В дополнение ко всему сказанному нельзя пройти мимо истории псаломщика Ивана Пекарского, исключи — тельно ярко показывающей как политику власти в отношении представителей Церкви, так и героическую борьбу лучших представителей Церкви за веру, независимо от того, какое место они занимают в церковной иерархии.

Иван Пекарский родился и жил отнюдь не в религиозной семье. Жизнь у семьи была трудная, жили они в бедности. Отец Пекарского погиб на войне. В детстве И. Пекарский по неосторожности матери потерял глаз. Мать впоследствии стала верующей. Все это не объясняет исключительную одаренность И. Пекарского в религиозном отношении, которая проявилась у него с детства.

Иван Пекарский поступает в духовную семинарию и кончает ее, но по каким-то причинам священником не становится и получает лишь место псаломщика. Советская печать /14/ пытается это явление объяснить не совсем ясными каноническими причинами, но больше похоже на то, что И. Пекарскому не дали священства под давлением власти, очевидно, признав его негодным по только ей известным соображениям, основанием к которым, надо полагать, послужило поведение Текарского в семинарии. Повидимому, он не подошел к тому типу молодого духовенства, которое допускается диктатурой к исполнению своих обязанностей. Семья Пекарского жила в деревне и он получил место псаломщика в церкви соседней к нему деревни.

Советский антирелигиозный журнал не проходит мимо исключительной бедности Пекарских. Он рассказывает о дырявой соломенной крыше его дома, об упершихся в землю окошках, о сырости, холоде и тесноте его дома. Пишет, что даже смотреть на этот дом тяжело. Как сообщает журнал, колхоз, якобы, несколько раз предлагал Пекарскому другую квартиру, но он всякий раз отказывался. Можно предположить, что семья Пекарских, мать и сын, не хотели обязываться перед властью или ее отдельными представителями и предпочитали бедность каким-либо двусмысленным компромиссам. Повидимому, эта бедность в данных конкретных условиях давала им известную духовную

свободу и, быть может, относительную независимость от представителей власти.

Позиция Ивана Пекарского вызывала народное сочувствие, ибо даже атеистический журнал не может замолчать тот факт, что к И.Пекарскому люди шли, тянулись и активно помогали ему. Причиной, по мнению советского журнала, являлось религиозное рвение И. Пекарского. Пекарский — глубоко-верующий человек. Он стремится к активной миссионерской деятельности. Не взирая на последствия, он развешивает по деревне несколько самодельных афиш, в которых сообщает, что " 22 августа состоится религиозная передача во Славу Господу". В программе передачи обещано пение церковных хоров. Пекарский установил магнитофон на окне своей жибарки и пустил пленку. Передача состоялась. Через неделю передача была повторена. Судя по высказываниям печати, народ на передачу пришел.

В результате, Пекарский был обвинен в нарушении советских законов и ему предложили уплатить штраф. Так как штрафа он не уплатил, его арестовали, насильно усадили в машину и увезли в милицию, где ему, за неповиновение работнику милиции, к штрафу прибавили арест на десять суток с использованием на физических работах. На Пекарского было заведено уголовное дело, в котором ему добавили еще и тунеядство, котя он официально работал псаломщиком. Дело это оказалось настолько дутым, что, в конце концов, Пекарский был выпущен и даже советский журнал должен был признать, что были допущены ошибки и просчеты. В дополнение ко всему, церковное начальство, очевидно, не без давления власти, освободило Пекарского от занимаемой им должности псаломщика. Чем закончилась вся эта история - трудно сказать, но она великолепно характеризует обстановку, в которой верующие выполняют свой религиозный долг.

Как сообщила "Хроника текущих событий" /15/, с весны 1972 г. в Литве начала выходить "Хроника Католической Церкви". В ней подробно описываются суды над католическими священниками, приведены сведения о внесудебных преследованиях духовенства и верующих, опубликованы или подробно изложены письма и заявления властям литовских католиков. Католическая "Хроника" дает много новых подробностей о трудностях, испытываемых Церковью в Литве. Главные из них — строгое ограничение богословского образования и трудность дать детям самое элементарное религиозное обучение. Работа-

ет сейчас только одна семинария, в Каунасе, с ограниченным числом учащихся /30 человек/. Ежегодно разре шается рукополагать только по одному новому священнику для каждой из шести епархий.

Из СССР продолжают поступать мнения из различных кругов советского общества по поводу письма А.И. Солженицына, обращенного к патриарху Пимену.

- Патриарх, получив письмо, говорят, выразился так: "Ну, что-ж, пускай пишет". Был благодушен, потом иронически и горько улыбнулся: "Ему бы побывать, котя бы два дня на моем месте..."
- Часть священнослужителей отнеслась к письму Солженицына отрицательно: Солженицын, мол, бьет без зашитного...
- Некоторые писатели обиделись: "Почему Сол женицын выступил только от лица русских? Православные не только русские..."

Обыкновенные интеллигентные люди говорили:

- Вы читали письмо Солженицына? Молодец! Вот, как надо!
- Хорошо, что написал! Солженицын лауреат Нобелевской премии, весьма заметная фигура. Мировая общественность не может не считаться с его голосом...
- Что нам в том, что мировая общественность посчитается с голосом Солженицына? Здесь все будет продолжаться, как было. Будет антирелигиозная пропа ганда со спадами и подъемами, наши дети будут нахо-диться в руках антирелигиозных воспитателей, церков ную жизнь будут контролировать советские власти,будут требовать всякие справки и документы при крещении... Патриарх будет сидеть на своем месте, как на горячей сковородке, его будут поджаривать и удерживать от кри-ка...Будут и такие иерархи, которые будут работать рука об руку с врагами Церкви. Все будет как было, в такое уж время мы живем...
- А все-таки хорошо, что написал. Это голос не рядового человека и если даже его голос не заставит врагов Церкви перестать делать свое черное дело, то до кого-то достигнет его голос и заставит о чем-то призадуматься. Нужно делать!
- Мне кажется, не страшно, что есть антирелигиозная пропаганда, что нет у нас свободы, что притесняют верующих, что закрывают и разоряют храмы. Может
 быть, если подумать, это и хорошо. Хорошо, говорю, что
 есть крест. Крест ведь заставляет человека быть лучше..."/16/

Таковы голоса оттуда, обсуждающие вопросы нас интересующие с разных точек зрения и заканчивающиеся подлинно духовной концепцией.

Верующая молодежь

Вопрос о верующей молодежи продолжает оставаться в центре религиозной проблемы в СССР. Советская печать и неофициальные источники информации в
этом случае единодушно свидетельствуют о том, что вокруг данной проблемы продолжает идти ожесточенная борьба. Каждый факт детской религиозности болезненно
воспринимается теми, кому надлежит ведать тем, что
происходит на религиозном фронте. Постоянный мотив о
продолжающемся "воспроизводстве религии" не сходит со
страниц советских газет различных калибров и значения.
Особенно остро стоит вопрос сейчас о верующих школь —
никах, ибо на школу возлагаются сейчас совершенно
особые задачи в отношении атеистического воспитания
подрастающего поколения.

Не так давно центральная атеистическая печать /17/ вынесла на свои страницы историю с Петей Дайбо вым, ученикомЭржейской начальной школы, Тувинской АССР. Журнал сообщает, что Петя Дайбов в прошлом году снял крест, очевидно, под давлением очередной разъяснительной кампании, а теперь опять надел его. Как рассказывает директор школы, снимал и одевал крест брат Пети, Никита. Оказывается, в поселке, где нахо дится школа, проживает немало старообрядцев, продол жающих героически отстаивать свой религиозный уклад жизни. История с петиным крестом весьма характерна для текущего момента. В смысле духовного влияния на детей со школой сильно конкурирует в семье Дайбовых бабушка Устинья Гермогеновна и, как выражается журнал, "нелегальный эржейский наставник", Лесков. Бабушка обращает большое внимание на религиозное воспитание внучат, а ее дочь Дуся, будучи приглашенной на родительское собрание в школе, совершенно открыто заявила: "Почему вы против креста? Что, вам крест учить меща ет?" В ответ на это смелое заявление Дуси, советская печать бубнит что-то нечленораздельное о том, что Петя подвергается принудительному крестоношению и в прямом и в переносном смысле.

Интересны те выводы, которые делают для себя атеисты, описывая случай с Петей Дайбовым. По их мне-

нию, это эпизод, но из таких эпизодов складывается судьба многих маленьких граждан, как данного поселка, так и других, находящихся поблизости. Это признание свидетельствует еще раз о том, что борьба за молодое поколение упорно продолжается с обеих сторон.

В семье верующих Кудрявцевых, живущих в поселке Сизим, восемь детей. И все дети носят кресты, несмотря на то, что это крестоношение не обходится без неприятностей для них самих и, особенно, для их родителей.

Советские атеисты принуждены признать, что иногда "вера в Бога утверждается в детском сознании довольно прочно". /18/ Это признание подкрепляется еще констатацией и того факта, что верующие дети, как правило, делаются совершенно невосприимчивыми к атеистической пропаганде и между ними и атеистами возни – кает своеобразный психологический барьер, требующий "особых методов атеистического воздействия".

Советская печать 1973 года сообщила, что,со – гласно исследованиям специалистов, таинство крещения было совершено в 1972 году почти над половиной всех новорожденных. По другим сведениям, этот процент в указанном году был значительно больше половины.

В СССР не только крестят детей, но молодежь, не взирая на всякого рода последствия, идет венчаться в православные храмы. В Тростянецком районе /УССР/ в 1972 году было зарегистрировано 438 браков, из них только в двух десятках случаев были комсомольские свадьбы. Но зато совсем нередко в этом районе молодожены, после регистрации в загсе, идут прямо в церковь для совершения венчания.

Из советской печати мы узнаем о любопытном случае, происшедшем в городе Сумы. Работница завода им. Фрунзе, Людмила Шапаренко, "легкомысленно" согласилась быть крестной матерью своего племянника Сережи. Когда она пришла в церковь, то священник спросил ее: крещеная она или нет? Получив отрицательный ответ, он ей объяснил, что крестной матерью нельзя быть некре — щеной и тут же окрестил ее. Печать признает, что по — добные случаи далеко не единичны. В областном центре Людмила Игошина, работавшая ученицей в лаборатории химкомбината, приняла крещение на девятнадцатом году. Лаборантка регенераторного завода Наталья Чичикалова крестилась на двадцать первом году своей жизни, а мастер завода им. Фрунзе, Анатолий Кошеленко, и его же-

на, техник-конструктор Тамара, крестили свою дочь Викторию, школьницу. То же делают и многие другие /19/.

Центральный антирелигиозный журнал сообщил читателям, что в прошедшем году в Москве, на Ленинских горах, в новом здании гуманитарных факультетов МГУ, состоялся первый всесоюзный семинар преподавателей курса основ научного атеизма, преподающегося в большинстве вузов страны /20/. На первом семинаре присутствовало 765 человек - цвет советского, т.н. научного, атеизма, его избранная элита, призванная руководить разгромом религии и насаждением "научно-атеистического мировоззрения". Почему был собран всесоюзный семинар осталось неизвестным. Однако, спустя несколько месяцев после проведения указанного семинара, корреспондент журнала "Наука и религия" встретился с начальником отдела преподавания общественных наук министерства высшего и среднего специального образования СССР, д-ром А.П. Шептулиным, и попросил его ответить на некоторые вопросы, связанные с московским атеистическим семинаром. На вопрос - чем было вызвано проведение семинара? - проф. Шептулин ответил до резкости определенно, полностью раскрыв свои карты. Повидимому, основной причиной московского слета атеистической элиты, являлся рост религиозности молодежи и ее равнодушие к воинствующему атеизму. И это уже не утверждение западных советологов, а свидетельство представителя партийной правящей верхушки. "Формирование мировоззрения молодежи, ее нравственных идеалов - одна из основных задач воспитания, в том числе и на уровне высшей школы" - так сформулировал свой ответ советский сановник. Что же надо формировать у советской молодежи через более чем полстолетия существования советской власти и зачем для этого собирать в Москву преподавателей атеизма со всего Советского Союза на экстраординарный форум - читатель может понять и без наших объяснений.

Развивая свои мысли о воспитании молодого поколения, Шептулин подчеркнул, что вузы должны давать будущим специалистам не только знания, но и выработать у них определенный мировоззренческий стандарт, дающий, по его мнению, правильную ориентацию в жизни. И здесь придается большое значение атеизму, усматривая в нем одну из мировоззренческих основ строя, начинающую трещать в интеллектуальных кругах советской молодежи.

"Сейчас недостаточно просто не верить в Бога; - продолжал поучать Шептулин, - человек с высшим обра-

зованием должен иметь определенную сумму знаний в области атеизма, уметь вести атеистическую пропаганду среди населения, активно участвовать в коммунистическом воспитании людей".

И так как эти оптимальные задачи борьбы на религиозном фронте еще далеко не достигнуты и на пути их осуществления стоит такой "пустяк", как мировоззренческо-оппозиционные или индифферентные настроения советской молодежи, и был созван семинар атеистической верхушки.

К этому надо еще добавить, что власть сейчас крайне обеспокоена продолжающимся просачиванием с Запада в СССР всякого рода религиозной литературы и тем интересом к этой литературе, который проявляет советская молодежь.

AHNOS RAHEONINIES

Страна продолжает находиться в состоянии войны, происходящей между верой и советским атеизмом. Иначе то, что происходит на ее просторах, не назовещь. И если советские атеисты стараются избегать подобной терминологии и возмущаются, когда находят ее в литературе, изданной на Западе, то это возмущение деланное, вызываемое задачами политического камуфляжа, ибо они прекрасно понимают, что в стране продолжается и отнымы не уменьшается религиозное движение сопротивления богоборческой политике власти. О том, что это сопротивление не уменьшается, несмотря на зажим, который неуклонно увеличивает диктатура, свидетельствует следующее.

Секретарь Костромского обкома КПСС, Б.Архипов, выступил с довольно обширной статьей /22/, в которой, после обычной здравицы о достижениях, он пускается в некоторые рассуждения по вопросам, связанным со степенью религиозности населения вверенной ему области. Он утверждает, что в социалистическом обществе ликвидированы классовые корни религии, порождавшие, по его мнению, массовую религиозность населения. Но, тем не менее, вера в Бога продолжает сохраняться у части населения, как пишет Архипов, не беспричинно. Считая, что для выявления этих причин надо вести всякого рода научные исследования, он причин религиозности не выясняет, но сообщает кое-какие интересные данные. В частности, из его статьи мы получаем подтверждение, что официально верует в Бога 25-30% населения.

Например, в Костромской области 10% населения относятся им к категории стойких верующих, а 16% к категории колеблющихся. Из этого вытекает, что в данном случае процент религиозности составляет минимум 26% всего населения области. Есть над чем задуматься. При этом.цифра в 26% относится только к взрослому населению; детская религиозность и верующие подростки сюда не входят. Следовательно, фактический процент религиозности населения еще выше. Данные эти получены путем социалогических исследований. Так как далеко не все склонны быть объектом подобного рода исследований или, попадая в их орбиту, по причинам личной безопасности принуждены "записываться" или в атеисты, или в колеблющихся, или в интересующихся, есть основания предполагать. что и приведенные цифры, даже со взятыми поправками, являются заниженными, ибо не включают в себя тайно-верующих. Выводы из всего этого сделать не труд-

Разрушая и закрывая православные и иные храмы, коммунистическая диктатура предполагала, что уменьшение количества храмов приведет к снижению религиозности в стране. В свое время так думал Сталин и просчитался. Тот же путь отождествления храмовой деятельности с полнотой религиозного мировоззрения повторяют и современные властители России и снова ошибаются. В этом совершенно открыто признается и секретарь Костромского обкома КПСС. Он считает, что "было бы неправильно считать, что число верующих находится в прямой зависимости от количества функционирующих храмов"./23/Эту проблему секретарь обкома благоразумно не углубляет.

Сейчас власть подразделяет верующих на следующие группы: 1/ безусловно верующие; 2/ верующие не посещающие церкви по ряду причин, в том числе, видимо, и по той причине, что близко нет открытого храма; 3/ робко верующие; 4/ колеблющиеся; 5/ относящие себя официально к неверующим, но крестящие своих детей по тем или иным причинам, а также имеющие в домах иконы и празднующие религиозные праздники.

Классифицируя верующих, изучая степень их религиозности, власть через печать одновременно проявляет беспокойство о том, что среди определенных кругов населения усиленно продолжает распространяться стремление к коллекционированию икон, учащаются факты похищения икон из бездействующих и действующих храмов,

и считает, что эти явления объясняются жаждой спеку – ляции и наживы. Не исключена, однако, возможность, что эти "похищения" икон из храмов связаны также с тем, что власть под шумок продолжает постепенно закрывать церкви, а верующие стремятся незаметно спасти дорогие для них святыни. /24/

Борьба идет...Власть озабочена, но явно не может справиться с религиозным движением сопротивле — ния. Поэтому не случайно бюро Фрунзенского обкома КП СС, отмечая учащение случаев нарушения советского законодательства о культах, одобрило, между прочим, привлечение к работе по выявлению нелегальных религиоз—ных организаций комсомольского актива и студентов вузов. /25/

"Война идет такая, когда многих наших лучших командиров перебили, когда нас осталось немного... нужно беречь каждого человека. Тихо, молча, надо делать чтобы не выявить себя врагу. Молча воспитывать своих детей в христианском духе, укреплять почти развалившуюся семью. Вразумлять бесчинствующих, стараться понять друг друга — ведь нас разобщили. Каяться и освобждаться от захлестнувшего нас греха. Нести неве рующую Россию на своих плечах", — как сказал один из русских иерархов, хорошо знающий обстановку на религиозном фронте в СССР.

Как всегда бывает, всякая борьба или война содержит в себе неисчислимые противоречия, которые не всегда можно понять и правильно оценить. Слова о что идущая религиозная война создала тяжелое положение для верующих, сталкиваются с доходящими до нас сведениями о некоторых отрадных явлениях на религиозном фронте. Из далекой Армении дошли сведения, что верующие стали собираться у дверей закрытых и оскверненных храмов, зажигать там свечи и лампады перед принесенными иконами и совершать богослужения. Другими словами, верующие духовно отвергли закрытие властью храмов и продолжают считать их святыней, хотя и оскверненной безбожниками, и, подчеркивая свое отношение к происходящему, совершают на порогах этих храмов то, что должно было бы совершаться внутри. Эта духовная победа говорит нам больше, чем любая констатация ухудшения положения верующих.

В заключение скажем, что многие наши выводы о положении на религиозном фронте в СССР нашли свое полное подтверждение в документе, попавшем из СССР на за-

пад. Мы имеем в виду доклад о законодательстве и о положении религии в СССР, сделанный Комитету по защите прав человека, возглавляемому академиком Сахаровым, ближайшим его сотрудником - И.Р. Шафаревичем, математиком, членом-корреспондентом Академии Наук СССР, лауреатом Ленинской премии /26/. Доклад И.Р. Шафаревича достаточно краток, но его содержание полностью подтверждает все то, что мы пишем, как в этой работе, в предыдущих. Почти ни в одном пункте нет расхождений между теми данными, которые дает Шафаревич и теми сведениями, которыми располагают исследователи зарубежом. И.Р. Шафаревич во многих случаях опирается на те же материалы, которые были использованы и нами и приводит ряд примеров, уже опубликованных в зарубежных изданиях. ссылаясь часто на те же источники, ссылки на которые мы можем найти в зарубежных трудах, посвященных положению религии в СССР. Охватывая в своем докладе религиозную жизнь в Советском Союзе в том виде, она сложилась в настоящее время и не углубляясь в прошлое дальше начала шестидесятых годов, автор не только анализирует законы, инструкции, постановления и циркуляры, регламентирующие религиозную жизнь в СССР, но и обращает внимание на основные факты религиозной жизни страны. Изучая советскую прессу, в смысле освещения ею вопроса о религии, И.Р. Шафаревич пользуется теми же материалами, которыми пользуются зарубежом. В этом нет ничего удивительного, но весьма важно то, что анализируя данные советской печати, автор приходит к выводам аналогичным тем, к которым приходим и мы.

Появление доклада И.Р.Шафаревича явилось своего рода "лакмусовой бумажкой", показывающей, что зарубежные исследователи религиозной жизни в СССР стоят, в основном, на правильном пути и именно это обстоятельство и является причиной столь бурной реакции советской печати, которую нам приходится от времени до времени наблюдать.

Прот. Д. Константинов

Новая Англия 1974 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

приложение первое

Ниже мы приводим некоторые ориентировочные данные по сведениям 1968—1971 г. г. об открытых храмах в отдельных городах. Данные эти приблизительные, ибо количество открытых церквей и молитвенных домов меняется и за приведенное четырехлетие оно также могло измениться. Кроме того, помещенные данные отмечают храмы, о которых имеются проверенные сведения. Это не значит, что кроме полавших в наш перечень церквей, нет еще и других, которые не попали в список, хотя это и мало вероятно.

Мы приводим, главным образом, данные по городам, не указывая сельские храмы. Кроме того, сведения выборочного характера приводятся, конечно, не по всем городам, а по наиболее известным. Таким образом, приводимый нами перечень не надо рассматривать как полный список открытых церквей. Это лишь перечень некоторых известных нам храмов, которые в своем большинстве, во всяком случае, были открыты и действовали в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов. Но одновременно мы можем отметить, что за последние годы мы не имели почти никаких указаний о том, что в перечисленных ниже городах имеются еще какие-либо открытые церкви или молитвенные дома; что не исключает, конечно, такой возможности, и поэтому, повторяем, данный перечень носит не исчерпывающий, а скорее выборочный характер.

Мы указали выше, что даем данные по некоторым городам; не надо, однако, забывать, что главная масса открытых еще храмов находится вне городов, в деревне, обслуживая сельское население и отчасти близлежащие города, лишенные совершенно храмов.

Приводим данный перечень, располагая названия городов в алфавитном порядке. (В Латвии, Литве, Эстонии, а равно в городах Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии, присоединенных к СССР перед началом войны с Германией, сохранилось значительно больше открытых храмов, чем в собственно СССР в границах 1939 года):

Арзамас — Собор «Воскресение Словущее».

Анапа — Свято-Онуфриевский молитвенный дом.

Армавир — Свято-Троицкий храм.

Архангельск — Свято-Ильинский кафедральный собор; храм св. исповедника Мартина; храм во имя Всех Святых.

Ахтырка — храм св. Жен Мироносиц; Свято-Михайловский храм.

Баку — храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; Свято-Михайловский храм.

Балахна — храм во имя Сретения Господня.

Бахчисарай — Свято-Никольский молитвенный дом.

Барнаул — Свято-Покровский храм.

Бежецк — Спасо-кладбищенский храм.

Белгород — Свято-Иоасафовский кафедральный собор.

Бердянск — Свято-Рождественский собор.

Бирск — Михаило-Архангельский храм.

Вильнюс — Свято-Духовский мужской монастырь; Пречистенский (Свято-Успенский) кафедральный собор; Свято-Никольский храм; св. Константино-Еленинский храм; Свято-Михайловский храм.

Винницы — Кафедральный собор.

Витебск — храм в честь Иконы Казанской Божией Матери.

Владимир — Свято-Успенский кафедральный собор; Князь-Владимирская церковь (кладбищенская).

Владимир-Волынский — Свято-Успенский кафедральный собор; Свято-Васильевская церковь.

Волгоград — Казанский собор; храм во имя преп. Никиты Исповедника.

Вологда — храм во имя праведного Лазаря.

Воронеж — Свято-Покровский кафедральный собор; храм во имя Иконы Казанской Божией Матери; Свято-Никольский храм.

Вышний-Волочек — Богоявленский собор.

Гагарин (бывш. Гжатск) — Свято-Вознесенский храм.

Геленджик — Свято-Вознесенский храм.

Гомель — Свято-Николаевский храм.

Горький — Кафедральный собор; храм в слободе Печеры; храм в поселке Карповка.

Грозный — Михаило-Архангельский храм.

Джамбул — Свято-Покровский храм.

Днепропетровск — Свято-Троицкий кафедральный собор; Свято-Благовещенский храм; пригороды: поселок Новые Кайданы — Свято-Никольская церковь; пос. Клочко — Трехсвятительский храм; пос. Таромский — храм в честь Гладимирской Иконы Божией Матери.

Евпатория — Свято-Николаевский собор.

Ейск — Свято-Никольский молитвенный дом.

Елец — Свято-Вознесенский собор.

Ессентуки — Свято-Никольская церковь.

Иванов — Свято-Преображенский кафедральный собор.

Изюм — Свято-Вознесенский храм на «Песках».

Иркутск — Знаменский кафедральный собор: Крестовоздвиженский храм.

Каменец-Подольск — Свято-Покровский храм.

Калинин (Тверь) — Кафедральный собор «Белая Троица».

Караганда — Храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; храм во имя Архистратига Михаила.

Камышин — Свято-Никольский храм.

Керчь — Свято-Афанасьевский храм; Свято-Успенский храм (в поселке Ст. Карантин).

Киев — Свято-Владимирский кафедральный собор; Киево-Флоровский Вознесенский женский монастырь; Покровский женский монастырь; храм Пуще-Водицы (во имя преп. Серафима Саровского); Свято-Ильинская церковь; Свято-Троицкий храм (с. Троещину — предместье Киева).

Кингисепп — Свято-Николаевский храм.

Кинешма — Свято-Успенский собор.

Киров — Свято-Серафимовский храм (он же кафедральный собор).

Кисловодск — Крестовоздвиженский молитвенный дом; Свято-Пантелеимоновский храм.

Кишинев — Кафедральный собор; Свято-Вознесенский храм; Свято-Троицкий храм; Всехсвятская кладбищенская церковь.

Козельск — Свято-Благовещенский храм.

Конотоп — Свято-Вознесенский храм.

Кострома — Воскресенский кафедральный собор; Иоанно-Златоустовский храм; Спасский храм на Запрудне; Алексан-

дро-Антониевский храм за Волгой.

Котлас — Свято-Стефаниевский храм.

Краснодар — Свято-Георгиевский храм.

Краматорск — Свято-Покровский храм. Красноярск — Свято-Троицкий храм.

Кременчуг — храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы (в пригороде Крюково).

Кривой Рог — Свято-Вознесенский храм.

Кунгур — Всехсвятский храм.

Курск — Сергиево-Казанский кафедральный собор: Всехсвятский храм: Свято-Вознесенский храм: Свято-Никитский клалбишенский храм.

Ленинград — Николо-Богоявленский кафедральный собор; Свято-Тронцкий собор (Александро-Невской лавры): Спасо-Преображенский собор; Князь-Владимирский собор: Свято-Троицкий храм («Кулич и Пасха»); храм во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова (Ленинградской духовной академии); Свято-Серафимовский храм (на Смоленском кладбище); Храм во имя св. благ. вел. князя Александра Невского (на Шуваловском кладбище); Свято-Никольский (Больше-Охтинский храм); Свято-Иовский храм (на Волковом кладбище); Свято-Димитриевская (Коломенская церковь); храм Нерукотворного Спаса (Парголово); в далеких пригородах: пос. Рошаль (Гатчинский р-н) — Свято-Покровский храм; поселок Вырица — Свято-Петропавловский храм; гор. Новая Ладога — Собор во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; гор. Гатчино — собор св. апостола Павла. (В печати промелькнуло сообщение, что в Ленинграде открыто 17 православных храмов. Очевидно, эта цифра относится не только собственно к Ленинграду, но и к его ближайшим пригородам. В самом городе 17-ти открытых храмов нет. Данные по Ленинграду, равно как и данные по Москве, откорректированы нами по материалам Института по Изучению СССР в Мюнхене, любезно предоставленным автору этой книги научным сотрудником Института Н. А. Теодорович, много лет работающей в этой же области).

Луганск — Николо-Преображенский собор.

Львов — Свято-Юрский (Георгиевский собор); Свято-Успенский храм; Свято-Преображенский храм; Малая Свято-Юрская (Георгиевская) церковь; Свято-Николаевский храм.

Магнитогорск — Свято-Михайловский храм.

Медногорск — Свято-Никольский молитвенный дом.

Минеральные Воды — Свято-Покровский молитвенный дом.

Минск — Свято-Духовский кафедральный собор; храм во имя св. благ. и велик. князя Александра Невского на «военном кладбише».

Мичуринск — Скорбященская церковь.

Могилев — храм во имя свв. князей Бориса и Глеба.

Мурманск — Свято-Никольский храм.

Нальчик — Свято-Симеоновский храм (Симеона Столпника).

Нарва — Свято-Воскресенский собор; Свято-Владимирский храм.

Нежин — Свято-Васильевский храм.

Никополь — Крестовоздвиженский молитвенный дом.

Новгород — Храм во имя св. апостола Филиппа.

Новгород-Северский — Свято-Успенский храм.

Новороссийск — Свято-Успенский храм.

Новосибирск — Свято-Вознесенский кафедральный собор; Свято-Петропавловский храм.

Новочеркасск — Свято-Вознесенский кафедральный собор.

Омск — Свято-Воздвиженский кафедральный собор.

Одесса — Свято-Успенский кафедральный собор; Успенский монастырь; Свято-Ильинский собор; Свято-Троицкий храм Александрийского подворья; Свято-Димитриевская кладбищенская церковь; храм во имя Рождества Богородицы; Рождество Богородицкий (Михайловский) женский монастырь.

Орел — Кафедральный собор.

Орджоникидзе — Свято-Ильинская церковь; Свято-Покровский молитвенный дом.

Остров — Николо-Троицкий храм.

Павлоград — Свято-Успенский храм.

Печеры — Свято-Успенский (Псково-Печерский) монастырь.

Пенза — Свято-Успенский кафедральный собор; Свято-Митрофаниевский храм.

Полтава — Кафедральный собор; Спасский храм; Свято-Петропавловский храм.

Почаев — Свято-Успенская Почаевская лавра.

Пятигорск — Лазаревская церковь.

Псков — Свято-Троицкий кафедральный собор.

Рига — Свято-Тронцкий кафедральный собор; храм во имя Всех Святых; храм во имя Иоанна Крестителя (кладби-

щенский); Троице-Сергиев женский монастырь; Свято-Алексанровский храм; Свято-Благовещенский храм; Свято-Покровский храм; Свято-Преображенский храм; Свято-Еладимирский храм (на Взморье); Свято-Михайловский храм; Свято-Вознесенский храм.

Ровно — Свято-Успенский храм.

Ромны — Свято-Васильевский храм.

Рославль — Свято-Преображенский храм; Свято-Вознесенский храм.

Ростов на Дону — Свято-Рождественский кафедральный собор; храм во имя св. царицы Александры; Свято-Вознесенская (кладбищенская) церковь.

Рыбинск — Свято-Георгиевский — Вознесенский храм; Скорбященский храм.

Рязань — Свято-Борисоглебский кафедральный собор; Скорбященский храм.

Самарканд — Свято-Покровский собор; Свято-Георгиевский храм.

Саратов — Свято-Троицкий кафедральный собор; Духосошественный собор.

Свердловск — Свято - Иоанно - Предтеченский кафедральный собор.

Севастополь — Храм во имя Всех Святых.

Симферополь — Свято-Троицкий кафедральный собор; Всехсвятская церковь.

Смоленск — Свято-Успенский кафедральный собор; храм во имя преп. Антония Печерского; Спасо-Околная церковь.

Сочи — Свято-Михаило-Архангельский собор.

Ставрополь — Свято-Андреевский кафедральный собор; Свято-Успенский храм.

Стерлитамак — Никольский молитвенный дом.

Сумы — Свято-Преображенский кафедральный собор; Свято-Ильинский храм; Свято-Петропавловская кладбищенская церковь; Свято-Иоанно-Предтеченский храм.

Сызрань — Казанский собор.

Таллин — Александро-Невский кафедральный собор; Свято-Никольская церковь; Храм во имя Иоанна Предтечи; Скорбященская церковь; Храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.

Ташкент — Каферальный собор; Свято-Троицкий храм; Свято-Александровский кладбищенский храм.

Тихорецк — Свято-Успенский храм.

Томск — Свято-Троицкий храм; Петропавловский храм.

Торжок — Михаило-Архангельский храм.

Туапсе — Крестовоздвиженский храм.

Тула — Всехсвятский кафедральный собор; храм во имя св. 12-ти Апостолов; Спасский храм; храм во имя св. влкмч. Димитрия Солунского.

Уральск — Свято-Преображенский храм.

Уфа — Свято-Сергиевский кафедральный собор; Крестовоздвиженский храм; Свято-Покровский храм.

Феодосия — Казанский собор; Свято-Екатерининский храм. **Ферган** — Храм во имя преп. Сергия Радонежского

Харьков — Свято-Благовещенский кафедральный собор; Казанский храм (на Лысой горе); Константино-Елененский храм; храм в честь иконы Озерянской Божией Матери; Трехсвятительский храм; Петролавловский храм; Свято-Покровский храм (на Основе); Свято-Иоанно-Предтеченский храм; Вознесенский молитвенный дом (пос. Липовая Роща).

Херсон — Свято-Духовский собор; храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы (в пригороде).

Челябинск — храм во имя преп. Симеона Верхотурского.

Череповец — Свято-Воскресенский собор.

Чернигов — Свято-Воскресенский кафедральный собор.

Чугуев — Храм «Всех Скорбящих Радосте».

Ялта — Александро-Невский собор.

Ярославль — Свято-Федоровский кафедральный собор.

Ниже мы приводим отдельно некоторые сведения по Московской епархии и по самому городу Москве. Приведенные данные, как указывалось выше, пополнены нами перечнем московских храмов, составленным научной сотрудницей Мюнхенского Института Изучения СССР — Н. А. Теодорович.

Москва — Свято-Богоявленский патриарший кафедральный собор; Свято-Троицкое патриаршее подворье (с. Лукино под Москвой); храм Воскресения Словущего; храм во имя св. Иоанна Воина; Знаменский храм; Свято-Воскресенский храм в Сокольниках; храм «Всех Скорбящих Радосте»; Петропавловская церковь у Яузских ворот; Свято-Духовский храм (кладбищенский); Свято-Воскресенский храм на Ваганьсковском кладбище; храм в честь Донской иконы

Божией Матери (в б. Донском монастыре); Петропавловский храм в Лефортове; Петропавловский храм на Солдатской ул.: храм Ризоположения: Свято-Никольский храм в Хамовниках: Свято-Предтеченская церковь на Красной Пресне: Свято-Успенский храм в б. Новодевичьем монастыре: Свято-Никольский храм на Преображенском кладбище: храм «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще: Свято-Преображенский храм на Б. Ордынке; Свято-Никольский храм на Рогожском кладбище: Крестовоздвиженский храм (Черкизово). Этим, однако, повидимому, все открытые храмы Москвы не исчерпываются.

НЕКОТОРЫЕ ГОРОЛА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Волоколамск — Свято-Покровский храм; храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.

Дмитров — храм Казанской Божией Матери.

Загорск — Свято-Троице-Сергиева Лавра.

Звенигород — Свято-Успенский собор.

Клин — храм «Всех Скорбящих Радосте». Коломна — Свято-Богоявленский собор.

Можайск — Свято-Ильинский храм.

Орехово-Зуево — Собор.

Серпухов — Свято-Ильинский храм.

приложение второе

Поместный Собор 1971 года состоял из 236 человек (делегатов). Из них было:

митрополитов	9
архиеписколов	29
епископов	34
архимандритов	9
игуменов	1
иеромонахов	1
протоиереев	66
священников	6
протодиаконов	2
диаконов	1
мирян	78.

Всего участников Собора, вместе с зарубежными гостями, было 310 человек. Члены Собора представляли 68 епархий в СССР, 7 епархий и епископий в Ю. Америке и в Зап. Европе, а также и другие церковные образования Моск. патриархии заграницей.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ВСЕРОССИЙСКОМУ ПАТРИАРХУ ПИМЕНУ ВЕЛИКОПОСТНОЕ ПИСЬМО

Святейший Владыко! Камнем гробовым давит голову и разламывает грудь еще не домершим православным русским людям то, о чем это письмо. Все знают и уже было крикнуто вслух и опять все молчат обреченно. И на камень еще надо камешек приложить, чтобы дальше не мочь молчать. Меня таким камешком придавило, когда в Рождественскую ночь я услышал Ваше послание.

Защемило то место, где Вы сказали наконец о детях — может быть, первый раз за полвека с такой вестью: чтобы наряду с любовью к Отчизне родители прививали бы своим детям любовь к Церкви (очевидно, и к вере самой?) и ту любовь укрепляли собственным добрым примером. Я слышал это — и поднялось передо мной мое раннее детство, проведенное во многих церковных службах, и то необычайное по свежести и чистоте изначальное впечатление, которого потом не могли истереть никакие жернова и никакие умственные теории.

Но что это? Почему этот честный призыв обращен Вами только к русским эмигрантам? Почему только тех детей Вы зовете воспитывать в христианской вере? Почему только дальнюю паству Вы остерегаете «распознавать клевету и ложь» и укрепляться в правде и истине? А нам распознавать? А нашим детям прививать любовь к Церкви или не прививать? Да, повелел Христос идти разыскивать даже сотую потерян-

Да, повелел Христос идти разыскивать даже сотую потерянную овцу, но все же, когда девяносто девять на месте. А когда и девяноста девяти подручных нет — не о них ли должна быть забота первая? Почему, придя в церковь крестить сына, я должен предъявить свой паспорт? Для каких канонических надобностей нуждается Московская Патриархия в регистрации крестящихся душ? Еще удивляться надо силе духа родителей, из глубины веков унаследованному неясному душевному сопротивлению, с которым они проходят доносительскую эту регистрацию, потом подвергаясь преследованию по работе или публичному высмеиванию от невежд.

Но на том иссякает настойчивость. На крещении младенцев обычно кончается все приобщение детей к Церкви. Последующие пути воспитания в вере глухо закрыты для них; закрыт доступ к участию в церковной службе, иногда и к причастию, а то и присутствию. Мы обкрадываем наших детей, лишая их неповторимого, чисто ангельского восприятия богослужения, которого в зрелом возрасте уже не наверстать и даже не узнать, что потеряно. Перешиблено право продолжать веру отцов; право родителей воспитывать детей в собственном миропонимании, — а вы, церковные иерархи смирились с этим и способствуете этому, находя достоверный признак СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ в том. В том, что мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганды самой примитивной и недобросовестной. В том, что отрочеству, вырванному из христианства, — только бы не заразилось им! — для нравственного воспитания оставлено ущелье между блокнотом агитатора и уголовным кодексом.

Уже упущено полувековое прошлое, уже, не говорю, вызволить настоящее, но БУДУЩЕЕ нашей страны как же спасти? Будущее, которое составится из сегодняшних детей?

В конце концов, истинная и глубокая судьба нашей страны зависит от того, окончательно ли укрепится в народном понимании ПРАВОТА СИЛЫ или очистится от затменья и снова засияеть СИЛА ПРАВОТЫ? Сумеем ли мы восстановить в себе коть некоторые христианские черты или дотеряем их все до конца и отдадимся расчетам самосохранения и выгоды?

Изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она протекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности, и народ слушал бы голос ее, сравнимо бы с тем, как например, в Польше.

Увы, у нас давно не так. Мы теряли и утеряли светлую, этическую христианскую атмосферу, в которой тысячелетия устаивались наши нравы, уклад жизни, мировоззрения, фольклор, даже само название людей КРЕСТЬЯНАМИ. Мы теряем последние черточки и признаки христианского народа. И неужели это может не быть ГЛАВНОЙ заботою русского Патриарха? По любому злу в дальней Азии или Африке русская Церковь имеет свое взволнованное мнение, лишь по внутренним бедам — никогда, никакого.

Почему так традиционно-безмятежны послания, исходящие к нам с церковных вершин? Почему так благодушны все церковные документы, будто они издаются среди христианнейшего народа? От одного безмятежного послания к другому в один ненастный год не отпадет ли нужда писать их вовсе: их

будет не к кому обратить, не останется паствы, кроме Патриаршей Канцелярии.

Вот уже седьмой год пошел, как два честнейших священника, Якунин и Эшлиман, своим жертвенным примером подтверждая, что не угас чистый пламень христианской веры на нашей родине, написали известное письмо Вашему предшественнику. Они обильно и доказательно представили ему то добровольное внутреннее порабощение — до самоистребления, до которого доведена русская Церковь: они просили указать им, если что неправда в их письме. Но каждое слово их было ПРАВДА, никто из иерархов не взялся их опровергнуть. И как же ответили им? Самым простым и грубым: наказали, за правду — отвергли от богослужения. И Вы — не исправили этого по сегодня. И страшное письмо двенадцати вятичей также осталось без ответа, и только давили их. И по сегодня все также сослан в монастырское заточение единственный бесстрашный архиепископ — Гермоген Калужский, не допустивший закрывать свои церкви, сжигать иконы и книги запоздалоостервенелому атеизму, так много успевшему перед 1964-ым годом в остальных епархиях.

Седьмой год, как сказано в полную громкость — и что же изменилось? На каждый действующий храм — двадцать снесенных и разрушенных безвозвратно, да двадцать в запустении и осквернении, — есть ли зрелище более надрывное, чем эти скелеты, достояние птиц и кладовщиков? Сколько населенных мест по стране, где нет храма ближе ста и даже двухсот километров? И совсем без церквей остался наш Север — издавнее хранилище русского духа, и, предвидимо, самое верное русское будущее. Всякое же попечение ВОССТАНОВИТЬ хоть самый малый храм, по однобоким законам так называемого ОТ-ДЕЛЕНИЯ, перегорожено для деятелей, для жертвователей, для завещателей. О колокольном звоне мы уже и спрашивать не смеем — а почему лишена Россия своего древнего украшения, своего лучшего голоса? Да храмы ли? Даже Евангелия у нас нигде не достать, даже Евангелие везут нам из-за границы, как наши проповедники везли когда-то на Индигирку.

Седьмой год — и хоть что-нибудь отстояно Церковью? Все церковное управление, поставление пастырей и епископов (и даже бесчинствующих, чтоб удобнее высмеять и разрушить Церковь) все также секретно ведется из СОВЕТА ПО ДЕЛАМ. Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище невиданное за два тесячелетия. Их контролю отдано и все цер-

ковное хозяйство, и использование церковных средств — тех медяков, опускаемых набожными пальцами. И благолепными жестами жертвуется по пять миллионов рублей в посторонние фонды — а нищих гонят в шею с паперти, а прохудившуюся крышу в бедном приходе не на что починить. Священники бесправны в своих приходах, лишь процесс богослужения пока еще доверяется им, и то не выходя из храма, а за порог к больному или на кладбище надо спрашивать постановления горсовета.

Какими доводами можно убедить себя, что планомерное РАЗРУШЕНИЕ духа и тела Церкви под руководством атеистов — есть наилучшее СОХРАНЕНИЕ ее? Сохранение — для кого? Ведь уже не для Христа. Сохранение — чем? ЛОЖЬЮ? Но после лжи — какими руками совершать евхаристию?

Святейший Владыко! Не пренебрегите вовсе моим недостойным возгласом. Может быть, не всякие семь лет Вашего слуха коснется и такой. Не дайте нам предположить, не заставьте думать, что для архипастырей русской Церкви земная власть — выше небесной, земная ответственность — страшнее ответственности перед Богом.

Ни перед людьми, ни тем более на молитве не слукавим, что внешние путы сильнее нашего духа. Не легче было и при зарождении христианства, однако, оно выстояло и расцвело. И указало нам путь: ЖЕРТВУ. Лишенный всяких материальных сил — в ЖЕРТВЕ всегда одерживает победу. И такое же мученичество, достойное первых веков, приняли многие наши священники и единоверцы на нашей живой памяти. Но тогда — бросали львам, сегодня же можно потерять только благополучие.

В эти дни, коленно опускаясь перед Крестом, вынесенным на середину храма, спросите Господа: какова же иная цель Вашего служения в народе, почти утерявшем и дух христианства, и христианский облик?

Александр Солженицын, Великий пост, Крестопоклонная неделя, 1972-ой гол.

ГЛАВА І

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ В СССР

1) Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и атенстического воспитания. Под редакцией проф. И. Д. Панцхава. М., изд-во Московского университета, 1969, стр. 153.

2) Полный текст письма см. например: Русская Мысль, Париж, № 2743,

19 июня 1969.

3) The Orthodox Church, New York, Vol. 7, Nr. 2, February 1971; Людина и свит, Киев, № 10, 1970, стр. 28.

4) Хроника текущих событий, Выл. 10, Новое Русское Слово. Нью-Йорк.

№ 21772, 22 января 1970.

5) Наука и религия, Москва, № 5, 1970, стр. 3-4.

6) Там-же; стр. 35-36.

7) Наука и религия, Москва, № 12, 1969, стр. 5.

8) Известия, № 58 (15757), Москва, 10 марта 1968.

9) Хроника текущих событий. Вып. 15. Посев, Франкфурт-Майн, шестой специальный выпуск, 1971, стр. 23.

10) Там-же.

Журнал Московской патриархии, № 8, 1967, стр. 27.

12) Наука и религия, Москва, № 12, 1970, стр. 65.

13) Там-же; стр. 65-66.

14) Там-же; стр. 66. 15) Литературная газета, Москва, № 44, 29 октября 1969.

16) Владимир Солоухин, Зимний день, Рассказы, Черные доски (Записки начинающего коллекционера). Москва, изд-во Советский писатель, 1969, стр. 147 и 149.

17) Там-же; стр. 259.

18) Там-же; стр. 212, 213, 214.

 19) Литературная газета, Москва, № 51, 17 декабря 1969.
 20) Наука и религия, Москва, № 3, 1970, стр. 51-55; см. подробнее об этом: прот. Д. Константинов. Еще раз о «Черных досках», Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 21916, 15 июня 1970.

21) Евгений Осетров. Живая древняя Русь. Повесть о великом, добром

и вечном. Москва, изд-во Просвещение, 1970, стр. 25.

22) Новый мир, Москва, № 7, 1971, стр. 277-280. 23) Наука и религия, Москва, № 7, 1969, стр. 79.

24) Дополнительные материалы о разрушении церквей см.: Религия и атеизм в СССР. Ежемесячный обзор под редакцией Н. А. Теодорович. (Институт по изучению СССР). Мюнхен, № 10, октябрь 1970. О реставрации и ремонте храмов см. то же издание — № 7, июль 1971.

25) А. Д. Зимой на родине. Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 22266,

31 мая 1971.

 26) Туркменская Искра, № 204 (13798), 3 сентября 1971.
 27) Новый Мир, Москва, № 5, 1971, стр. 3. См. также: Ю. Марин. К вопросу о религиозно-мистических течениях в духовной жизни советского общества. Религия и атеизм в СССР. Ежемесячный обзор под ред. Н. А. Теодорович. (Институт по изучению СССР). Мюнхен. № 17. Март 1969.

ВЕРУЮШИЕ

1) Советская Литва, Вильнюс, № 73 (7845), 27 марта 1969. 2) Там-же.

3) Советская Белоруссия, Минск, № 76 (11527), 1 апреля 1969. 4) Советская Литва, Вильнюс, № 73 (7845), 27 марта 1969. 5) Подстрекатели, Известия, № 247 (16252), 18 октября 1969.

6) Наука и религия. Москва, № 5, 1970, стр. 36-37.

7) А. И. Солженицын. Пасхальный крестный ход. Издание газеты Русская Мысль, Париж, 20 марта 1969.

8) Хроника текущих событий. Вып. 16, 1970. Посев, Франкфурт-Майн,

шестой специальный выпуск, февраль 1971, стр. 4.

9) Наука и религия. Москва. № 12, 1969, стр. 2.

10) Там-же; стр. 2.11) Прот. Д. Константинов. Гонимая Церковь. Нью-Йорк, Всеславянское

издательство, 1967, 384 стр.

12) Э. И. Лисавцев. Особенности фальсификации истории и положения религии и церкви в СССР на современном этапе. В сборнике: Религия в планах антикоммунизма. Москва, издательство Мысль, 1970, стр. 52 и 53.

13) Правда, Москва, № 250 (19028), 7 сентября 1970.

14) По данному вопросу подробнее см.: Прот. Д. Константинов. Консервативная форма общественного сознания. Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 22049, 26 октября 1970.

15) Известия, Москва, № 247 (16252), 18 октября 1969. См. также: В. Куроедов. Свобода совести и закон. Неделя, Москва, № 44, 25-31 октября

1971, стр. 16.

- 16) Глеб Рар. Русь «истинно-православная». Посев, Франкфурт-Майн, № 1, 1971, стр. 52.
- 17) А. Марченко. Мои показания. Франкфурт-Майн, изд-во Посев, 1969, 421 стр.
 - 18) Там-же; стр. 31-32.
 - 19) Там-же; стр. 160.

20) Там-же; стр. 162. 21) Посев, Франкфурт-Майн, № 6, 1970, стр. 11.

22) Советские документы. Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 22189, 15 марта 1971.

23) Хроника текущих событий. Вып. № 3 и № 4, 1969. Посев, Франк-

фурт-Майн, Второй специальный выпуск, 1969, стр. 41 и 59.

24) Дополнительные материалы о Б. В. Талантове. Насилием нельзя победить идеи. Посев, Франкфурт-Майн, № 11, 1968, стр. 53-60; А. Э. Краснов-Левитин. Драма в Вятке. Посев, Франкфурт-Майн, № 10, 1969, стр. 6-7; Глеб Рар. Совесть Русской Церкви. Посев, Франкфурт-Майн, № 3, 1971, стр. 49-52; Кончина Бориса Талантова. Вестник русского христианского движения, Париж—Нью-Йорк, № 98, 1970, стр. 167-169; В. Самарин. Сила духа. Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 22203, 29 марта 1971. В. Самарин. Санкции. КГБ. Новое Русское Слово, № 22473, 24 декабря 1971.

25) Советские документы. Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 21713,

24 ноября 1969.

26) Наука и религия, Москва, № 10, 1969, стр. 54-57.

27) Там-же; стр. 55.

28) Подробно об этом случае см.: прот. Д. Константинов. Неуклюжая маскировка. (Серия: На религиозном фронте). Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 21745, 26 декабря 1969.

29) А. Маркуша. Выполняя поручение живых... Литературная газета, Москва, № 12, 18 марта 1970. См. также: прот. Д. Константинов. На кладбищенские темы. Новое Русское Слово, Нью-Рюрк, № 21854, 14 апреля 1970.

30) Наука и религия, Москва, № 12, 1969, стр. 7.

31) Посев. Франкфурт-Майн, № 5, 1971, стр. 3-4.

32) Г. М. Шиманов. Записки из Красного дома. Грани, № 79. 1971.

33) Русская Мысль, Париж, № 2885, 9 марта 1972.

34) Хроника текущих событий. Выпуск № 20. Девятый специальный выпуск. Посев. Франкфурт-Майн, 1971, стр. 32-33.

35) Правда Украины, Киев, № 275 (9031), 28 ноября 1971. 36) Правда Украины, Киев, № 269 (9025), 21 ноября 1971.

37) Там-же.

38) Правда Украины, Киев, № 15, 19 января 1972.

39) Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 20572, 7 мая 1969. См. также дополнительные материалы к этой главе в бюллетене Религия и атеизм. Ежемесячный обзор под редакцией Н. А. Теодорович (Институт по изучению СССР), Мюнхен, № 18, апрель 1969.

ГЛАВА 3

ВЕРУЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ

1) И. И. Огрызко. Дети и религия. Ленинград, Лениздат, 1970, стр. 3.

2) Там-же; стр. 4.

3) Там-же; стр. 15.

4) Наука и религия, Москва, № 12, 1969, стр. 25.

5) Вопросы научного атензма. Вып. 9. Система атенстического воспитания. Москва, изд-во Мысль, 1970, стр. 57.

6) Там-же; стр. 60. 7) Там-же: стр. 63.

8) Наука и религия. Москва, № 3, 1971, стр. 44.

9) И. И. Огрызко. Дети и религия. Ленинград, Лениздат, 1970, стр. 82-84.

10) Там-же; стр. 73. 11) Там-же; стр. 78.

12) Наука и религия, Москва, № 9, 1970, стр. 5.

13) Там-же; стр. 2.

14) Русская Жизнь, Сан Франциско, № 6392, 23 декабря 1969.

15) Правда Украины, Киев, № 194, 21 августа 1970.

16) См. также: Прот. Д. Констанинов. Гонимая Церковь, Нью Йорк, Всеславянское издательство, 1967, стр. 335.

17) Там-же; стр. 308-309.

18) Правда Украины, Киев, № 194, 21 августа 1970.

19) Правда Украины, Киев, № 123, 28 мая 1970.

- 20) Вопросы научного атеизма. Вып. 5. Москва, изд-во Мысль, 1968, стр. 86-95.
- 21) С. Рождественский. Борьба за молодые души. Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 22284, 18 июня 1971. См. также: Советская Россия, № 243, 17 октября 1971.
 - 22) Наука и религия, Москва, № 8, 1971, стр. 87.

23) Наука и религия, Москва, № 5, 1971, стр. 5.

 24) Наука и религия, Москва, № 6, 1971, стр. 38.
 25) С. Рождественский. Сила веры. Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 22063, 9 ноября 1970.

26) Туркменская Искра, Ашхабад, № 18 (13602), 28 января 1971.

27) Комсомольская правда. № 238 (13919), 16 октября 1970.

28) Там-же.

- 29) Новое Русское Слово. Нью-Йорк. № 22570, 30 марта 1972.
- 30) Советские документы. Новое Русское Слово. Нью-Йорк, № 22571, 31 марта 1972.
 - 31) Советская Россия, № 34 (4153), 11 февраля 1970.

32) Правда Украины, Киев, № 194, 21 августа 1970.

- 33) А. И. Глассоль. О верующей молодежи в СССР, Религия и атеизм в СССР. Ежемесячный обзор под ред. Н. А. Теодорович. (Институт по изучению СССР). Мюнхен. № 2 (40). февраль 1971.
- 34) Л. Кириллова. Ребенок на молитве. Наука и религия, Москва, № 7, 1969, стр. 28-32.
 - 35) Учительская газета, № 111, 23 сентября 1971.

ГЛАВА 4

РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

1) Прот. Д. Константинов. Гонимая Церковь. Нью-Йорк, Всеславянское издательство, 1967, 384 стр. Его-же. Религиозное движение сопротивления в СССР. Лондон (Канада), издательство СБОНР, 1967, 72 стр.

2) А. В. Белов и А. Д. Шилкин. Идеологические диверсии империализма

и религия. Москва, изд-во Знание, 1970, стр. 31-32.

3) Там-же; стр. 41-42.

4) Советская Литва, Вильнюс, № 146, 26 июня 1970.

5) Посев, Франкфурт-Майн, № 10, 1971, стр. 12.

6) Правда Востока, № 55, 6 марта 1969.

- 7) М. Бриман. Учить образу жизни (Заметки на сельские темы). Наука и религия, Москва, № 12, 1968, стр. 55.
- 8) В. Долгова. Большой педсовет. (Заметки о Всесоюзном с'езде учителей). Наука и религия, Москва, № 11, 1968, стр. 63.

9) Известия, Москва, № 218, 15 сентября 1971.

- 10) Религия и атеизм в СССР. Ежемесячный обзор под ред. Н. А. Теодорович (Институт по изучению СССР). Мюнхен, № 4-5 (30-31), апрельмай 1970.
 - 11) Там-же.
 - 12) Там-же.
 - 13) Там-же.
- 14) Религия и атеизм в СССР. Ежемесячный обзор под редакцией Н. А. Теодорович. (Институт по изучению СССР), Мюнхен, № 11, ноябрь 1971, стр. 1.
- 15) Советские документы. **Новое Русское Слово,** Нью-Йорк, № 22516, 5 февраля 1972.

16) Наука и религия, Москва, № 12, 1970.

- 17) Наука и религия, Москва, № 7, 1971, стр. 37-38.
- 18) Там-же; стр. 38.
- 19) Там-же; стр. 41.
- 20) Посев, Франкфурт-Майн, № 2, 1971, стр. 9.
- 21) Наука и религия, Москва, № 2, 1967, стр. 7.

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1971 ГОДА

1) См. по этому вопросу работы автора этой книги: Церковная политика Московской патриархии. (Сборник: Русская Православная Церковь в СССР. Мюнхен, издательство Центрального Об'единения Политических Эмигрантов из СССР — ЦОПЭ, 1962, стр. 146-194); его-же: Внешняя политика Московской патриархии. Грани, Франкфурт-Майн, № 49, 1961, стр. 166-186; его-же: Церковная политика Московской патриархии (в книге: Церковь. Нью-Йорк, Всеславянское издательство, 1967, стр. Гонимая 86-117).

2) Посев. Франкфурт-Майн, № 5, 1971, стр. 8; Посев. № 11, 1971, стр. 11.

3) Журнал Московской Патриархии, № 6, 1971, стр. 7. 4) Уроника текущих событий, вып. 20, 2 июля 1971.

5) Об этом см. подробнее нашу работу: Гонимая Церковь, стр. 337-345. 6) См. об этом подробнее: Глеб Рар, Церковь в России есть и спасает.

Посев, Франкфурт-Майн, № 11, 1971, стр. 41-47.

- 7) См. по этому вопросу нашу статью: Триумф церковной оппозиции, Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 22394, 6 октября 1971, и отклик на нее: протопресвитер Георгий Граббе. О «триумфе церковной оппозиции». Новое Русское Слово, Нью-Йорк, № 22403, 15 октября 1971.
- 8) См. например: Д. Поспеловский, К избранию патриарха Пимена. Вестник русского студенческого христианского движения. Париж-- Нью-Йорк, № 99 (1), 1971, стр. 37-41. Официальную биографию патриарха Пимена см. в Журнале Московской Патриархии, № 6, 1971, стр. 23.
 - 9) Посев, Франкфурт-Майн, № 10, 1971, стр. 19. 10) Журнал Московской Патриархии, № 6, 1971, стр. 21.

11) Посев, Франкфурт-Майн, № 10, 1971, стр. 19.

12) Журнал Московской Патриархии, № 6, 1971, стр. 4.

13) Посев, Франкфурт-Майн, № 11, 1971, стр. 44. 14) Посев, Франкфурт-Майн, № 10, 1971, стр. 20. См. также: Религия и атеизм в СССР. Ежемесячный обзор под ред. Н. А. Теодорович. (Институт

по изучению СССР). Мюнхен. № 23. сентябрь 1969.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ

протоиерея д. константинова 1970-1971.

СОКРАЩЕНИЯ: Новое Русское Слово (Нью-Йорк) Русская Жизнь (Сан-Франциско) Русская Мысль (Париж)	. РЖ
Русско-Американский Православный Вестник	
 0 	

Атенстические раздумья начала семидесятых годов. РАПВ, март 1970, № 3; РЖ, 13 мая 1970, № 7023; РМ, 2 июля 1970, № 2797.

Будем более об'ективны в наших мнениях. (По поводу статьи С. Н. — Будем осторожны в наших решениях). НРС, 27 ноября 1971, № 22446.

- Вместо ответа московскому журналу. НРС, 6 октября 1970, № 22029. Духовные основы «Августа Четырнадцатого». НРС, 31 октября 1971, № 22419.
- Европейские заметки. НРС, 16 октября 1971, № 22404 и 1 ноября 1971, № 22420.
- Защита знаний или диссертаций? НРС, 24 марта 1970, № 21833.
- Исключительная книга. (А. Н. Источник бессмертия, Париж, 1970, 170 стр.). РЖ, 21 октября 1971, № 7363.
- К вопросу о выборах нового патриарха. НРС, 8 марта 1971, № 22182.
- МАЛЫЕ БЕСЕДЫ. Нью-Йорк, Всеславянское издательство, 1971, 160 стр. Рецензии: Свящ. А. Павлович. Прот. Д. Константинов. «Малые беседы». Всеславянское издательство. Нью-Йорк, 1971. 160 страниц текста. Цена 2.50. РЖ, 19 мая 1971, № 7266. В. З—н. Беседы-проповеди прот. Д. Константинова. НРС, 10 июля 1971, № 22306. П. Ковалевский. Прот. Д. Константинов Малые беседы. РМ, 19 августа 1971, № 2856. В. В. Малые беседы. Часовой, Брюссель, август 1971, № 542 (8), стр. 16.
- «Молитву пролию ко Господу...» (По поводу нового издания молитвослова). РЖ, 9 июня 1970, № 7041.
- Мысли о Боге. РАПВ, июнь 1971, № 6.
- **На религиозном фронте. 52. Головокружение от успехов.** НРС, 6 января 1970, № 21756.
- На религиозном фронте. **53.** Микромир советских будней. HPC, 12 января, 1970, № 21762.
- На религиозном фронте. 54. Крещение. НРС, 1 марта 1970, № 21810.
- На религиозном фронте. 55. Митрополит Мануил и архиепископ Филарет. НРС, 9 марта 1970, № 21818.
- На религиозном фронте. **56.** «А мы и есть народ!» НРС, 16 марта 1970, № 21825.
- На религиозном фронте. **57.** «Ориентировка на местности». НРС, 10 апреля 1970. № 21850.
- На религиозном фронте. 58. На кладбищенские темы. НРС, 14 апреля 1970, № 21854.
- На религиозном фронте. 59. Вынужденная контратака диктатуры. НРС, 4 мая 1970, № 21874.
- На религиозном фронте. 60. Атеистическое человековедение. НРС, 25 мая 1970, № 21895.
- На религиозном фронте. **61.** Своеобразные раз'яснения. HPC, 1 июня 1970, № 21902.
- На религиозном фронте. 62. Напряженная обстановка в области борьбы с религией. НРС, 8 июня 1970, № 21909.
- На религиозном фронте. 63. Еще раз о «Черных досках». HPC, 15 июня 1970, № 21916.
- На религиозном фронте. 64. Советский человек. НРС, 29 июня 1970, № 21930. На религиозном фронте. 65. Положение верующих в местах заключения. НРС, 21 июля 1970, № 21952.
- На религиозном фронте. 66. Демографическая фантасмагория. НРС, 31 июля 1970, № 21962.
- На религиозном фронте. 67. Атеистические метания. HPC, 10 августа 1970, № 21972.
- На религиозном фронте. 68. Еще раз о религиозном движении сопротивления. НРС, 20 октября 1970, № 22043.
- На религиозном фронте. 69. Консервативная форма общественного сознания. НРС, 26 октября 1970. № 22049.
- На религиозном фронте. 70. Крест. НРС, 2 ноября 1970, № 22056.
- На религиозном фронте. 71. Власть о религиозной молодежи. НРС, 23 ноября 1970, № 22077.

- На религиозном фронте. 72. Нестороведение. НРС, 30 ноября 1970, № 22084. На религиозном фронте. 73. Без марша Мендельсона. НРС, 11 декабря, 1970, № 22095.
- На религиозном фронте. 74. «Диверсия» внутренняя и внешняя. НРС, 14 декабря 1970, № 22098.
- На религиозном фронте. **75.** Конференция атеистов. HPC, 23 декабря 1970, № 23007.
- На религиозном фронте. 76. Космос опасен для советского атеизма. HPC, 7 января 1971, № 23022.
- На религиозном фронте. 77. Космическая религия. HPC, 18 января 1971, № 22133.
- **На религиозном фронте. 78. Гость или хозяин?** НРС, 1 февраля 1971, № 22147.
- **На религиозном фронте. 79. Министерства и реальная жизнь.** НРС, 9 февраля 1971, № 22155.
- На религиозном фронте. 80. Апелляция к космосу... HPC, 15 февраля 1971, № 22161.
- На религиозном фронте. 81. Повышается ли религиозность в СССР? НРС, 1 марта 1971, № 22175.
- На религиозном фронте. 82. «Истлевшее знамя реакции». HPC, 22 марта 1971, № 22196.
- **На религиозном фронте. 83. «В редакцию пришло письмо...»** НРС, 5 апреля 1971, № 22210.
- На религиозном фронте. 84. «Раскалывающиеся» и поддерживающие. НРС, 19 апреля 1971, № 22224.
- На религиозном фронте. 85. Атеизм в школе. НРС, 3 мая 1971 г. № 22238
- На религиозном фронте. **86.** Институт научного атеизма. НРС, 17 мая 1971, № 22252.
- **На религиозном фронте. 87. Интервью митрополита Алексия.** НРС, 24 мая 1971, № 22259.
- На религиозном фронте. 88. Неопровержимые свидетельства. HPC, 14 июня 1971, № 22280.
- На религиозном фронте. 89. Провинциальные откровения. НРС, 21 июня 1971. № 22287.
- На религиозном фронте. 90. Битва за молодое поколение. HPC, 30 июля 1971, № 22326.
- На религиозном фронте. 91. Страх за будущее советского атеизма. HPC, 25 октября 1971, № 22413.
- На религиозном фронте. 92. Переписка с читателями. HPC, 15 ноября 1971, № 22434.
- На религиозном фронте. 93. Валаам. НРС, 29 ноября 1971, № 22448.
- На религиозном фронте. 94. «Боевитость». НРС, 6 декабря 1971. № 22455.
- На религиозном фронте. 95. На Почаевской трассе. НРС, 20 декабря 1971, № 22469.
- На религиозном фронте. 96. Общественное мнение верующих. НРС, 27 декабря 1971, № 22476.
- Неразрешенная проблема. НРС, 12 сентября 1970, № 22005.
- Осквернение. РЖ, 18 декабря 1970; № 7165; РАПВ, январь 1971, № 1.
- Открытое письмо П. Курочкину, заместителю директора Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. РЖ, 16 июня 1970, № 7046; РМ, 30 июля 1970, № 2801.
- Размышления на досуге. (По поводу книги В. Морт «Хэппи энд»). НРС, 25 сентября 1970, № 22018.
- Суббота для человека... РЖ, 7 августа 1971, № 7312; РАПВ, сентябрь 1971, № 9.
- Триумф церковной оппозиции. НРС, 6 октября 1971, № 22394.
- Хананеянка. РАПВ, ноябрь 1969; № 11; РЖ, 17 января 1970, № 6946; РМ, 26 марта 1970, № 2783.
- Церковь и война, РАПВ, ноябрь 1971. № 11.

глава 6

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СССР

В 1972 - 1973 г.г.

- 1/ Русско-Американский Православный Вестник, Нью-Йорк, №6, июнь-июль 1973; см. также: Русская Жизнь, Сан Рранциско, №7760, 19-6-1973 г.
- 2/ <u>Новое Русское Слово</u>, Нью-Йорк, № 23201, 6 января 1974. А.Т. Встреча с верующей родиной.
- 3/ <u>Новое Русское Слово</u>, Нью-Йорк, № 22859, 13 января 1973 г. <u>Русская Мысль</u>, Париж, № 2937, 8 марта 1973 г.
- 4/ <u>Коммунист Таджикистана</u>, Душанбе, 24 июня 1973 г.
- 5/ Советская Белоруссия, № 99, 27 апреля 1973 г.; см. также: Новое Русское Слово, Нью-Йорк № 22995, 29 мая 1973 г.
- 6/ <u>Новое Русское Слово</u>, Нью Йорк, 13 марта 1973 г. Советские документы.
- 7/ <u>Новое Русское Слово</u>, Нью Йорк, № 22922, 17 марта 1973 г. Советские документы.
- 8/ <u>Новое Русское Слово</u>, Нью Йорк, № 22924, 19 марта 1973 г. Советские документы.
 - 9/ Посев, Франкфурт-Майн, №6, 1973, стр.12.
- 10/ <u>Новое Русское Слово</u>, Нью Йорк, № 23037, 10 июля 1973 г.
 - 11/ Посев, Франкфурт-Майн, №1, 1973, стр.18.
 - 12/ Новое Русское Слово, Нью Йорк, № 22836,
- 21 декабря 1972 г. Советские документы.
- 13/ <u>Новое Русское Слово</u>, Нью-Йорк, № 22842, 27 декабря 1972 г. Советские документы.
 - 14/ Наука и религия, Москва, №2, 1973.
- 15/ Новое Русское Слово, Нью Йорк, № 22835, 20 декабря 1972 г. Советские документы; см. также Русская Мысль, Париж, 24 мая 1973 г. Литовские католики: обзор последних событий.

- 16/ Религия и атеизм в СССР, ежемесячный обзор под редакцией Н.Теодорович, Мюнхен, №5/67/май 1973 г. Приведенные отзывы были сделаны до выхода в свет последней книги А.И.Солженицына "Архипелаг Гулаг", начинающей новый период жизни и деятельности великого писателя.
 - 17/ Наука и религия, Москва, №2, 1973.
 - 18/ Tam же.
- 19/ <u>Новое Русское Слово</u>, Нью Йорк, № 23010 13 июня 1973 г. С. Рождественский. После загса пол венец.
 - 20/ Наука и религия, Москва, № 10, 1972.
 - 21/ Tam жe.
 - 22/ Наука и религия, Москва, № 4, 1973.
 - 23/ Tam жe.
- 24/ <u>Советская Россия</u>, Москва, 11 ноября 1972 г.
- 25/ Советская Киргизия, Фрунзе, 6 февраля 1973 г.
- 26/ И.Р.Шафаревич. Законодательство о религии в СССР. Доклад Комитету прав человека. Париж, ИМКА-ПРЕСС. 1973 г. Стр. 84.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие
Глава 1. Православные храмы в СССР
Предварительные замечания5
Количество открытых храмов6
Изменение количества храмов. "Храмовой
режим"8
Памятники духовной культуры народа /цер-
ковное искусство/16
Глава 2. Верующие
Негласный диалог власти с верующими31
Церковный народ
Гонения на верующих44
"Белое пятно"55
Глава 3. Верующая молодежь
"Воспроизводство религии"61
Активность религиозной молодежи65
Крестики. Крещение и молодежь68
Религиозное просвещение молодежи75
Омоложение состава верующих80
Глава 4. Религиозное движение сопротивления
Постановка вопроса86
На фронте борьбы90
Письма верующих101
Глава 5. Поместный Собор 1971 г.
Церковная политика Московской
патриархии105
Поместный Собор РПЦ 1971 года107
Глава 6. РПЦ в СССР в 1972-1973 г.г.
Общие предпосылки121
Преследования верующих127
Верующая молодежь
Религиозная война
Примечания и приложения
Сведения об открытых храмах 1968-1971.143
Поместный Собор 1971 г150
Письмо А.И.Солженицына Патр.Пимену151
Примечания155
Библиография работ прот. Д.Константино-
ва /1970-1971/159

